

Катя Хитынецова

Умерла ~ поберегись!

Фантастическая сага
о любви

Любовь и смерть могут быть связаны.
Но в кино!

Ким Харрисон — одна из ведущих авторов современного вампирского романа — начинает новый сериал. Сериал, который расширяет границы молодежной мистики — и, по мнению уже появившихся у него фанатов, не уступает классике жанра — саге «Сумерки» — ни в смысле обаяния персонажей, ни в смысле яркого, необычного сюжета!

Быть убитой во время выпускного бала — явно не то, о чём мечтает каждая девушка. Но необходимость стать ученицей одного из ангелов смерти — светлого или тёмного — это совсем уже плохо. Конечно, даже в самой неприятной ситуации есть положительные стороны. Отныне Мэдисон навечно сохранит юность и обретёт привлекательность, которой ей не хватало при жизни. Но зато в отношениях с сильным полом у неё начинаются серьёзные проблемы. Ведь стоит ей познакомиться с парнем, как в голове Мэдисон мелькает — а что, если завтра ей предстоит убить его? Честно ли влюбляться ангелу смерти — неважно, светлему или тёмному? И если честно — то в кого? Может лучше всего подойдёт для Мэдисон тот, который заранее знает, с кем имеет дело?

Ким Харрисон
Умерла — поберегись!

Посвящается Эндрю и Стюарту.

Пролог

Все это делают. В смысле, умирают. Это я выяснила на свой семнадцатый день рождения, когда в ночь школьного бала погибла в странной аварии. Только это была не авария. Мою душу срезали по тщательно продуманному плану — это был всего лишь крошечный эпизод в битве светлых и темных жнецов, рая и ада, выбора и предопределения. Но я не умерла окончательно, как большинство людей. А по ошибке застряла здесь, мертвая, на земле. Лишь ангел, который не сумел меня защитить, и амулет, который я украла у своего убийцы, не дают мне попасть туда, куда хотели затащить меня темные жнецы. То есть умереть совсем.

Меня зовут Мэдисон Эйвери, и я здесь, чтобы рассказать вам о многом таком, чего вы не можете видеть, слышать, к чему не в силах прикоснуться. Потому что я вижу, слышу, касаюсь. Живу этим.

Злая как черт, я прислонилась плечом к валуну. На кроссовках пестрели пятна солнца, ветер трепал волосы, и они щекотали шею. Неподалеку в озере плескалась детвора, но от счастливых воплей у меня только сильнее сжималось все внутри. Пусть себе Барнабас старается за каких-нибудь двадцать минут успеть то, на что мы впустую потратили четыре месяца.

— Бесполезно, — пробормотала я, глядя через тропинку на жнеца, который стоял с закрытыми глазами, прислонившись к сосне. Может, Барнабас и старше, чем сам огонь, но джинсы и черная футболка на его долговязой фигуре смотрятся отлично. Крыльев, что принесли нас сюда, не видно, но вообще-то они есть. Кудрявый кареглазый ангел смерти в драных кроссовках.

«В святых драных кроссовках?» — подумала я, раздраженно перекатывая ногой шишку.

Барнабас почувствовал мой взгляд, открыл глаза и спросил:

— Мэдисон, да ты хоть пытаешься?

— А то! — пожаловалась я, хотя и знала, что дело это пропавшее. Я взглянула на свои кроссовки. На носках черепа и кости, а сами желтые с пурпурными шнурками, под цвет моих коротких волос — светлых с выкрашенными в пурпурный кончиками. Правда, никто этого соответствия не замечал. — Слишком жарко, не могу сосредоточиться, — возмутилась я.

Жнец, недоверчиво подняв брови, оглядел мои шорты и майку. Вообще-то мне было не жарко, но очень тревожно. Когда я выскользнула из дома и поехала на велике в школу на встречу с Барнабасом, то знать не знала, что попаду в летний лагерь. Но несмотря на все мои жалобы, выбраться из Трех Рек было все-таки здорово. Университетский городок, в котором живет мой папа, конечно, ничего, но вот быть в нем новенькой — полный отстой.

— Температура воздуха тут ни при чем, — нахмурился Барнабас, и я завозила шишкой еще быстрее. — Почувствуй свою ауру. Я прямо перед тобой. Давай, а то отнесу тебя домой.

Я пнула шишку, отбросив подальше, и вздохнула. Если мы отправимся домой, тот, кого мы должны спасти, умрет.

— Стараюсь, — я снова прислонилась к валуну и дотронулась до черного камня на серебряном шнурке, что висел у меня на шее. Барнабас нетерпеливо покашлял, я закрыла глаза и попробовала представить туманную дымку вокруг себя. Мы пытались говорить без слов, одними мыслями. Если я разгляжу туман вокруг Барнабаса и сумею придать своим мыслям тот же цвет, они проникнут в ауру жнеца, и он их услышит. Не так-то просто, ведь я даже его ауры в упор не вижу. Четыре месяца этой странной учебы, а я и первой ступени не осилила.

Барнабас — светлый жнец. Темные жнецы убивают людей, если те в возможном будущем пойдут против главных законов судьбы. Белые жнецы стараются остановить черных, чтобы у людей оставалось право выбора. Барнабас должен был предотвратить мою смерть, а теперь, наверное, считал меня одной из самых впечатляющих своих неудач.

Но той чудной ночью я была не такой уж кроткой. Ныла и возражала против ранней гибели, а потом украдала амулет у своего убийцы и вроде как спаслась. Амулет создает иллюзию тела. Но где мое настоящее тело, я по-прежнему не знаю. И это меня немножко беспокоит. И еще я не знаю, почему выбор пал на меня.

Когда я заявила, что амулет мой, камень словно превратился в лед и пламя, из простого

серого стал черным, глубоким, как космос, и, казалось, поглощал свет. Но с тех пор... ничего не происходило. Чем старательнее я училась с ним обращаться, тем больше он становился похож на самый обыкновенный камень.

Барнабас теперь защищает меня на случай, если мой убийца придет за амулетом, а я, насколько это возможно, вернулась к обычной жизни. Я посягнула на амулет, но моя душа не обратилась в пыль — вероятно, и этот камень, и я — особенные. Однако присматривать за мной было совсем не в духе Барнабаса, и я знала, как ему не терпится вернуться к своей душеспасительной работе. Мне бы только разобраться с этим чтением мыслей! Тогда бы Барнабас занялся своими делами, а меня оставил дома в относительной безопасности. Вернись темный жнец — я бы связалась с Барнабасом. Но пока ничегошеньки не получается.

— Барнабас, — я уже устала от всего этого, — ты уверен, что мне вообще такое под силу? Я ведь не жнец. Может, я не в состоянии соприкоснуться с тобой мыслями, потому что мертвая? Ты об этом думал?

Барнабас молча устремил взгляд на окаймленное соснами озеро. Думал, поняла я по тому, как обеспокоенно он пожал плечами:

— Попробуй еще разок.

Я вцепилась в камень так, что шнурок впился в пальцы, и попыталась представить себе Барнабаса, его непринужденное изящество, которого так недостает большинству старшеклассников, симпатичное лицо, притягательную улыбку. Я не схожу по нему с ума, честно, просто все ангелы смерти, которых мне довелось видеть, были красавчиками. Особенно тот, что убил меня.

Несмотря на долгие ночи тренировок со светлым жнецом на моей крыше, я не могла ничего поделывать с мерцающим черным камнем. Барнабас столько околачивался поблизости, что папа думал, он мой парень, а мой начальник из цветочного магазина — что мне уже пора обращаться за защитой в суд.

Я оттолкнулась от валуна.

— Прости, Барнабас. Иди, занимайся своим делом. Я посижу здесь и подожду тебя. Все будет хорошо.

Может, потому он меня сюда и принес. Здесь я в большей безопасности, чем в одиночестве за несколько сотен миль отсюда. Не уверена, но, по-моему, Барнабас наврал своему шефу о моих успехах, чтобы снова вернуться к работе. Ангел врет — н-да, видимо, и такое случается.

— Нет, — Барнабас поджал губы. — Плохая мысль. — Он перешагнул через тропинку и взял меня за руку. — Пошли.

Я вырвалась.

— Ну не могу я говорить с тобой мыслями, и что с того? Не хочешь оставлять меня здесь — пойду с тобой и постою в сторонке. Черт возьми, Барнабас! Это же летний лагерь! Что со мной может случиться?!

— Много чего, — ответил он, и его юное лицо исказила гримаса.

Кто-то шел по тропинке, и я отступила на шаг.

— Буду держаться в стороне. Никто даже не узнает, что я здесь, — сказала я, а Барнабас тревожно прищурился.

Люди приближались, и я беспokoйно топталась на месте.

— Ну же, Барнабас. Не для того ты меня сюда притащил, чтобы потом просто отнести домой, правда? Знал же, на что четыре месяца потрачено — за двадцать минут не

наверстаешь. Мы оба этого хотим. Я и так мертвая. Что мне сделается?

Он взглянул на идущую по тропинке шумную компанию.

— Знала бы ты, не стала со мной спорить. Спрячь амулет. Кто-то из них может оказаться темным жнецом.

— Я не боюсь, — сказала я и засунула камень под майку. Но это была неправда. Нечестно — я мертвая, но сердце все равно стучит, а дыхание прерывается от страха. Барнабас сказал, чем дольше я пробуду мертвой, тем слабее станут ощущения, но пока все оставалось по-прежнему, и это меня смущало.

Я опустила глаза и посторонилась, пропуская трех девчонок и троих парней. Они все были в шортах и шлепанцах, спускались по склону холма к пристани, и девчонки так увлеченно болтали, будто им больше ни до чего на свете нет дела. Казалось бы, все хорошо — пока по мне не пробежала тень. Я подняла голову.

Черное крыло. Я сдержала дрожь. Живым — если их вообще замечают — они кажутся обычными воронами. Сбоку эти склизкие черные лоскуты почти не разглядеть — просто до странности яркая, мерцающая полоса. Они падальщики, питаются душами людей, которых забирают темные жнецы, и, если бы не защита украденного амулета, добрались бы и до меня. Светлые жнецы остаются рядом со срезанной душой и защищают покойного, пока не проводят с земли.

Я взглянула на Барнабаса. Тут и без мысленного разговора понятно: кого-то из этой компании подстерегает безвременная смерть. Чтобы выяснить, кого именно, Барнабас руководствуется примерным описанием от своего шефа, собственной интуицией и способностью видеть ауры.

— Знаешь, кто жертва? — спросила я.

Со слов Барнабаса я поняла, что возраст человека определяется по мерцанию ауры — это отчасти объясняло, почему он не сумел защитить меня. Дело было на мой день рождения, а Барнабас работает только с семнадцатилетними. До того как машина перевернулась, мне было шестнадцать, а когда мне официально исполнилось семнадцать, я уже умерла.

Жнец прищурился, и в миг приближения к божественному глаза его стали серебряными. Пугающее зрелище, скажу я вам.

— Нет, — произнес он. — Им всем по семнадцать, кроме девушки в красном купальнике и того низенького темноволосого паренька.

— Ну а жнец?

Амулета ни у кого не было, но это не имело значения — камню можно придать любой вид. Этого я тоже не умела.

Барнабас пожал плечами, не сводя глаз с компании.

— Может, жнеца пока нет. У него — или у нее — тоже будет семнадцатилетняя аура, как и у нас с тобой. Я не знаю всех темных жнецов в лицо, и не узнаю наверняка, пока он или она не вытащит меч.

Вытащит меч, воткнет в человека, вжик! — душа срезана. Отлично. Когда станет ясно, кого опасаться, будет уже поздно.

Я смотрела, как черные крылья чайками носятся над причалом. Барнабасу не стоялось на месте.

— Хочешь пойти следом? — спросила я.

— Да.

Перепоручать это дело кому-то еще слишком поздно. Сердце по старой памяти застучало быстрее — призрачный след былой жизни, от которого мой разум никак не мог избавиться, — и я схватила Барнабаса за руку.

— Так давай же!

— Нет, — возразил он уже на ходу, и я обратила внимание, что, спускаясь с холма, мы шагаем точно в ногу.

— Я просто посижу тихонько. Что такого?!

Наши шаги отдались глухим эхом от досок причала, Барнабас остановил меня и повернул к себе лицом.

— Хватит с меня ошибок, Мэдисон. Уходим. Сейчас же.

Я посмотрела мимо него, щурясь от яркого света и свежего ветра — и вздрогнула: один из склизких черных лоскутов устроился на столбе, выжидая. Ребята, ничего не замечая, спорили с начальником пристани. Стоит нам уйти — кто-то умрет. Никуда я не уйду. Я вздохнула поглубже и собралась уже переубедить Барнабаса, как вдруг из будки начальника послышался голос:

— Эй! Ребята, вы не сильно заняты?

Барнабас прямо подпрыгнул, я же с улыбкой обернулась:

— А в чем дело? — и тревожно замерла.

— В лыжах, — ответил тот невысокий брюнет. В руках у него была пара водных лыж. — Нам не дают две лодки, нужно восемь человек. Не хотите в специальные наблюдатели?

Я вся задрожала. И решила за двоих:

— Конечно!

Барнабас хочет спасти этого человека. Я тоже. И мы это сделаем.

— Мэдисон... — он вцепился в меня.

Но все уже радостно забирались в лодки, и я притянула его поближе, изучая лица ребят. Кто здесь лишний?

— На какой лодке жертва? Я поплыву на другой.

— Это не так-то просто, — Барнабас сжал челюсти. — Целое искусство, не раз-два — и приказ выполнен.

— Тогда угадай! — взмолилась я. — Бога ради, даже если мы сядем в разные лодки, между нами будет... метров десять! Велика важность! Я просто крикну, ладно?

Он колебался, я прищурилась, глядя, как на его лице отражаются противоречивые чувства. Плохая это мысль или хорошая, — на кону жизнь. За моей спиной пронеслось черное крыло.

Барнабас хотел было что-то сказать, но тут к нам подошел парень в серых плавках. Он держал буксирный трос и улыбался.

— Я Билл, — и он протянул руку.

Я повернулась к Барнабасу боком, пожала руку и застенчиво представилась:

— Мэдисон.

Этот точно не жнец. Слишком уж обычный на вид.

Барнабас пробормотал свое имя, Билл оглядел его с головы до ног и спросил:

— Вы оба умеете вести лодку?

— Я — да, — ответила я, пока Барнабас не придумал повода вытащить нас отсюда. — Но с лыжником на хвосте никогда не пробовала. Я просто посмотрю. — И взглянула на Барнабаса. Последние слова предназначались ему.

— Отлично! — Билл расплылся в озорной улыбке. — Не хочешь прокатиться в моей лодке? И посмотреть на меня?

Он заигрывал со мной. Я ухмыльнулась. Столько времени пряталась ото всех в компании Барнабаса, занималась этими мысленными контактами, что уже и забыла, как весело — и совсем в порядке вещей — флиртовать. А Билл заигрывал со мной — не с той девчонкой, которая сняла шорты и осталась в желтом бикини, чтобы похвастать своей попкой, и не с той сногшибательной длинноволосой брюнеткой в шортах и блестящем пестром топе.

— Уж я посмотрю, — я шагнула за ним, но тут же споткнулась и остановилась — это Барнабас схватил меня за руку.

— Эй! — громко начал он, глаза его снова стали серебряными, и меня пробрала дрожь. — Давайте так: ребята на одной лодке, а девчонки — на другой.

— Класс! — весело отозвалась девушка в бикини. Она смотрела прямо на Барнабаса, но словно не замечала, что глаза у него как будто из металла. — Тогда мы в синей лодке.

Я вырвалась из Барнабасовой хватки. Мне было неудобно — замечать то, что наверняка не дано видеть никому из живых. Думаю, он и сам не знал, что я вижу. Ребята загалдели, пересаживаясь, моторы запыхтели, канаты были отброшены. Я, еще стоя на пристани, легонько подтолкнула Барнабаса и успела прошептать:

— Билл ведь не жнец?

— Нет, — раздался шепот мне в ответ. — Но что-то его затуманивает. Может, он и есть жертва.

Я кивнула, а Барнабас отвернулся и пошел к парню в синей рубашке, который похозяйски стоял у руля красной лодки. Я поздоровалась с девчонками и уселась на дно маленькой синей моторки. Барнабас собирался прикрывать жертву. Я посмотрела через пристань на Билла. Интересно, видит ли он темный туман вокруг себя, или это лишь мое воображение?

Вскоре мы уже мчались по маленькому озеру, за нашей лодкой скользила на лыжах девушка в красном сплошном купальнике, за лодкой ребят — Билл. Ритмичные глухие удары и шипение разбиваемых волн казались мне чудесной знакомой песней. Солнце жгло плечи, ветер обдувал их прохладой, трепал волосы. Черные крылья в замешательстве кружили над пристанью, но самые большие уже устремились за нами. Я взглянула на лыжников, и мне стало совсем не по себе.

Билл, похоже, был профи, да и девчонка, что катила за нашей лодкой, тоже. Если жнецы не они и не тот парень в серых плавках, то оставались трое, и двое из них со мной. Очень захотелось коснуться спрятанного под майкой черного камня. Но нет. Надеюсь, Барнабас посадил меня в нужную лодку. У девчонки в бикини на шее была цепочка.

— Ты хорошо катаешься? — крикнула я ей. Хотелось услышать ее голос.

Она повернулась, улыбаясь и придерживая длинные светлые волосы, чтобы не растрепало ветром.

— Ничего так, — она наклонилась ко мне, чтобы перекричать мотор. — Думаешь, она скоро упадет? Просто умираю — хочу в воду.

Улыбка так и примерзла к лицу. Надеюсь, девушка не предсказывает свое будущее.

— Может, и упадет. Им скоро прыгать.

— Ага, — она посмотрела на пурпурные кончики моих волос и перевела взгляд на сережки с черепами и костями. — Меня зовут Сьюзан.

— Э-э, Мэдисон, — я изо всех сил уцепилась одной рукой за борт, чтобы не потерять равновесие. На таком ветру особо не поговоришь, и, пока Сьюзан смотрела, как лыжница прыгает у нас в кильватере, я решила оценить девушку у руля.

У изящной красотки была великолепная черная грива. Густые длинные волосы струились на спину, и мне были видны маленькие уши и решительные скулы девушки, с безмятежным видом смотревшей вперед. Широкие плечи, стройное тело, казалось, она не просто красивая, но и сильная. Ее яркий топик сверкал на солнце, и я пожалела, что у меня, в отличие от нее, нет темных очков.

Потом я перевела взгляд на красную лодку, скользившую по воде метрах в тридцати от нас. Барнабас разговаривал с парнем в синей рубашке. Лодка подходила к трамплину, ветер переменялся, Сьюзан наклонилась ко мне, но не успела подхватить длинные волосы, и они задели меня по лицу. Черные крылья нас догнали. Вся компания.

— Ты здесь надолго? — спросила Сьюзан.

— Да нет, — честно ответила я. — Считаю, через две недели в школу.

— Мне тоже, — кивнула она.

Я беспокойно заерзала на забрызганном водой резиновом коврике на дне лодки. Пусть я и сторонний наблюдатель, но к девушке у руля стоило присмотреться внимательнее. Смертный не должен так шикарно выглядеть. Набраться бы храбрости и поговорить с ней — тогда бы я узнала, человек она или нет. «А если нет, Мэдисон?» — подумала я в еще большем волнении. Вряд ли я смогу сказать что-то Барнабасу. Может, и не стоило рассаживаться по разным лодкам?

— Меня родители сюда отправили, — снова заговорила Сьюзан. — Пришлось бросить работу и все такое, — добавила она, закатив глаза. — Осталась без месячной зарплаты. Я работаю в газете, а папа не захотел, чтобы я все лето пялилась в монитор. До сих пор думают, что мне двенадцать.

Я кивнула и тут же замерла — влажный черный лоскут размером с воздушного змея проскользнул между лодками, как будто мы и не двигались на приличной скорости. Сдержав дрожь, я взглянула на Барнабаса. Он хмурился. Черные крылья резвились и в воде, и над водой, они все приближались, и напряжение сковало меня с головы до ног.

Сьюзан поднялась и, покачиваясь вместе с лодкой, нежилась на ветру. Я снова едва поборола желание коснуться черной, гладкой, словно обкатанной волнами, поверхности камня и прижала руку к животу. Меня начинало мутить, но не от скачков лодки, а от того, что должно было произойти. Если Барнабас опять оплошает, как тогда со мной, кто-то умрет. Со мной это уже случилось — ну, по крайней мере наполовину, — и пробуждение в морге было отнюдь из веселых.

Я перевела взгляд с нашей лыжницы на Барнабаса. Красная моторка осторожно приближалась; мы шли к трамплину. Каштановые волосы Барнабаса развевались на ветру, он стоял, широко расставив ноги для равновесия, и говорил с рулевым — точь-в-точь обычный семнадцатилетний мальчишка, такой же, как тот, кого должен спасти. Словно почувствовав, что я смотрю на него, Барнабас поднял глаза, и наши взгляды встретились. Черное крыло нырнуло между нами в воду. Сын дохлого щенка! Вот это наглость! Значит, время почти пришло.

— Эй! — крикнула Сьюзан, указывая туда, где скрылось черное крыло. — Ты видела? — Глаза ее были широко раскрыты. — Похоже на электрического ската. Не знала, что они в пресной воде живут.

«Уж точно не в этом полушарии», — подумала я, изучая горизонт. Черные крылья были повсюду, они следовали по пятам за лодками, над и под водой.

Сьюзан обеими руками вцепилась в поручни и уставилась в воду по правому борту. Конечно, она не видела и половины того, что там творилось, но что-то почувствовала. Мой воображаемый пульс участился. Чем сильнее я волновалась, тем крепче мой разум хватался за воспоминания о прежней жизни. Что-то вот-вот произойдет, а я не знаю, как быть. А вдруг красotka у руля и есть жница?

Я тревожно прислушивалась к шипению воды. Вот и лыжный трамплин. Девушка одолела его и на вершине дуги издала победный клич. Уже внизу она потеряла равновесие и упала в воду, но грациозно, будто нарочно.

Через несколько секунд Билла на спуске рвануло в сторону: он зацепился за трамплин носком лыжи. Я ахнула, беспомощно глядя, как он переворачивается. Жнецы любят случайности и наносят смертельный удар потерпевшему, чтобы замести следы. Барнабас был прав. Жертва, а значит и жнец, в его лодке.

— Поворачивай! — завопила я. — Билл ударился о трамплин!

Лодка сменила курс, Сьюзан закричала:

— О господи, он в порядке?

С Биллом все будет хорошо, если Барнабас доберется до него первым. Девушка у руля поворачивала лодку, и я взглянула на нее, мысленно призывая поторопиться. Теперь сквозь темные очки были видны ее глаза. Голубые, подумала я поначалу, а потом страх наполнил меня. Пока я смотрела на нее, тихо и удовлетворенно улыбающуюся, они стали серебряными. Жница. Девушка у руля — темная жница. Барнабас ошибся лодкой. Черт! Знала же, что живые такими красивыми не бывают.

В страхе я опустила глаза — только бы она не поняла, что я знаю. Лодка замедлила ход, я отодвинулась к корме и в полном смятении обхватила себя руками. Наша лыжница поплыла к Биллу, но Барнабас уже нырнул в воду. Он доберется первым. Сьюзан подошла ко мне и стала у борта, Барнабас тем временем обхватил Билла одной рукой и собрался тащить... к нашей лодке, а не к своей. Мне стало еще страшнее. Он не знает, что жница здесь. И волочет Билла прямо ей в руки! Ну зачем я во все это ввязалась? Я ведь даже общаться с Барнабасом на расстоянии не могу!

Лодки сближались, моторы запыхтели тише и наконец совсем заглохли. Все с криками бросились к бортам. Я постаралась привлечь внимание Барнабаса так, чтобы темная жница не поняла, что я догадалась, — и при этом не выпуская ее из поля зрения. Но он не поднял глаз.

Билл был в сознании, но из раны на голове шла кровь. Кашляя, он протянул слабую руку. Я вздрогнула, когда тень черного крыла скользнула по мне и исчезла. Сьюзан рядом со мной тоже вздрогнула — она явно чувствовала, как над нами кружат склизкие черные листки, хотя и не видела их.

— Вытащите его, — прошептала я. Черные крылья мягко скользили под водой, словно акулы. — Вытащите его из воды.

На моей лодке было не намного безопаснее. Я наклонилась, чтобы оказаться между жницей и Биллом, когда его втаскивали на борт. Темная жница наверняка знает, что кто-то захочет ее остановить, или уже решила, что это Барнабас, ведь он же бросился в воду.

— Как ты? — спросила Сьюзан и ойкнула, когда лодки мягко стукнулись друг о друга и рулевой с красной лодки кинул веревку, чтобы связать их. Девушка опустилась на колени в

узком пространстве перед задней скамейкой и вытащила из сумки пляжное полотенце. — У тебя кровь течет. Вот, положи на голову, — сказала она, а Билл только безучастно моргал.

Барнабас, не глядя на меня, устроился рядом с ним, а я с колотящимся сердцем осторожно приблизилась к очаровательной смерти в пестром топе и шлепанцах. От нее пахло перьями и чересчур сладкими духами. «Она меня не узнает. Я в безопасности», — убеждала я себя. Но когда Барнабас поднялся и собрался прыгать на другую лодку, самообладание меня покинуло.

— Барнабас! — крикнула я и тут же замерла — скорее почувствовав, а не услышав свист металла в воздухе.

Я резко обернулась. Темная жница стояла, уверенно расставив ноги на узком носу лодки, яркий свет заливал ее — и ее меч. На его рукояти сверкал фиолетовый камень, такой же, как у жницы на шее. Теперь я его видела. Оба камня ярко сияли с глубинной силой. И смотрела жница не на Билла. А на Сьюзан.

— Нет! — крикнула я в ужасе. Клинок вспыхнул на солнце — я, не раздумывая, ринулась к Сьюзан и толкнула ее в плечо, сбивая с ног. Она взвизгнула и упала на корму рядом с Биллом. Колени словно обожгло — я стесала их о резиновый коврик. Я подняла голову — солнце на мече резануло по глазам — и судорожно вздохнула, когда клинок прошел прямо сквозь меня. Ощущение было такое, будто моей души коснулись сухие перья.

Время словно остановилось, хотя ветер по-прежнему дул, а лодки покачивались на волнах. Ребята на другой моторке опомнились от изумления и закричали. Теперь они тоже видели жницу. Она уставилась на меня, растерянность на ее лице сменилась ужасом — жница поняла, что срезала не ту душу.

— Клянусь серафимами... — прошептала она, а гомон на другой лодке становился все громче.

— Черт подери, Мэдисон, — сказал Барнабас, — ты же обещала просто смотреть.

Все еще на коленях перед жницей, я приложила руку к невредимому животу и вспомнила то жуткое ощущение, когда я сидела в перевернувшейся машине на дне оврага, ошеломленная, дрожащая, еще живая. И страх обреченности при виде меча — я была в смятении, а темный жнец злился, потому что я не умерла во время аварии, и пришлось пускать в дело клинок.

— Ну ты же не успел, — ответила я, отогнав воспоминание о своей смерти.

Сьюзан, пошатываясь, поднялась, а меч темной жницы исчез — она загнала его силу обратно в свой камень. Жница, приоткрыв рот, смотрела на амулет у меня на груди — он показался из-под майки, когда я упала.

— Камень Кайроса! — сказала она. — У тебя камень Кайроса? Откуда? Он... — Жница заколебалась, глядя на меня в замешательстве. — Кто ты?

Кто такой этот Кайрос? Темного жнеца, который убил меня, звали Сет. Облизнув губы, я поднялась и чуть не наступила на Билла.

— Я Мэдисон, — дерзко заявила я, а самой было страшно до смерти. — Забрала этот амулет у хозяина. Уходи, а то я и твой заберу.

Угроза была липовая, но лицо жницы из удивленного сделалось решительным.

— У тебя камень Кайроса, так, может, он хочет его вернуть? — и она протянула тонкую руку.

— Прочь, Мэдисон! — завопил Барнабас.

Я в испуге отпрянула, споткнулась о Билла и опустилась на длинную скамейку на

корме. Жница шагнула следом, и лицо ее было грозно. Конечно, убить меня заново ей не удастся, но она может утащить меня с собой.

Ребята закричали, но вдруг между мной и жницей что-то мелькнуло. Барнабас! Он внезапно вырос передо мной в своих обычных-преобычных джинсах и футболке, весь темный и мокрый. От него, настоящего воина, исходила неодолимая сила.

— Ты ее не получишь, — произнес он нараспев, глядя на темную жницу из-под мокрых кудрей.

— У нее камень Кайроса, — повторила жница, амулет сверкнул фиолетовым, и в ее руке вновь оказался меч. — Она наша.

Что значит «наша»? Я вжалась в жесткую спинку, но Барнабас силой амулета, сверкавшего теперь ярко-оранжевым, сотворил свой меч. Клинки звенели при ударах, и низкий гул отдавался у меня в ушах. Перепуганные ребята шумели вокруг нас, отшатывались кто куда, чтобы не попасться на пути.

Барнабас стремительно шагнул вперед, ударил по мечу противницы и со скрежетом повернул клинок. При каждом движении меча оставляли за собой фиолетовую и оранжевую полосы света. Выбитый из рук жницы клинок описал дугу в воздухе и скользнул в воду, не оставив даже ряби на поверхности.

Жница съежилась и схватилась за запястье, словно ее пронзила острая боль. Амулет потемнел, точь-в-точь как ее лицо. Кто-то приглушенно ругнулся.

— Возвращайся в свои глубины, — заговорил Барнабас. — Я слышал о тебе, Накита. Не смей срезать души в моих владениях. У тебя ничего не выйдет.

Глаза жницы сузились. Сжав челюсти, она посмотрела на Сьюзан, потом на меня.

— Что-то здесь не так. И ты это знаешь. Я слышу это в песнях серафимов, — сказала она, но стоило Барнабасу чуть приподнять подбородок, жница нырнула в воду искать свой меч.

Время шло. Жница не появлялась на поверхности, но если она такая же, как Барнабас, дышать ей не нужно, и, скорее всего, она улизнула.

Парень в синей рубашке метнулся на корму лодки и посмотрел вниз.

— Вы видели? — он поднял взгляд на нас и снова удивленно уставился на воду. — Вы видели?

Барнабас хотел было что-то сказать, но передумал, лицо его утратило выражение гневного воина. Наши взгляды встретились, и я вся сжалась, когда серебряное сияние в его глазах сменилось беспокойством.

С другого конца лодки раздался голос Сьюзан:

— Так ты просто столкнул ее в воду?

Ой-ой. А это будет трудновато объяснить.

Барнабас поморщился, взял в ладонь свой амулет и тихо спросил:

— Кого?

Билл всматривался в небо — следил взглядом за исчезающими черными крыльями. Сьюзан в замешательстве ответила:

— Тут была девушка, — она села. — Темноволосая. — Сьюзан посмотрела на Билла. — И нож. Нож, да? Ты же видел?

Билл снял с головы полотенце, взглянул на красное пятно и ответил:

— Да, видел.

Барнабас, прекрасно держа равновесие, прошел через всю лодку и опустился на одно

колени перед Биллом.

— Ты ничего не видел, — все еще сжимая амулет, Барнабас заглянул парню в глаза и вновь приложил полотенце к ране. — Ты здорово ударился головой. Как себя чувствуешь? Сколько я пальцев показываю?

Билл не ответил, а я смотрела на воду — только не Барнабасу в глаза. Они снова стали серебряными, и я поняла, что сейчас не стоит встречаться с ним взглядом.

— Билл ударился головой, — спокойно продолжил Барнабас. — Нужно, чтобы кто-нибудь его осмотрел, давайте вернемся на пристань.

Словно по волшебству, всеобщие страх и смятение обернулись озабоченностью, и все тут же расселись по местам. У меня тряслись колени, Барнабас завел мотор нашей лодки, и, воспользовавшись шумом, я наклонилась к нему:

— Они не вспомнят? — я и забыла, что Барнабас умеет подделывать воспоминания.

Барнабас выскользнул из-за руля и бросил:

— Веди ты, — положил руку мне на плечо и легонько подтолкнул к сиденью. — И поторопись, пока никто не вспомнил, что сначала у руля была не ты.

Говорил он раздраженно, и я принялась возиться с рычагами. Ну да, я умею управлять этой несчастной лодкой. Научилась раньше, чем кататься на велосипеде, — я ведь выросла на островах у побережья Флориды.

Барнабас укладывал лыжи и мокрые канаты, а я потихоньку тронула лодку с места. Первая моторка сразу набрала скорость, и я шла по ее следу, так было легче плыть. Сюзан кричала по мобильнику:

— Он ударился головой на лыжном трамплине! Лагерь «Укромное озеро». Мы плывем к пристани. Он в сознании, но, может, придется накладывать швы.

Я прибавила скорости и прислонилась к прохладному пластику спинки, плечо сразу похолодело там, где его коснулся Барнабас. Черные крылья исчезли, только одна темная тень кружила у берега. Душу мы спасли, но Барнабас что-то не радовался.

Сюзан закрыла телефон и поковыляла назад к Биллу.

— Эй! — она старалась перекричать рев мотора. — Я вызвала «скорую». Ты как?

Раскрасневшийся Билл растерянно озирался:

— Где девушка с мечом?

Барнабас покрутил пальцем у виска.

— Не волнуйся! — Сюзан чуть понизила голос, хотя по-прежнему почти кричала. — Скоро приедем.

Я взяла курс на огни «скорой помощи» у пристани и постепенно сбросила скорость. На причале уже собралась толпа. Надеюсь, нам с Барнабасом удастся скрыться незамеченными.

— Где девушка с мечом? — снова спросил Билл.

Барнабас опустил рядом с ним и с нажимом произнес:

— Не было никакой девушки с мечом.

— Я ее видел, — настаивал Билл. — У нее были темные волосы. У тебя тоже был меч. Где он?

Я посмотрела на Барнабаса, и он ответил мне таким взглядом, словно я опять все запутала. Может, если жнецу приходится подделывать воспоминания, это признак неряшливой работы?

— Успокойся, Билл, — говорил Барнабас. — Ты сильно ударился головой.

Я крепче сжала руль. А что если из-за травмы Билл стал менее чувствительным к

изменениям памяти? Сильно ли я навредила? Но ведь я только оттолкнула Сьюзан, вот и все. А что было делать? Стоять в сторонке? Допустить, чтобы ее убили? Ни за что! Сьюзан пребывала в блаженном неведении. Она была жива. Она пройдет свой путь до конца и, наверное, совершит нечто великое, иначе не стала бы мишенью для темных жнецов.

Складка между моими бровями разгладилась, я отвела влажную прядь от глаз. Хорошо, что вмещалась, я права, и Барнабасу меня ни за что не переубедить. И все же я чувствовала себя глуповато. А как иначе? Два года занималась боевыми искусствами, а сумела лишь оттолкнуть Сьюзан?!

Барнабас оставил Билла и Сьюзан вдвоем на скамейке и сел напротив меня.

— Я вызову ангела-хранителя, — он наклонился так близко, что я уловила запах подсолнухов — так они пахнут, когда опускается вечерняя прохлада. — Со Сьюзан все будет хорошо.

— Отлично, — мы уже подплывали к пристани, и я, не отводя взгляда от Барнабаса, сбавила газ. — Все вышло не так уж плохо, да?

Жнец шумно выдохнул:

— Ты даже не представляешь, какие из-за тебя начнутся неприятности! Святые хранят тебя, Мэдисон. Пятеро видели, как ее меч прошел сквозь тебя. Считаешь, трудно научиться общаться мысленно?! А ты поди-ка поизменяй воспоминания! Не стоило тебя сюда брать. Знал же, что это небезопасно.

Я стиснула зубы и уставилась на приближающуюся пристань, забитую народом.

— Я спасла ей жизнь. Так в чем же дело?

— Жница узнала тебя, — угрюмо ответил он. — Ты обещала только смотреть, а потом взяла и... вмещалась, да так, что тебя узнали! Теперь они знают резонанс твоего амулета. Могут пойти по следу. Найти тебя.

Я хотела возразить. У жнецов — резонансы амулетов, у живых людей — ауры. Жнецы умеют искать и по тому, и по другому, и на огромном расстоянии, и поблизости, словно по фотографии или кричаще ярким отпечаткам пальцев.

— По-твоему, пусть бы она умерла, Барни? — едко спросила я, зная, как он ненавидит это прозвище. — Пусть бы жница срезала ее душу, лишь бы меня не узнали? Позови Рона. Он изменит резонанс моего амулета. Уже случалось.

Барнабас скрестил руки на груди и нахмурился. Несмотря ни на что, я была права, и он это знал.

— Придется, да? — сказал он так, словно и в самом деле был семнадцатилетним мальчишкой, за которого себя выдавал. — Я уже триста лет так не встречал. Ну, кроме случая с тобой. Теперь мне тоже нужно менять резонанс амулета.

И он угрюмо уставился вперед. Угрюмый ангел. Какая прелесть.

Но чем больше я об этом думала, тем хуже все представлялось. Похоже, со времени нашего знакомства я только и делаю, что порчу Барнабасу жизнь. Мой особый талант. Теперь ему придется связываться с шефом, чтобы тот все уладил, а Барнабас ненавидел представлять в дурном свете.

— Извини, — сказала я тихо-тихо, зная, что он услышит.

— Пока резонансы амулетов не поменяли, мы уязвимы, как утки на воде, — пробормотал Барнабас.

Я в страхе поискала глазами черные крылья, но они исчезли. Рядом с пристанью, в спокойной с подветренной стороны воде отражались деревья. Я переключилась на среднюю

тягу.

— Я же сказала, извини, — повторила я, и Барнабас оторвал взгляд от мигающих огней «скорой».

В тени его карие глаза казались черными, и было в них что-то такое, чего я не замечала прежде.

— Ты многого не знаешь, — сказал он, пока я поворачивала лодку, чтобы причалить рядом с первой. — Может, пора исходя из этого себя и вести?

Сьюзан перебрасывала за борт предохранительные покрывки — чтобы лодка не стукнулась о причал — Барнабас прошел к носу кинуть швартовы на берег, а я глушила мотор. Врачи «скорой» ждали с носилками, у них, похоже, камень с души свалился, когда Билл крикнул, что он в порядке. Здесь царило деятельное волнение, и когда в толпе мелькнула светлая рубашка с короткими рукавами — а по ней скорее узнаешь начальника лагеря, чем по бейджику с именем, — я вся съежилась. Надо выбираться.

Народ вылезал из лодки под громкую болтовню и расспросы, на которые Сьюзан с воодушевлением и во весь голос отвечала. Я поднялась. Хотелось домой, но не мог же Барнабас взять и унести нас на виду у всех. Он вылез на пристань, я боязливо шагнула в толпу следом.

— Не спускай глаз с девушки, — сказал жнец, видя, что я места себе не нахожу. — Нужен какой-нибудь тихий уголок, чтобы ангел-хранитель сумел меня найти. Вряд ли на нее снова попытаются напасть, но и такое бывает. К тому же они знают, что ты здесь. Ничего не предпринимай, если покажется жнец, ладно? Просто крикни, позови меня. Справишься?

Я подавленно кивнула, и мы начали пробираться сквозь толпу. Я поплелась за Барнабасом и нашла наконец местечко поукромнее рядом со «скорой». Сердце снова остановилось. Наконец-то. Барнабас над этим потешался, а я еще больше смущалась. И дышала вдобавок, в чем, в общем-то, не было необходимости. Я слушала, как Сьюзан говорит с группкой девчонок и начальником лагеря. Странное чувство — хотелось быть ближе, но так, чтобы самой не участвовать в происходящем.

Все ахали над рассказом Сьюзан, а я радовалась, что в нем нет ни слова о поединке на мечах или о том, как девушка в цветастом топе исчезла в волнах. Ночью, во сне, все будет совсем по-другому. Я слишком часто ловила папин испуганный взгляд и гадала, помнит ли он о морге. Пока я воровала амулет у своего убийцы, папе позвонили и сказали, что я умерла. И когда я увидела, как он сидит у меня в комнате и разглядывает мои вещи, не зная, что я жива, у меня чуть сердце не разорвалось. А как он обрадовался, когда увидел, что я снова дышу! Меня никто никогда так крепко не обнимал. И хотя его воспоминания изменили... иногда мне кажется, что он все-таки помнит.

Барнабас уселся на красный столик для пикника под соснами. Перед жнецом висел в воздухе туманный светящийся шар размером с софтбольный мяч. Похоже на дефекты, которые иногда видны на фотографиях. Некоторые принимают их за призраки, но вдруг это ангелы-хранители, но видно их только на пленке и при определенном освещении?

— А потом он свалился в воду, — Сьюзан заговорила медленнее, что-то не складывалось у нее в памяти, и я отвернулась — как бы она не узнала меня и не попросила подсказать.

Она сказала, что работает в газете — может, из-за желания стать журналистом выбор и пал на нее. Может, позднее ей суждено совершить нечто противоречащее великому плану темных жнецов. В этом-то все дело. Потому и меня убили. Не знаю, что такого великого я

должна была совершить и чего уже никогда не совершу — я ведь умерла.

Скрестив руки, я прислонилась к шершавому стволу сосны. Никогда не пожалею о том, что спасла Сьюзан жизнь.

Барнабас поднялся и начал прокладывать дорогу сквозь толпу, шар света следовал за ним. Подружки Сьюзан заметили жнеца и, хихикая, примолкли. Тот с беззаботным видом улыбнулся и пожал Сьюзан руку. И словно по сигналу, туманный свет переместился к ней. Теперь у нее есть ангел-хранитель; она в безопасности. Теперь мне не так тревожно.

— Спасибо, что все время с ним разговаривала, — сказал Барнабас и привычным движением откинул с лица мокрые волосы. В задних рядах кто-то вздохнул. — Тебе стоит поехать с ним в больницу. Если у него сотрясение мозга, он не сможет уснуть ночью.

Сьюзан вспыхнула.

— Конечно. Ну да. Думаешь, разрешат? — она повернулась к начальнику лагеря. — Можно мне поехать?

Получив согласие, Сьюзан сверкнула улыбкой и под свист толпы потопала к «скорой». Шар света вплыл в машину перед ней, и легкое напряжение, сковывавшее Барнабаса, развеялось. Значит, он тоже за нее беспокоился. А казалось, ему все равно.

Мне сразу стало лучше, я взглянула на Барнабаса и улыбнулась. Хорошо, что все позади. Лицо жнеца стало непроницаемым, и моя улыбка погасла. Он повернулся на пятках и пошел прочь, ожидая, что я последую за ним.

Я поникла и поплелась сквозь поредевшую толпу, радость от спасения Сьюзан сгорела — обернулась серым пеплом. Если бы я только могла добраться до дома другим путем... Барнабас, похоже, сердится.

Воздух в вышине был обжигающе холодный, даже показалось, что мои мокрые волосы замерзли. Барнабас приземлился там же, откуда мы сегодня отправились в путь, на парковке нью-ковингтонской средней школы. Как всегда, я не успела рассмотреть его крылья: они исчезли в вихре воздуха, дувшего в спину. Мокрые джинсы, обыкновенная черная футболка и серый плащ — для такой жары он совершенно не подходил, зато очень даже подходил самому Барнабасу. Материя мягким цветом напоминала его крылья, что спускались от плеч до самых пяток.

Я неуверенно пошла между машинами к велостоянке. Утром никаких машин здесь не было. Интересно, в чем дело? С третьей попытки я открыла замок и медленно покатила свой зеленый десятискоростной велосипед в тень, прислонила его к стене мне по пояс, отделявшей крутой склон холма от дороги, и встала рядом с Барнабасом в ожидании Рона, его начальника.

Я скучала по своей машине, которая так и осталась у мамы во Флориде, но ради того, чтобы получше узнать папу, стоило потерпеть. Мама устала вести беседы с директором, учителями, другими родителями и бояться, что телефонный звонок на ночь глядя — это из полиции. Вот и прислала меня сюда. Ну ладно, может, я и перестаралась с «выражением независимости в суждениях», как маме сказал директор. Прямо перед этим в разговоре с глазу на глаз он попросил: хватит бороться за всеобщее внимание, просто начинай взрослеть. На самом деле все мои выходки были вполне невинны.

Откуда-то раздался жалобный стрекот цикады, я взобралась на стену подле Барнабаса и скрестила руки на груди. И тут же опустила их, чтобы не казаться грустной. Барнабас грустил за обоих. В обратном полете он как-то неудобно меня держал. И молчал. Он вообще-то не отличался разговорчивостью, но теперь молчание было напряженным, почти тягостным. Может, Барнабасу досадно, что он весь промок, прыгнув в озеро. Я из-за него тоже оказалась вся мокрая сзади.

Мне было неудобно, и я притворилась, что завязываю шнурки, чтобы незаметно отодвинуться от Барнабаса на сантиметр-другой. Могла бы попросить его посадить меня прямо у дома, но тут был мой велосипед. К тому же не стоит забывать о любопытной миссис Волш — не хотелось бы мне, чтобы она увидела, как Барнабас разворачивает крылья и улетает. Готова поклясться, у этой тетки на подоконнике лежит бинокль! Я думала, школа — единственное место, где нас никто не увидит. И мне было невдомек, откуда здесь взялись машины.

Я вытащила из кармана телефон, включила, проверила пропущенные вызовы и снова убрала. Взглянула на Барнабаса и сказала:

— Прости, что по моей вине тебя узнали на жатве.

— Это была не жатва. Нужно было помешать жнице срезать душу, — строго поправил Барнабас.

Он уже так долго здесь, а все равно порой ведет себя как ребенок. Может, потому его и назначили ответственным за семнадцатилетних.

— Все равно прости, — сказала я, опять усаживаясь на бетонную стену.

Барнабас прислонился к ней, щурясь, уставился в небо и вздохнул:

— Об этом не беспокойся.

Мы снова замолчали. Я постучала ногтями по бетону и сказала:

— Похоже, самый красивый — или самая красивая — и есть темный жнец.

Барнабас обиженно покосился на меня:

— Красивая? Накита — темная жница!

— Вы, ребята, все шикарные. По одному этому вас можно в толпе узнать, — я пожалала плечами. Барнабас говорил искренне. Неужели и правда не замечал, как все они совершенны? Наконец он отвел взгляд, и я добавила: — Ты знаешь ее?

— Слышал, как она поет, — тихо ответил Барнабас. — И когда она воспользовалась амулетом, чтобы срезать душу, я сличил имя и лицо. Она жница уже давно, потому и камень такой — темно-фиолетовый. Камни меняют цвета в зависимости от опыта, у светлых жнецов — от зеленого к желтому, потом к оранжевому, и наконец становятся темно-красными, почти черными. У темных — наоборот: от синих и лиловых оттенков к фиолетовому. Цвет твоего камня отражается в ауре, когда применяешь амулет. Но ты же не видишь ауры, да?

Он явно издевался, и я не попросила его придержать язык только потому, что думала о своем камне, черном, как глубины космоса.

— Значит, она стала жнецом раньше тебя, — сказала я, и Барнабас удивленно повернулся ко мне.

— С чего ты взяла? — в его голосе опять звучала обида.

Я взглянула на его амулет. Теперь, в бездействии, он был просто серый.

— Это как радуга. Она фиолетовая, ты оранжевый, за шаг до красного, на другом конце спектра. Твой камень еще не красный. Но будет, когда вы сравняетесь в опыте.

Барнабас смерил меня взглядом и замер.

— Он не оранжевый. Он красный!

— А вот и нет.

— А вот и да! Он красный с тех пор, как пирамиды построили!

— Да какая разница, — я пренебрежительно махнула рукой. — Все равно не пойму, при чем тут ее пение.

Барнабас фыркнул и отвернулся к стоянке.

— Благодаря амулетам можно общаться вне земных пределов, и я слышал ее. Цвет камня соответствует звуку. Как будто не видишь ауру, а слышишь. Когда ты здесь, не так-то трудно угадать, кто поет, в земных пределах нас немного. Хоть я и слышу темных жнецов, но не могу их понять. Для этого Наките пришлось бы менять цвет своих мыслей под стать моей ауре, а мы так далеко друг от друга по спектру, что это практически невозможно. Да и с какой стати мне нужно, чтобы ее мысли проникали в мои?!

Вот так! Эти сведения могли бы и раньше пригодиться, а я четыре несчастных месяца билась над своим амулетом без толку.

— А-а... Я-то думала, когда хотите поговорить, вы просто поднимаетесь в рай, ну или вроде того.

Жнец опустил голову.

— Целая вечность прошла с тех пор, как я принял амулет, и с того самого времени прикован к земле.

Барнабас прикован к земле?

— Ух ты... — я передвинулась так, чтобы оказаться к нему лицом, под ногами закрипел гравий. — Жнецы прикованы к земле?

— Не все, только светлые, — он покраснел, словно от смущения. — Накита вольна

приходить и уходить, когда ей вздумается. Она прикасается к земле лишь чтобы убивать; а потом исчезает. — Прозвучало довольно горько.

— Я думала, все ангелы живут в раю.

— Нет, — коротко ответил Барнабас, — не все. — Он скроил недовольную гримасу, провел рукой по курчавым волосам, от чего они еще больше взлохматились и только стали красивее. — Немногие ангелы преступают закон, но те, кто его нарушает, часто выбирают путь жнецов, чтобы искупить вину. А когда очищаются, возвращаются к другим обязанностям.

Искупление? Отпущение грехов? Значит, Барнабас стал жнецом из-за каких-то оплошностей? А потом появилась я, и их только прибавилось! Но, думаю, спасение жизней будет на пользу любому ангельскому резюме.

— Что ты натворил? — спросила я.

Барнабас прислонился к стене и скрестил руки на груди.

— Я стал светлым жнецом из чувства моральной ответственности, а не потому, что рассердил серафимов. Мне до них дела мало.

Я слышала, как он раньше клялся серафимами — или клял их, — когда мы сидели у меня на крыше и кидались камешками в летучих мышей. Само собой, Барнабас невысокого мнения о больших шишках из высших ангельских сфер, но мне все равно интересно, чем же занимаются серафимы. Все-таки управлять Вселенной — дело не из простых.

По-прежнему не глядя на меня, Барнабас оттолкнулся от стены и отошел на границу света и тени. Он что-то недоговаривал — я только укрепились в этой мысли, когда жнец, подперев бока руками, уставился на раскаленную от жары стоянку.

— Хотя она права. Бывают вещи, которые пахнут похуже черных крыльев на солнце, — проговорил он задумчиво. — Накита сказала, у тебя камень Кайроса. Это невозможно. Он... — Барнабас обернулся, и от выражения его лица меня пробрал озноб. — Мэдисон, я много думал. Когда придет Рон, я попрошу, чтобы твое обучение доверили кому-нибудь другому.

Я разинула рот, меня как будто в живот двинули. Вдруг все это стало очень даже важным. Он меня бросает! Господи, должно быть, я глупее, чем думала. Мне было обидно, и, не зная, что делать, я сползла со стены, но не оттолкнулась от нее как следует и вся оцарапалась. В глазах стояли слезы, я вцепилась в свой велосипед и покатила его к дальнему выезду. Все, домой. Рон меня и там найдет.

— Ты куда? — спросил Барнабас, когда я закинула ногу через седло.

— Домой.

Быть мертвой — полный отстой. Никому не расскажешь, а теперь меня вдобавок будут передавать один другому, как рождественский фруктовый пирог, который никто не хочет есть. Не желает Барнабас больше со мной возиться — пожалуйста, но стоять здесь, когда он будет просить Рона — просто унижительно.

— Мэдисон, это не потому, что ты меня подводишь. Не могу я тебя учить, вот и все, — карие глаза Барнабаса наполнились тревогой и сочувствием.

— Это потому что я мертвая и глупая. Такая уж у меня участь, — сказала я с грустью.

— Ты не глупая. Я не могу тебя учить из-за этого амулета.

В его словах послышалось беспокойство, и я остановилась. Мне вдруг стало страшно. Все это время Барнабас никак не мог понять, что у меня за камень.

— Амулет Кайроса? — прошептала я и тут же замерла, словно кто-то вдруг пощекотал

меня между лопатками. Я застыла и бросила взгляд на тени. Они правда прыгнули вперед, или показалось? Барнабас посмотрел куда-то мне за спину, и во взгляде его странным образом смешались облегчение и настороженность.

— У меня всего минутка. Давайте-ка взглянем на ваши амулеты, — послышался твердый голос хранителя времени.

Я обернулась и увидела маленького человечка, который шурился на солнце.

— Рон, — тихо проговорила я, а он устремился вперед, его просторные серые одежды смотрелись не лучше Барнабасова плаща — то есть совершенно не подходили для жары. Я взглянула в сторону школы, надеясь, что никто меня не увидит с этой парочкой. И без того считают странной. Прошло уже полгода, а я по-прежнему за новенькую. Может, стоит одеваться попроще? И вдобавок пурпурные волосы — таких тут ни у кого нет.

Хронос — для краткости Рон — выглядел как чародей и Махатма Ганди одновременно, ходил в облачении, как у мастера боевых искусств, а его карие глаза, по-моему, видели сквозь стены. Брови его выгорели на солнце и стали совсем светлыми, кожа смуглая, жесткие вьющиеся волосы — темные. Он был ниже меня ростом, но впечатление производил внушительное. Наверное, из-за голоса, неожиданно глубокого. Слова он выговаривал с приятной отчетливостью, словно сказать нужно многое, но времени на это очень мало.

Двигался Рон быстро, амулет позволял ему проникать в потоки времени, поэтому он не старился — хотя хранители времени, в отличие от жнецов, по некой причине были людьми. Так что спрашивать о его возрасте было бессмысленно. Благодаря своей способности читать время и управлять им он помогал светлым жнецам. Это он отправлял Барнабаса в «командировки» — предотвращать срезание душ.

Рон бросил мрачный взгляд на небо, протянул руку и нетерпеливо пошевелил пальцами, чтобы я поскорее дала ему камень:

— Мэдисон?

— Рон, мой амулет... — начала я и сжала висящий на кожаном ремешке камень.

— Да, знаю. С этим я разберусь, — пробормотал он, взял мой камень в ладони, и они на мгновение исчезли. По коже головы пробежала дрожь — и все. — Ты когда успела покраситься? — Вскользь спросил Рон, его пронизательный взгляд был устремлен мимо меня.

— После того бала. Рон...

Но он уже стоял перед светлым жнецом, властно протянув руку. Барнабас, возвышавшийся над маленьким старичком явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Барнабас... — в голосе Рона прозвучало предостережение — или обвинение.

Жнец, похоже, тоже уловил эту интонацию: не подходя ближе, снял амулет с шеи и протянул начальнику. Без камня Барнабас не мог сотворить меч и вообще терял многие свои способности. Я без своего превратилась бы в призрак.

— Сэр, — начал Барнабас. Амулет принял тот же оттенок, как тогда в лодке, и жнецу, казалось, стало не по себе; а камень уже вновь сделался матово-черным. — Насчет амулета Мэдисон...

— С ним я все уладил, — оборвал Рон, возвращая Барнабасу камень.

Тот надел простой ремешок на шею и заправил амулет под футболку.

— Темная жница узнала его.

— Знаю! Потому я и здесь! — рявкнул Рон, Уперев руки в бока и сверля Барнабаса

взглядом снизу вверх. Я огорченно опустила глаза. — Вас обоих узнали. На первом же предотвращении, куда ты ее взял. Что случилось?

Ну вот, у Барнабаса опять из-за меня неприятности.

— Извините меня, — сокрушенно сказала я, и Барнабас поднял голову. — Это я предложила. — Тут же затараторила я. Может, если я возьму вину на себя, Барнабас даст мне еще один шанс? Теперь я знаю, что у каждой ауры свое звучание, это меняет дело. Вдруг нам все-таки удастся освоить соприкосновение мыслями? — Барнабас не хотел меня брать, пока мы не научимся соприкасаться мыслями, но я его убедила, что в этом нет ничего страшного. А потом я познакомилась со Сьюзан. И ни за что бы не позволила жнице убить ее. Все так быстро произошло...

— Прекрати! — взревел Рон, и я прямо подпрыгнула. Он вытаращился на Барнабаса, а тот... неужели съежился от страха? — Ты сказал мне, что она умеет соприкасаться мыслями! — Загремел старичок, и я просто оторопела. — Так это ложь? Мой жнец солгал мне?

— Э-э, я... — запнулся Барнабас и попятился, когда Рон надвинулся на него, стараясь заглянуть в лицо. — Я не врал! — Выкрикнул он. — Это ты так решил, когда я сказал, что она готова. А она и в самом деле готова.

Он думает, я готова? Хотя мы не можем даже соприкоснуться мыслями?

— Ты знал, что я не разрешу взять ее с собой, пока не научится, — глаза Рона сузились. — Из-за этого пятерым пришлось изменять воспоминания. Пятерым!

Недолгий восторг от того, что Барнабас посчитал меня готовой, улетучился. Уж лучше бы держала рот на замке. А то прямо как щенок — вот вам сюрприз на коврике. Кошмар.

— Сколько ни занимайся, Мэдисон не сможет соприкасаться со мной мыслями, — возразил Барнабас, краснея. — Дело не в ней, а в амулете!

— Господь всемогущий! — прервал его Рон, простер руку к небесам и отвернулся. — Этого я от серафимов утаить не могу. Представляешь, какой шум поднимется?! Ты просто уделял ей мало времени. Соприкасаться мыслями — это тебе не «раз» и готово! Надо долго учиться.

Барнабас сдвинул брови:

— Я не говорю, что у нее не выйдет. Но только не со мной. Сэр, — он взглянул на меня, — срезать душу должна была темная жница Накита. Она узнала амулет Мэдисон. Он принадлежал Кайросу!

Хранитель времени будто окаменел. Смятение сменилось изумлением. Поймав его взгляд, Устремленный на мой амулет, я решительно сжала камень в кулаке, да так, что серебряный шнурок впился в шею. Он мой. Я заявила свои права на него, и никому не забрать его без боя. Даже Кайросу, кем бы он там ни был.

— Камень Кайроса? — прошептал Рон и, заметив, что мне страшно, отвел взгляд.

— Да, а если он у нее, — сказал Барнабас, — тогда, может быть...

— Тс-с... — Рон не дал ему договорить, и жнец осекся. — Я знал, что это не обычный камень, как у всех жнецов, но что это амулет Кайроса... Ты уверен? Накита так и сказала?

Барнабас стоял, не шелохнувшись:

— Я был там, сэр.

А еще Накита сказала, что я принадлежу им, и мне теперь от этого прямо-таки чудесно. Я просто хочу стать такой, как раньше, пребывать в счастливом неведении относительно жнецов, хранителей времени и черных крыльев. Может, если не обращать внимания, все это

исчезнет?

Рон искоса поглядывал на нас, его напряженная поза выдавала недоверие. Он махнул рукой в ту сторону, где кончалась тень.

— Иди, Барнабас, посмотри за небом.

Жнец молча ступил на границу света и тени и устремил взгляд ввысь. Меня пробрала дрожь. В один миг все переменялось — из-за Кайроса.

— Кто такой Кайрос? — спросила я, обращаясь к Рону.

— Он занимает такой же пост, как я, — Рон тревожно поглядывал из тени дерева на жаркую стоянку. — Светлые жнецы, темные жнецы. Светлый хранитель времени, темный хранитель времени. Не думала же ты, что я единственный? Все в мире пребывает в равновесии, и Кайрос — мой противовес. Он смотрит, как нити времени сплетаются в возможные варианты будущего, и посылает темных жнецов пожинать человеческие души до срока. Я трачу больше времени на то, чтобы предугадать его замыслы, чем на всю остальную работу.

Последнее он произнес раздраженно. Мое сердце снова заколотилось, и я скрестила руки на груди, как будто это могло его остановить. Та-ак. Выходит, я стащила амулет у хранителя времени. Вот елки, надо избавляться от этой штуковины. Хотя вряд ли мне удастся позаимствовать амулет у какого-нибудь жнеца, а свой вернуть Кайросу. Оставить его себе — иного выхода нет. И я больше никогда не буду спать. Сон — хорошее дело, но мне уже не понадобится.

— Не удивительно, что Сет не вернулся, — сказала я, стараясь додумать мысль до конца. — Наверняка прячется от Кайроса.

Рон нахмурился, отошел подальше в тень и прислонился к стене рядом со мной.

— Жнец не смог бы воспользоваться амулетом Кайроса, как и хранитель времени — амулетом жнеца, — сказал он. — Накита, наверное, ошиблась. Если только... — Рон поднял брови, словно его удивила какая-то мысль, и взглянул на меня, — если он сам и был тем жнецом, что убил тебя. Может, Кайрос срезает души вне плана?

На этих словах Барнабас обернулся, но Рон махнул на него, приказывая молчать. Уже в который раз.

— Как выглядел Сет? — обманчиво спокойным голосом спросил Рон.

Жутко волнуясь, я взобралась на стену, взглянула на Барнабаса, но он снова уставился в небо. Я подтянула колени к подбородку. Вспоминать ту ночь не хотелось, но образы казались кристально ясными.

— Смуглый, — заговорила я. — Вьющиеся темные волосы. Приятный акцент. — «Здорово целуется», добавила я про себя, содрогаясь. О господи! Я целовалась с парнем, который потом меня убил.

Симпатичный незнакомец со школьного бала оказался психом Сетом, темным жнецом, который был решительно настроен меня убить. Что он и сделал, прибегнув к помощи меча, потому что я не умерла, когда его кабриолет перевернулся и упал с насыпи. Я очнулась ночью в морге и слышала, как Барнабас спорит с девушкой, светлой жницей, о том, по чьей вине я умерла. Они пришли, чтобы извиниться и защитить мою душу от черных крыльев, пока я не получу свою «награду». Но все изменилось, когда в морге объявился Сет. Кажется, он хотел бросить мою душу к чьим-то ногам, и такой ценой «оплатить путь в высший круг», что бы там это ни значило. Но о последней части знали только я и Барнабас. По какой-то причине он считал, что говорить об этом Рону не стоит. А потом я украла у Сета амулет. Как

мне это вообще удалось и каким образом я осталась здесь, оставалось загадкой для всех, кто был в курсе. Рон подергал себя за ухо, словно в приступе нервного тика.

— Выше тебя примерно на ладонь?

Внутри у меня все сжалось.

— Да, — промямлила я, — это он.

Барнабас зашаркал по гравию, а Рон глубоко выдохнул.

— Да благословят меня бабуины! — пробормотал Рон и принялся расхаживать туда-сюда, не выходя за границы тени. — Это точно Кайрос. Он назвался ненастоящим именем. Боже, если ты когда-нибудь любил меня, открой мне глаза, когда я вновь окажусь таким глупцом!

— Но по виду он мой ровесник, — возразила я. Великолепно, я не просто целовалась со своим убийцей, он, как выяснилось, еще и старше самих пирамид! Фу! Теперь мне уже кажется, что и танцевал, и целовался он слишком хорошо для семнадцатилетнего.

— Кайрос занял свой пост на удивление рано, задолго до срока, намеченного его предшественником, — Рон приостановился и вгляделся в стоянку. — Не состарился ни на день с тех пор, как получил амулет, который сейчас висит у тебя на шее. Тот еще самодовольный нахал. Наверняка совсем не хочет стареть. Полагаю, амулет хранителя времени — единственный из божественных камней, на который ты могла посягнуть, не обратив свою душу в пыль.

— Потому что я мертвая? — предположила я, но Рон покачал головой.

— Потому что ты человек, как и хранители времени.

— Значит, я правда не виноват, что не уберег ее, — перебил Барнабас. — Где мне тягаться с хранителем времени!

— Это точно, — и Рон взглядом приказал жнецу замолчать. — И если Мэдисон теперь привязана к камню Кайроса, то он может получить его назад лишь после ее смерти.

— Но я и так умерла, — возразила я, обхватив руками подтянутые к подбородку колени.

Рон улыбнулся.

— Я о гибели души. Полагаю, твое тело у него. Где-то же оно должно быть. А пока ты так или иначе существуешь, амулет связан с тобой. То, что тебе вообще удалось его заполучить — само по себе чудо, — он сердито посмотрел на Барнабаса, когда тот хотел его перебить, и снова повернулся ко мне. — Держись от Кайроса подальше.

— Не вопрос, — сказала я, изучая доступный взгляду клочок неба. — Вы только скажите, на каком облачке он живет, я запомню.

Рон снова зашагал туда-сюда, его тоненькая фигурка оставалась в тени, одеяние размеренно колыhalось.

— Он живет на земле, как и я, — заметил он отстраненно, слишком занятый собственными мыслями, чтобы оценить шутку.

— Сэр, — Барнабас отвел глаза от неба, и я сразу заволновалась. Кто-то же должен следить, так? — Если Кайрос до сих пор за ней не пришел, может, и вообще не придет?

— Кайрос забросил свои поиски бессмертия? Ну уж нет. Сомневаюсь. Думаю, он пока не вернулся, потому что до сего дня никто и не знал, что он потерял свой амулет. Наверняка все это время делает новый. И чем дольше он этим занимается, тем лучше будет новый камень, хотя с утраченным ему по силе не сравниться. Но, может, Накита сказала ему, что амулет у Мэдисон. Теперь он станет искать ее. Будем надеяться, я достаточно быстро поменял резонанс.

— Хранители времени сами делают амулеты? — удивленно спросила я, и взгляд мой упал на черный камень Рона, почти затерявшийся в складках одеяния. — А вы не можете сделать мне новый? Тогда этот я верну Кайросу.

Рон прищурился, словно эта мысль потрясла его.

— Да, я делаю амулеты и отдаю их ангелам, которые стремятся действовать, выбирают новый путь и становятся теми, кем никогда прежде не были. Не все довольны устройством мира, и это один из многих способов что-то изменить. Но ты умерла, Мэдисон. Я не могу создать амулет, который дает жизнь мертвому. Если ты попытаешься воспользоваться камнем жнеца, он просто сожжет твой человеческий разум. А раз Кайрос тебя убил, ты имеешь право владеть его амулетом. Конечно, у серафимов может быть иное мнение.

Я обеспокоенно закусила нижнюю губу, когда Барнабас перевел взгляд на дорогу на вершине холма, — мимо проехала машина. Серафимы... Принимать важные решения — их право. Жнецы ниже по рангу, еще ниже — ангелы-хранители. Барнабас говорил о серафимах так, словно они испорченные дети, облеченные властью. Страшненько.

— Но все не так уж плохо, правда? — с сомнением проговорила я.

Рон рассмеялся, но тут же стал серьезным.

— Хорошего тоже мало, — сказал он, но увидев мои сдвинутые брови, улыбнулся. — Мэдисон, ты завладела камнем Кайроса. Он твой. Я сделаю все возможное, чтобы так оно и осталось. Просто мне нужно время, чтобы убедить тех, от кого это зависит.

Я не могла усидеть на месте от беспокойства и сползла со стены.

— Рон, я не знаю, зачем я ему теперь, но это же не сегодня началось. Что я вообще такого сделала, почему он пришел за мной?

Барнабас повернулся к нам с границы тени и света, но Рон не дал ему заговорить, шагнул вперед, взял меня за руки и ободряюще улыбнулся. По крайней мере, так, вероятно, было задумано. Но от того, что скрывалось в глубине его глаз, мне стало не по себе.

— У меня есть кое-какие мысли. — Его взгляд задержался на мне лишь на миг. — Постараюсь что-нибудь разузнать, не хочу зря тебя беспокоить.

— Рон, если у нее камень Кайроса, может, она...

— Ох, посмотри-ка, сколько времени прошло, — выпалил Рон и схватил Барнабаса за руку, да так, что тот чуть не упал. — Нам пора.

Пора? Куда? Я испуганно попятилась.

— Вы уходите?

— Мы скоро вернемся, — Рон вытащил жнеца на солнце и тут же зажмурился. — Мне нужно поговорить с серафимами, а Барнабас будет посредником. — Он улыбнулся, но улыбка вышла неестественная. — Я же пока не мертвый, знаешь ли, — пошутил он с натугой. — Я не могу напрямую связаться с божественной сферой. Не волнуйся, Мэдисон. Все хорошо.

Но что-то мне было не хорошо. Все происходило слишком быстро, и это мне не нравилось.

— Сэр! — воскликнул Барнабас, вырываясь из хватки Рона. — Если Кайрос придет за ней, смена резонанса ее не спасет. Он знает, как она выглядит. Накита тоже. Оба могут просто прогуляться по округе и найдут ее. Мы ведь должны оставить ей ангела-хранителя, разве нет?

Рон, казалось, удивился, почему это не пришло в голову ему самому.

— Уф, ну конечно, — и он снова вернулся в тень. — Прекрасно, как раз то, что нужно.

Но Мэдисон, — он стиснул в ладони свой камень, и черный свет вспыхнул между пальцами, — советую тебе ничего не говорить ангелу о камне Кайроса. — Рон посмотрел на мой амулет. — Чем меньше осведомленных, тем проще мне будет убедить их всех оставить камень у тебя.

Я испуганно кивнула, Рон улыбнулся. И еще до того, как моя голова вернулась в прежнее положение, в тени дуба возник шар слабого золотого света. Я смотрела на танцующее, парящее в воздухе золото. Это, наверное, и есть ангел-хранитель. Для меня? Барнабас, к моему удивлению, облегченно вздохнул — какое ему дело, не он ли двадцать минут назад горел желанием от меня избавиться?

Шар света исчез, коснувшись верха стены, и я вздрогнула, когда бесплотный голос зазвучал, как будто прямо у меня в голове:

— Группа работников экстренной службы защиты, вспомогательное отделение херувимов-хранителей. Прибыл по требованию.

Рон, судя по всему, тоже услышал, потрепал меня по плечу и спросил:

— А ты?..

— ГРЭйС один-семьдесят шесть, — снова раздался странный звон, от которого гудело в ушах.

Херувимы? Голые младенцы со стрелами?

Барнабас казался обеспокоенным, а шар света возник вновь, и странный голос воинственно заявил:

— Ты что-то имеешь против херувимов, жнец?

— Нет, но я думал, ГРЭйС прибегают к помощи херувимского отделения, только если подзащитному исполнилось восемнадцать.

В моей голове раздалось невежливое фырканье.

— А что, кто-то собирается в нее влюбляться? — издевался шар. — Я ангел-хранитель, а не чудотворец.

— Эй! — обиженно воскликнула я, и шар света ринулся ко мне. Когда он оказался слишком близко, я попятилась. Милость Божья? Скорее адский светлячок.

— Ты видишь и слышишь меня? — прозвенел шар, быстро облетел вокруг меня, и я повернулась, стараясь не выпускать его из виду.

— Да, слышу. Вижу ли? Не совсем, — я окончательно закружилась и остановилась, а сияние устроилось на перекладине моего велосипеда и растаяло. Барнабас фыркнул, шар возник снова и замерцал.

— Восхитительно, — протянул Рон. — Один-семьдесят шесть, это временная задача, не «пока смерть не разлучит вас». Оберегай ее и немедленно дай мне знать, если какая-нибудь гадость окажется от нее меньше чем в тридцати локтях.

Шар поднялся с велосипеда и двинулся ко мне.

— Тридцать локтей. Так точно! Так точно? Это же ангел, да?

Рон посмотрел на меня, словно предупреждая, чтобы я вела себя хорошо, схватил Барнабаса за руку и потащил прочь.

— Вернусь, когда смогу. Да, и мне нравятся твои волосы. Очень... твое.

Я коснулась кончиков волос и постаралась больше не хмуриться, но когда те двое исчезли, я вздрогнула. Дыхание ворвалось в грудь со свистом, тени перескочили вперед вслед за солнцем. Недалеко. Может, всего на несколько секунд, но Рон остановил время, чтобы замести следы. Мой камень стал теплым, словно в ответ на работу его амулета. Я

крепко сжала его. Выглянула из тени на знойную стоянку. Мир, казалось, таил в себе кучу опасностей.

Впервые за четыре месяца я была одна.

— Ненавижу, когда он так делает, — пробормотала я и отпрыгнула, когда ангел-хранитель пролетел у меня перед самым носом и прозвенел:

— Как?

Ладно, хорошо, что не совсем одна. Я вздохнула и потянулась к велосипеду.

— Останавливает время, и потом солнце вот так скачет, но на самом деле я не тебе, — если кто-нибудь увидит, как я разговариваю с воздухом, непременно окажусь к началу занятий в психушке. Только не в выпускном классе. Некогда снова расхлебывать эту кашу. Приходишь в один прекрасный день в школу с крылышками летучей мышки, как на Хэллоуин, и тебе этого не забывают. — Я улыбнулась. — Венди, моя подруга из Флориды, тоже их носила. От этого шуточки про летучих мышей-близняшек даже казались забавными.

Шар издал негодующий звук.

— Для смертного ты совсем коротышка.

— Уж кто бы говорил, — огрызнулась я и закинула ногу через седло. Нажала на педаль, но колеса лишь издали жалобный звук, а с места не сдвинулись, что-то мешало. — Эй! — воскликнула я, обнаружив, что переднее колесо спущено. Ангел-хранитель смеялся. Судя по всему, шар бешено менял цвета, они словно скакали по всей радуге. — Что ты сделал с моим велосипедом? — Впрочем, это было и так ясно.

— Я тебя защищаю! — весело пропел шар. — Разве ты не чувствуешь себя куда безопаснее?

Я подумала о прогулке домой длиной в пять миль.

— От чего? — накинулась я на ангела. — Вдруг кто-нибудь ненароком не сочтет меня дурочкой, от этого, что ли? — Я в бешенстве потащила велосипед через раскаленную стоянку к выходу. Глупый ангел-хранитель. Не везет так не везет!

Я обернулась, услышав, как открылась металлическая школьная дверь, и увидела на пороге парня в шортах. За ним вышли еще двое. Тренировка по легкой атлетике? В августе?

Раз блондинка с короткою стрижкою, —

прозвенел у меня над ухом ГРЭЙС один-семь-десять шесть, —

Похваляться взялась волосишками,

Их чесала и мыла.

Кто же знал, что подлили

Ей в шампунь средства для облысения?

— Очаровательно. Он еще и поет, — пробормотала я, ангел захихикал и, кажется, повеял на меня прохладным воздухом.

Позади меня звучали голоса, хлопали двери машин и заводились моторы. Первая машина промчалась мимо, я подалась вправо, уворачиваясь от выхлопа, и потащила велосипед вдоль края стены и наверх по склону холма, туда, где начиналась главная дорога.

Кто-то посигналил, но я не обратила внимания. Холм был крутой, в трещинах между

валунами росли чахлые кустики, я свернула в желоб водостока, заваленный камнями с мою голову размером. Но в этот миг переднее колесо застряло, и я получила рулем прямо в живот. Громко выдохнув от боли, я подняла взгляд и увидела на вершине холма машину. Отлично. Вот и зрители.

— *Жила-была девочка с великом, кататься поехала ельником...*

— Умолкни! — прикрикнула я и услышала, как наверху открылась дверца. Плечи мои изнуренно поникли. Это был Джош. Тот самый Джош с бала. Парень, который пригласил меня только потому, что наши отцы вместе работали и договорились между собой. Сделали мне «одолжение». А когда на балу это всплыло, я оставила Джоша и в припадке ярости ушла с Сетом-Кайросом. Превосходно. Я не часто виделась с Джошем с тех пор, как умерла, разве что он проходил мимо в коридоре. Теперь, опершись на велосипед, я наблюдала, как он прислонился к дверце машины, скрестив ноги, и улыбнулся мне.

Ох! Я с трудом высвободила колесо и поплелась вперед, но воспоминания о ночи моей смерти уже ожили. Джош тогда поехал за мной, хотел убедиться, что я благополучно доберусь до дома, — даже после того, как я его отшила. Он видел аварию и спустился с насыпи, чтобы спасти меня. Наверное, даже держал меня за руку, когда я умирала. Барнабас уверял меня, что Джош ничего не помнит. Кроме того, пожалуй, что на балу я была настоящей стервой и уехала с другим.

— Тебе помочь?

Я подняла глаза. Джош по-прежнему стоял у машины. Выглядел он здорово: светлые волосы после душа потемнели; сощурил голубые глаза на солнце и поправил новенькие стильные очки на тонкой переносице. Он как-то болтал с ребятами, помешанными на своем драмкружке, и за ботаников вступался, но тусовался обычно со спортсменами. Не самая крутая компания, но в таком маленьком городке это не так важно. Он был одинаково вежлив со всеми, что не очень-то соответствует моим представлениям о парне, с которым можно встречаться.

— Тебе помочь? — повторил Джош громче и помахал девушке, проехавшей мимо. Эми. Она мне не нравилась. Столько думает о себе, что в голове не остается места ни для одной настоящей мысли.

Я сдула упавшие на глаза волосы. Уж лучше бы я снова оказалась на озере, с темной жницей и всем прочим.

— Нет, — ответила я, — но спасибо.

И, опустив голову, столкнула велосипед с камня и продвинулась на шаг вперед.

— Точно?

Да с чего он так со мной любезничает? Сверху и чуть позади меня раздался тоненький голосок:

— Слушай, вот и конец придумался.

Жила-была девочка с великом,
Кататься поехала ельником,
На запад направилась,
Глядь — мальчик, что нравился
Незадачливой девочке с великом.

Нога соскользнула. Почувствовав боль в коленке, я по привычке задышала чаще, а велосипед скатился вниз на тот шаг, что я преодолела.

— Я еду на юг, а не на запад, — проворчала я и посмотрела на Джоша. Ангел смеялся. Было слишком жарко для мыслей о прежней стервозности. — Я передумала, — громко сказала я. — Не откажусь от помощи.

Джош отошел от машины и начал спускаться. Сначала просто скользил вниз, пока не добрался до камней, откуда стал выбирать дорогу. Я ждала, а потом отступила на шаг, когда он с улыбкой взялся за руль.

— Как это у тебя колесо спустилось? — спросил Джош, украдкой поглядывая на мои пурпурные волосы.

— *Жила-была девочка в Далласе, колесо у ней вечно спускалось...*

— Замолчи! — крикнула я и тут же вся съежилась, когда Джош удивленно повернулся ко мне. — Ой, не ты, — извинилась я. Хоть умирай на месте. Вряд ли получилось бы, но ощущение было именно такое. — Я... э-э... не с тобой говорила.

— А с кем? С мертвецами, что ли? — улыбнулся Джош.

Он хотел пошутить, но я почувствовала, что бледнею. Сзади раздался звон:

— Тебе бы сначала ожить, коротышка, а потом уж умирать.

Молчание затягивалось, Джош забеспокоился:

— Я пошутил, Мэдисон.

Совсем несчастная, я пыталась придумать, как бы выкрутиться и не предстать перед ним Чокнутой Мэдисон. Глупый ангел-хранитель. Это во всем он виноват.

— Прости, — сказала я, откидывая назад волосы. — Так здорово, что ты остановился и помог мне. Спасибо большое. Просто жарко. — Я вздохнула посвободнее, видя, как расслабились его напряженные скулы, и добавила: — Да и денек выдался не из лучших.

Джош молчал, я посмотрела на него. Мы почти добрались до вершины холма, и мне не хотелось, чтобы он думал, будто я наорала на него ни за что.

— Ты... в команде бегунов, да? — спросила я.

— Ага. Завтра участвуем в благотворительной эстафете на школьном карнавале. — Джош замедлил шаги, чтобы провести переднее колесо между камнями. — Доллар за один пробег, что-то вроде того. Тренер думает, это прекрасный способ не дать нам размякнуть за лето. А ты что будешь делать?

— Я? — произнесла я с запинкой. — Э-э... Джош посмотрел на меня вопросительно.

— Ты же за этим в школу приехала?

— Не совсем. Встречалась кое с кем. Они ушли. И колесо спустилось. — На глаза показался ангел, и я шлепнула его ладонью. — Ух ты, вот это москит! Большущий!

Ангел негодуя зазвенел и засиял ярче.

— Так ты приехала, чтобы папа не узнал про эту встречу? — спросил Джош. — Понял.

Он вздохнул и посмотрел на вершину холма, словно уже отдалялся от меня. Я все испоганила.

— Не из-за папы. Из-за соседки.

— Миссис Волш? — к моему изумлению спросил Джош.

— Слышал про нее? — Я ухмыльнулась в ответ на его понимающую улыбку.

Он кивнул.

— Паркер — мой друг, с твоей улицы. Эта тетка копается в его мусоре, ищет вещи, которые можно сдать в переработку. Мерзкая старая летучая мышь.

— Жуть, — я опустила глаза. Так-то лучше. — Колесо спустилось как-то не вовремя. До дома всего пять миль... ну, ты знаешь. — Мы так и шли рядом, велосипед между нами. Я взглянула на Джоша. И зачем я прикрикнула на этого ангела?!

Мы добрались до вершины — Джош все молчал, — поднялись на дорогу, и, в волнении стараясь не коснуться его рук, я потянулась к рулю.

— Спасибо, — сказала я, глядя на его машину, припаркованную у обочины. Дальше ему на север, а мне на юг, в город. — Думаю, отсюда я уже доберусь.

Пальцы Джоша соскользнули с хромированной поверхности руля.

— Все нормально? А то ты какая-то задерганная.

Я потянула велосипед на себя.

— С чего ты взял? Все хорошо.

Он поправил очки.

— У тебя волосы мокрые, но ты не с тренировки. Тебя кто-то обидел? Ты прямо как моя сестра, когда вляпается в неприятности, и весь мир против нее.

Припер меня к стенке. Я ускорила шаги и сказала с напускной бодростью:

— Неприятностей не больше обычного.

Мимо проехала машина. Последний бегун с тренировки. Черт, как же я скучаю по своей машине.

Джош молчал, и чем дальше мы отходили от его машины, тем медленнее он шагал.

— Знаю я, как оно бывает с папами. Мой держит меня на коротком поводке, куска не могу проглотить, пока он не проверит, вымыл ли я руки.

Я приостановилась и взглянула на Джоша.

— Мой не такой. Он классный.

— Так что тогда? Я просто хочу помочь.

Мои брови поползли вверх, когда шар света причмокнул и пропел:

— Он хочет помо-о-очь!

Джош вздрогнул, когда шар приземлился ему на плечо. Отлично, это существо и впрямь из отряда купидонов. Этого еще не хватало!

— У меня все хорошо. Правда. Спасибо, — бросила я, небрежно толкая велосипед по гравию.

— Зато у меня не все хорошо, — мрачно сказал Джош. Я шагала дальше. — Послушай, я за тобой не ухлестываю, но эти сны о тебе, вот уже три недели, я, кажется, с ума схожу...

Я остановилась, не в силах обернуться. Я ему снюсь?

— *Жил-был стихотворец из Планкета...*

Я размахнулась, словно прогоняя муху, и стукнула по шару. Раздалось легкое гудение, а потом он с приглушенным визгом полетел по дуге над дорогой. Я уставилась на Джоша. Я ему снюсь?

— Не обращай внимания, — и он отвернулся.

— Джош.

Он отмахнулся и, не оборачиваясь, пошел к машине.

— Джош! — снова позвала я и замерла — между нами по земле пробежала тень. Я подняла глаза, чувствуя, как внутрь заползает страх. Черные крылья. Здесь?

— Джош! — крикнула я. Сын дохлого щенка. Где-то здесь, по моему городу, разгуливает жнец. Охотится. За мной? Но Рон же сменил резонанс моего амулета!

Судя по мрачному позвякиванию, мой ангел вернулся:

— Локоть — это сколько? — затаив дыхание, спросила я. Джош уже подходил к машине.

— Где-то полметра, — сухо ответил ангел. — У меня теперь все платье в травинках. У тебя, знаешь ли, мерзкий характер.

Платье? Так это девочка?

— А что такое? — спросила она, потом понимающе звякнула: — Ой, как мило. Черные крылья. Не волнуйся. Они не почуют тебя, пока я рядом. У меня поле невосприимчивости. Как будто тебя просто нет.

— У меня тоже. Но зачем они здесь, если не чувят меня?

— Думаю, из-за него. Да. Кто-то за ним охотится.

Я остолбенела. За ним? Это она о Джоше? Но почему? А потом поняла. Резонанс моего амулета сменили слишком поздно. Накита следовала за мной, по крайней мере, до Трех Рек, однако потеряла след, когда Рон все уладил. Ни она, ни Кайрос не станут торчать где-нибудь на углу и ждать, пока я пройду мимо. Вот и пытаются найти меня, начав охоту за тем, с кем я могу быть рядом. Кайрос встречался с Джошем на балу. Говорил с ним. Видел его и знает его ауру. Они выслеживали меня через Джоша — единственного человека, которого знали и я, и Кайрос.

— Позови Барнабаса, — испуганно попросила я ангела.

— Не могу, — беспечно ответила та. — Я не умею ни с кем соприкасаться мыслями, недостаточно опыта. Я же ангел-хранитель первой сферы.

— Тогда позови Рона.

Черные крылья уже описывали над нами круги.

— Тоже не могу, — хранительница летала вокруг моей головы, свет бил мне прямо в глаза. — Мне приказано охранять тебя и докладывать, если появится жнец. Ты в безопасности.

— А Джош?

Она равнодушно зазвенела. Скрипнула дверца — Джош открыл машину, — и я совсем испугалась.

— Джош! — я неуклюже бросилась на середину пустой дороги, волоча за собой велосипед. — Джош, прости, — выпалила я, дотянувшись до водительской дверцы и схватившись за открытое окно. — Подожди. — С бьющимся сердцем я посмотрела вверх, но черные крылья уже улетали в другую сторону. Напряжение сменилось беспокойством. Ангел не будет защищать его, но если я останусь с Джошем, он окажется в моем поле. Если черные крылья не почуют его, Кайросу и Наките тоже не удастся. Почему я не выкладывалась по полной, когда училась соприкасаться мыслями? Сейчас бы наверняка пригодилось.

Джош сидел, положив руки на руль, и смотрел на меня. Какая-то машина медленно нас объезжала.

— Странная ты, Мэдисон.

— Н-да, знаю, — затараторила я. — Подбросишь до велосипедного магазина? Нужно новое колесо.

Джош посмотрел на меня настороженно. Я бы, наверное, сделала сейчас что угодно, лишь бы ничего ему не объяснять. И только бы защитить его. Это из-за меня он оказался в опасности. Может, я и мертвая, но по-прежнему приходится как-то жить и быть собой, а если я уйду, Джош пострадает. Или даже умрет.

— Я на дне рва, да? — отчаянно выпалила я, взглядом умоляя его выслушать. — В

черном кабриолете. В твоём сне.

Джош изумился:

— Откуда ты знаешь?

Я облизнула губы, чувствуя, как жар адским огнем поднимается от дороги. Я не придумала ничего лучше, чем разрушить фальшивое воспоминание, созданное Роном. Но его самого здесь не было, а связаться с ним я не могла. И я сказала:

— Потому что это был не сон.

Машине Джоша было лет двадцать — какие уж тут удобства. Дверцы и окна отрываются вручную, сиденье длинное, кондиционера нет. Правда, стереосистема просто зверь. Джошу пришлось отодвинуть гору дисков, чтобы я сумела устроиться на сиденье. В основном, «тяжелая» да старые рокеры, которых слушал мой папа. Венди бы наверняка понравилось что потяжелее. Но Джош музыку не включил, и затянувшееся молчание меня напрягало.

Моя хранительница залетела следом в машину и с удовлетворенным звоном устроилась на висящем в кабине колокольчике. Клянусь, я слышала, как она поет, когда Джош повернул ключ зажигания и мы двинулись в город. Колокольчик тихонько покачивался.

Из-под сидения торчала спортивная сумка, а сзади была воткнута дорогушая удочка. Не перестаю удивляться, почему Джош разъезжает на такой развалюхе, ведь его отец не стеснен в средствах.

Вел Джош отлично, и всю дорогу до магазина молчал. Видно, решил подвезти меня из любопытства, но теперь, похоже, ждал, что я заговорю первой. Я толком не знала, что сказать, и просто сидела с ним рядом, а потом подалась вперед, к ветровому стеклу, выглянула на солнце, проверить, здесь ли черные крылья. Только синее небо. Мне стало лучше. Нет черных крыльев — нет и жнецов. Где одни, там и другие.

— Чего ты там высматриваешь? — спросил Джош, и я откинулась назад.

— Ничего.

Старую машину тряхнуло, когда мы проезжали по мосту. Дома уже сменялись офисами — мы добрались до деловой части города. Джош все ждал. Нам осталось всего пять светофоров, я вздохнула и еле слышно спросила:

— Что ты помнишь о бале?

— Что ты была настоящей... — Джош запнулся, и его шея покраснела. — Уф.

— Я была просто дрянь, — хмурясь, закончила я за него. — Извини. Да я просто взбесилась — ты же пригласил меня только из-за того, что мой папа беспокоился: мол, новенькая в городе, никого не знаю. Я была стервой высшего разряда.

— Нет-нет, — возразил Джош, но по голосу я поняла, что он до сих пор на меня злится. Я промолчала, и он добавил: — Ты укатила с каким-то незнакомым парнем, а я рано поехал домой. Вот и все.

Я в сомнении теребила резиновую прошивку на открытом окне.

Движение стало оживленнее, и мы слегка притормозили.

— Я укатила с парнем, которого ты первый раз видел, — тихо заговорила я, — а ты поехал следом, хотел убедиться, что я спокойно доберусь до дома.

Джош передвинул руки на руле, словно я озвучила нечто такое, о чем он никому никогда не говорил.

— Ты здорово поступил, — сказала я. Джош сглотнул, задвигав кадыком. — А я была просто дура. Злилась на весь мир за то, что мама меня сюда сослала. В том, что случилось, только моя вина. — Я глубоко вздохнула, подыскивая слова. — Он съехал с дороги. Машина перевернулась, и мы скатились по склону холма.

Джош остановился на перекрестке, и я что было сил вцепилась в сиденье. Потом приложила руку к груди — неважно себя чувствовала.

— У него был меч, — проговорил Джош, минуя перекресток. — И имею в виду, во сне.

Он словно не верил в то, о чем говорил, и старался защититься от правды.

Я прикрыла ладонью коленку, пряча царапину от лодочного коврика:

— Но я не умерла в той аварии, и он тоже. Он срезал мою душу. Потом я ничего не помню до тех пор, пока не проснулась в морге.

Джош недоверчиво фыркнул.

— Отлично, Мэдисон. Так, значит, ты сейчас мертвая.

Сияние вокруг колокольчика стало ярче, и хранительница выпалила:

— Ох, Господи мой Боже в раю, ты мертвая. С чего это я охраняю мертвеца?

Не обращая на нее внимания, я сжала в кулаке амулет, и хранительница взлетела повыше, чтобы посмотреть на него.

— Ох-х-х, — зашипела она и почти перестала светиться. — Кайрос просто взорвется от ярости. Он знает, что его амулет у тебя? Где ты его взяла? Это Хронос тебе дал? А как он его достал?

Прищурившись, я посмотрела на Джоша сквозь ее сияние. Все пошло не так! Она не должна была знать. Рон будет в бешенстве. Но пока она со мной, а значит, не разрезвонит об этом. Джош тряс головой. Я со злостью вздернула подбородок.

— Ну ладно. Расскажи, что ты помнишь из своего сна.

Джош снова передвинул руки на руле и повернул к деловому центру.

— Там все так неясно, — увильнул он от ответа. — Знаешь, как бывает со снами, когда о них много думаешь.

— И? — настаивала я, и он нахмурился.

— Я позвонил в девять-один-один. Во сне, — добавил Джош, и мышцы у него на шее напряглись. — Они велели не класть трубку, но я бросил. Сбежал вниз, посмотреть, что с тобой. Когда я спустился, ты была уже одна и как будто... уснула. Перестала дышать.

И на самом деле не было ни единой причины снова начинать, мрачно подумала я.

— А потом? — Я не знала, что случилось между моей смертью и моргом. Барнабас не стал бы об этом говорить.

— Ну... — Джош взволнованно следил за дорогой. — «Скорая» приехала быстрее полиции. Они положили тебя в черный мешок с «молнией». Когда ее застегивали... Никогда не забуду этот звук. — Он опять заерзал, словно был чем-то смущен. — Спасатели молча вытащили тебя из машины. Это их работа, но было видно, что им не по себе.

— Такого я не помню, — прошептала я. Хранительница вернулась на свой колокольчик — свет ее снова померк — и молча слушала.

— Полицейские, — Джош помедлил, сделал вид, что осматривается, но на самом деле просто собирался с духом, — посадили меня на заднее сиденье, отвезли в больницу на осмотр, хотя я и сказал, что даже не ехал в той машине. Там был твой отец. Он плакал.

Чувство вины захлестнуло меня. Рон сказал, что стер все это из папиной памяти... А если нет? Кошмар.

— Он сказал, что я не виноват, — продолжал Джош вполголоса. — Но я же должен был отвезти тебя домой. А потом сон обрывается. Как будто ничего и не было. Я дома, оттираю грязь с парадных туфель, пока отец не наорал. — Я взглянула на него. Он тряс головой, не отводя глаз от дороги. — Странная штука, я ведь помню, как чистил туфли. — Джош посмотрел себе на руки, потом снова на дорогу. — Будто этого никогда не было, а с тобой все в порядке. Ненавижу такие сны.

Как он вообще мог принять это за сон? Но он явно старался понять, откуда же взялась

грязь на ботинках, если он не спускался вниз по откосу.

— Я испортила платье, — заговорила я. — До сих пор за него плачу.

Джош мельком взглянул на меня и снова передвинул руки на руле.

— Это был сон. Ты же здесь. Живая.

Я высунула руку в открытое окно и дотронулась до крыши машины.

— Ну здесь-то я здесь.

— Живая, — Джош фыркнул.

Я дотронулась до амулета и сказала:

— Не совсем. — Джош притормозил вслед за серым «корветом» и, усмехнувшись, обернулся ко мне, тогда я поправилась: — Вернее, совсем не живая.

С колокольчика раздался звенящий голосок:

Одна девочка в кедах упертая

Всех подряд уверяла, что мертвая.

Ей никто не поверил.

Доктор быстро проверил —

Сто лекарств пьет девчонка упертая.

Я пнула ногой — вовсе не в кеде — по колокольчику, и шум вывел Джоша из задумчивости.

— Знаешь что, — сказал он, «корвет», а за ним и наша машина двинулись с места, — забудь, что я тут болтал. Мне все в школе говорили, что ты чокнутая. А я отвечал, что тебе просто не с кем поговорить. Но, черт возьми, ты и правда ненормальная, если в это веришь. А если просто хочешь всякими россказнями про мертвецов привлечь внимание, то мне тебя жаль.

Я понимала, почему он не хочет поверить, но это по-прежнему выводило меня из себя.

— Ладно, давай расскажу, что из твоего же сна ты забыл, — язвительно предложила я и оставила колокольчик в покое. Если Рон не хотел, чтобы хранительница узнала о камне Кайроса, нечего было ее со мной оставлять. — Кайрос смуглый и такой сексапильный, что даже солистка девчачьей группы с катушек бы съехала. Он поцеловал меня. И ты это помнишь. Я тебя видела.

— Ты целовалась с Кайросом? — и без того тоненький голосок моей хранительницы стал еще выше от удивления. — И знать не хочу, что ты тогда сделала, чтобы заполнить его амулет. О господи!

Это было оскорбительно, и Джош, перед тем как посмотреть на дорогу, заметил, какой уничтожающий взгляд я бросила на колокольчик.

— Кайрос придержал дверь, и я села в его кабриолет, — продолжала я. — Вы с Барнабасом вышли следом. Помнишь Барнабаса? Высокий парень с недовольным лицом? В общем, верх у машины был откинут. — «Чтобы уж наверняка убить тебя, милая», подумала я.

Ангел весело захихикал:

— Барнабас провалил задание? Так вот почему он в последнее время не работал? Ох, святые шишки серафимов! Чем дальше, тем лучше!

Джош внимательно слушал, и, приободренная, я продолжила:

— Машина съезжает с правой обочины. — При этом воспоминании на душе у меня

стало тоскливо. — Переворачивается дважды. При первом же ударе ветровое стекло разлетается вдребезги. Я пристегнулась, вот меня и не выкинуло наружу. Ремень спас мне жизнь. — Я взглянула на тот, которым была пристегнута теперь. Старые привычки... — Потом машина останавливается, Кайрос оказывается возле моей двери, на нем ни царапины, — прошептала я, — и его мерзкий меч проходит сразу сквозь меня и металл машины. Крови нет. Вообще ни следа.

Хранительница уселась мне на колени, сострадание и тепло солнечным лучом согрели меня. Я улыбнулась ей, потом подняла глаза и отвела от них волосы.

— Ты выскочил из машины. И пока бежал вниз по склону, позвал меня дважды. — Я вздрогнула, вспомнив его голос, наполненный страхом. — Прости, Джош. Ты не виноват.

— Хватит! — Он, тяжело дыша, вцепился в руль.

— Он тебе не верит, — язвительно заметила хранительница.

— Ты бы предпочел и дальше думать, что это сон? — возразила я.

Джош повернул к стоянке у велосипедного магазина и припарковался.

— Ты не мертвая.

Я пожалала плечами, отстегиваясь.

— В морге им тоже так показалось.

Джош протянул руку и ткнул меня пальцем. Я ойкнула, отпрянула и прикрылась рукой. Ангел хихикал.

— Никакая ты не мертвая, — усмехнулся Джош. — Больше не смешно. Перестань.

Сердце забилось, и я попыталась его утихомирить.

— Вот амулет. Это он создает иллюзию моего тела.

«А память добавляет все остальное», угрюмо подумала я.

— Что за амулет? — спросил Джош, и я выудила из-под майки камень, чтобы он его рассмотрел. Глаза Джоша удивленно расширились, и я отдернула руку — не хотелось, чтобы он касался амулета.

— Я стащила его у Кайроса, когда тот пришел в морг за моей душой. — Я отпустила камень, и он снова повис у меня на шее. — Пока он у меня, я, можно сказать, в безопасности. А ты... нет.

— Ох-х-х, — пробормотала хранительница. — Мэдисон, ты здорово попала. Я рада, что ты уже мертвая. А то я вряд ли сумела бы сохранить тебе жизнь.

Мне от этого стало гораздо лучше, и я взглянула на небо, высматривая черные крылья. Вдалеке виднелось облако, чуть темнее остальных. Вороны?

— Господи, да ты ненормальная! — Джош выключил мотор и уже выбирался из машины, скрипнула старая дверца.

— Ты мне не веришь? — ошеломленно спросила я. — После всего, что я тебе сказала? — Рон здорово разозлится, если узнает, что я без толку порушила подставные воспоминания Джоша. И вдобавок разболтала ангелу-хранителю про амулет. А чего он ожидал? Я, черт возьми, мертвая. И, думаю, хранительница это рано или поздно выяснила бы, первой она там сферы или нет.

Джош улыбался, как будто я отлично пошутила.

— Я тебе помогу велосипед дотащить, Чокнутая Мэдисон. Доберешься отсюда домой?

Он вышел, а я сидела и смотрела на его пустое сиденье. Ненавижу это прозвище. Ненавижу всей душой. Первый раз меня послали к директору за то, что я сбила с ног девочку, которая меня так обзывала. Мне было шесть, и чуть ли не все младшие классы я

старалась загладить этот проступок.

Я на мгновение прикрыла глаза, чтобы прийти в себя, и вылезла из машины.

— Джош! — крикнула я ему в спину. — Я не выдумываю. Ты же знаешь, что так все и есть! Ты там был!

— Это был сон, — отозвался он, открывая багажник.

Я в отчаянии уперла кулак в бок. Он не хочет верить — ведь выходит, что это его вина, он должен был настоять на своем и отвезти меня домой.

— Сон, который повторяется снова и снова и о котором я все знаю? — подначила я и отступила на шаг, когда велосипед зацепился за крышу багажника.

— Ну конечно, — пробормотал Джош, приподнимая велосипед. — Как сказала бы моя мама, это значит, ты — мой психологический пунтик. Я от него избавлюсь.

— Ты погибнешь! — воскликнула я и тут же понизила голос, ведь меньше чем в десяти шагах от нас проезжали машины. — Жнецам не найти меня, но они найдут тебя!

— Это такие ребята с косами, да? — усмехнулся он, выкатил велосипед между нами, и я его подхватила.

— Джош, ты был там в ту ночь. Кайрос тебя видел. Он ищет меня, и найдет — через тебя. Ты сейчас в безопасности только потому, что я с тобой рядом.

Он улыбнулся, щурясь на солнце:

— Профессиональная волшебница, да?

— Прекрати надо мной смеяться! — Я представила себе, что начнется, когда мы снова пойдем в школу. Он со своими друзьями вволю похохочет над всем этим. Если останется жив. — Тебя не я защищаю, а амулет!

Про ангела-хранителя я ему не скажу. Пока. А то живот надорвет со смеху.

Джош бросил взгляд на камень у меня на шее, и веселье его чуть поутихло.

Черная тень промелькнула над стоянкой и словно уколола меня страхом. Я подняла глаза. Черное крыло пролетело мимо, но еще три штуки кружили по другую сторону улицы. Ничего хорошего. Через десять секунд Джош будет далеко от меня, и они его почувют.

— Просто останься со мной, пока не вернется Барнабас, ладно?

— Барнабас? — спросил он и закрыл багажник. — Парень с бала?

— Да.

Крылья, амулет, не упустить его. Джош задумчиво взял мой велосипед за руль и подтолкнул к магазину.

— Смотри, — сказала я. Мне показалось, он начинает верить. — Видишь вон те штуки? Я указала на влажно-черные листья, что неуклюже уселись на крыше почты, но Джош снова ухмыльнулся:

— Вороны, да, Мэдисон?

Я положила руку на велосипед, чтобы Джош не затащил его в магазин.

— Они только на вид как вороны, и если ты вообще их видишь, значит, и в самом деле отмечен. — Сьюзан тоже видела их тогда, с лодки. — Их называют черными крыльями. Жнецы прибегают к их помощи, чтобы окончательно уничтожить свою жертву. Окажешься слишком далеко от меня — смерть постучится в твою дверь.

А где мой ангел-хранитель? Я только сейчас заметила, что она исчезла.

— Жнецы, — посмеиваясь, сказал Джош, и я рывком остановила велосипед, когда он снова толкнул его вперед.

— Кайрос знает резонанс твоей ауры. Он может тебя найти. Послушай!

Я не позволяла ему двигать велосипед дальше, и он внезапно сунул руль мне в руки:

— Ты чокнутая, Мэдисон!

— Джош, я серьезно!

Он даже не обернулся, открыл дверцу машины и бросил через плечо:

— У тебя и правда не все в порядке с головой. Не разговаривай со мной больше, ладно?

Я только выдохнула в бессильном разочаровании, когда он врубил музыку и сдал назад.

Над спинкой сиденья виднелась его красная шея. Он мгновение поколебался у въезда, а потом мотор взревел, и Джошева развалюха, взвизгнув шинами, рванула на дорогу, чтобы потоком других машин ее не затерло здесь, со мной.

— Идиот! — крикнула я и тут же застыла. Будто львы, почуявшие кровь, все черные крылья в одно мгновение снялись с места и повернули за ним. — Ох-х-х, черт! — прошептала я, отыскав глазами машину Джоша. Она остановилась на светофоре уже в полквартале от меня. — Джош! — Завопила я, но он не услышал меня.

Загорелся зеленый, Джош с явной злостью вжал педаль газа и понесся вперед. Я прикрыла рот ладонью, когда на дороге из ниоткуда возник знакомый черный кабриолет. Кайрос! Кто ж еще? И он ехал прямо за Джошем.

Я вздрогнула от громкого удара, — на верхушке столба мелькнула вспышка электрического света. Провод оторвался от столба, и светофор медленно, величаво полетел вниз. Джош оказался как раз под ним.

— Джош! — крикнула я, но разве он мог меня услышать!

Но он все же заметил вспышку, ударил по тормозам, шины заскрежетали на резком повороте. Джош заскочил на тротуар, боком въехал на парковку перед магазином мороженого и остановился в облаке пыли. Позади него черный кабриолет въехал в падающий светофор — живописный взрыв, электрические искры, ошметки металла и пластика. Именно на том месте, где должен был оказаться Джош.

Я бросила велосипед и побежала. Высокая фигура в строгом черном костюме выбралась из кабриолета, роскошные вьющиеся волосы блестели на солнце. Я вспомнила смуглую кожу и ее запах — так пахнет вода мертвых морей. И серо-голубые глаза, которые казались такими равнодушными, но при этом словно видели меня насквозь. Кайрос. Остановившиеся машины перегородили мне дорогу. Люди выходили наружу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Стукнула дверца Джошевой машины, и мое сердце бешено застучало.

— Эй, парень! Ты в порядке? — закричал Джош, шагая к Кайросу.

— Джош, — прошептала я, боясь говорить громче, чтобы Кайрос меня не заметил. Он ли заставил светофор упасть, чтобы убить Джоша, или это была случайность?

Я пригнулась — черное крыло пролетело прямо над головой — и шумно втянула воздух. Джош приостановился посередине дороги прямо перед Кайросом. Он побледнел и поднял глаза, словно увидел кружащие над ним чернью склизкие полотнища. Между нами были люди, я не могла добраться до него и поэтому крикнула:

— Не позволяй ему коснуться тебя! Но было уже поздно.

Мои ноги стали ватными, когда Кайрос протянул тонкую руку, схватил Джоша повыше локтя и легко притянул его поближе. Казалось, я вновь переживаю свою смерть. Меча не было видно, но его легко спрятать, особенно когда жнец и жертва так близко.

А потом Джош рванулся прочь. Он сбросил руку Кайроса и, спотыкаясь, попятился, все отдаляясь и отдаляясь от него. Пригнулся, когда черная тень, которую видели лишь трое из

нас, нырнула над ним.

Я обежала черный кабриолет с другой стороны и схватила Джоша за руку.

— Эй! — крикнул он, вырываясь, но тут узнал меня. Очки его сидели криво, в голубых глазах застыл страх — страх от того, что он наконец поверил мне и оттого, что смерть стояла на перекрестке и смотрела на нас.

От ужаса я словно одеревенела. Между нами и Кайросом оказались люди, они спрашивали, все ли с ним в порядке. Кто-то толкнул меня, я очнулась и потащила Джоша прочь, не сводя глаз с Кайроса. Он жаждал моей смерти еще до того, как я украла его амулет. Почему?

— Давай же, — я дернула Джоша в гущу толпы. — Быстрее к машине!

И тут же вздрогнула от неожиданности, когда совсем рядом раздалось хихиканье ангела-хранителя:

Жил-был мальчик, до крайности милый,

распевал шар света,

Только к мессе совсем не ходил он.

Раз чуть в ад не попал,

Но Сет-Кайрос удрал.

Кто же спас тебя, мальчик мой милый?

— К машине! — крикнула я, толкая Джоша, который по-прежнему пялился на Кайроса. Вряд ли черные крылья нас почуют, ведь мой ангел-хранитель вернулся. Вероятно, это она подстроила, чтобы светофор упал, Джош свернул с дороги, а Кайрос разбил машину, привлек тем самым внимание и не сумел так запросто убить свою жертву.

— Это он. — Джош, в лице ни кровинки, поправил очки. — Он спрашивал о тебе.

Мы добрались до машины. В ней по-прежнему ревела музыка, что только усиливало общую неразбериху.

— Удивил так удивил, — пробормотала я.

Издали раздался вой сирен, и я с благодарностью взглянула на ангела-хранителя. Она умудрилась остановить Кайроса, да так, что Джош оказался простым свидетелем. На его машине ни царапины, поэтому опшиваться здесь нам совершенно незачем. А вот Кайроса так просто не отпустят, и у нас будет больше времени на побег. Она молодец. Ну просто умница!

Жаркое солнце заливало парковку перед магазином мороженого. Я рванула дверцу Джошевой машины. Мой боевой настрой а-ля «нам не страшен темный жнец» уже как ветром сдуло, я плюхнулась на сиденье и втащила Джоша. В довершение всего этого бедлама моя хранительница принялась напевать что-то своим звенящим голосом.

— Машине положено ехать, так? — подсказала я, и Джош глубоко вздохнул. Трясущимися руками включил передачу. Аккуратно дал задний ход и, оказавшись снова на дороге, прибавил скорость. С каждой секундой мы были все дальше от Кайроса — и Джош, и я.

Джош, к великому разочарованию ангела-хранителя, выключил музыку. По-моему, он

чаще оглядывался, чем смотрел вперед. Так напуган, что даже пристегнулся.

— Ты в порядке? — спросила я и наклонилась взглянуть на спидометр. Не приходилось видеть, чтобы человек так бледнел. Может, стоило сесть за руль самой?

— Это был он, — Джош облизнул губы. — Он назвал тебя по имени.

У меня засадило в груди, и я вздохнула поглубже, готовясь объяснить:

— По крайней мере, он тебя не убил. Эй, а помедленнее нельзя? Мы не одни тут едем.

— Он может погнаться за нами.

Я положила руку ему на плечо — хотела успокоить, но Джош от неожиданности подскочил.

— Он не сумеет выследить тебя по ауре из-за моего амулета. Пока ты рядом со мной — ты в безопасности.

С колокольчика раздался звон:

— Это из-за ангела, а не из-за амулета, детка.

— Знаю, — отозвалась я, — но в это он не поверит.

Черт! Я с досадой сжала губы. Джош чуть притормозил, когда мимо нас в сторону аварии проехала полицейская машина. Он сдал к тротуару, повернулся ко мне и спросил:

— С кем ты разговариваешь? Только, пожалуйста, пожалуйста, не говори, что с мертвецами.

Сердце защемило. Иногда я бываю круглой дурой.

— Ну... это... мой ангел-хранитель, — с сомнением в голосе сказала я. — Она... на твоём колокольчике.

— Ангел-хранитель?

Я улыбнулась, улыбка искренней не получилась.

— Она из Группы работников экстренной службы защиты, один-семьдесят шесть. Или ГРЭЙС один-семьдесят шесть, для краткости.

Не могу я так ее называть. Просто Грейс еще куда ни шло.

Джош хотел было что-то сказать, но Грейс динькнула колокольчиком. Джош, еще сильнее побледнев, уставился на него.

— Мэдисон... — тихо-тихо проговорил он.

— А?

— Ты мертвая?

— Угу, — кивнула я.

Он сглотнул, сжимая руками руль, и сквозь голубую полосу на верхнем крае стекла посмотрел в небо.

— И это не вороны?

Я прищурилась и заметила, что на горизонте снова кружат черные крылья.

— Нет.

Джош стукнулся лбом о руль. Бам!

— Но с тобой все хорошо? — спросил он у своих коленок.

— Благодаря амулету. — Я прикоснулась к камню. — А с тобой все хорошо, потому что Рон оставил мне ангела-хранителя, пока он там убеждает серафимов не отбирать у меня камень. — Я обернулась. — Кайрос помнит резонанс твоей ауры еще с бала, но не видит ее, пока ты со мной. Может, все-таки поедем дальше?

Джош, не говоря ни слова, посмотрел в зеркало заднего вида и снова завел мотор. Мы обходными путями поехали через весь город.

— Э-э, — неуверенно начала я, — не хочешь заехать ко мне на пару бутербродов?

— К-конечно.

Я облизнула губы. Не нравятся мне эти его смуры. Он повернул на перекрестке налево и поехал длинной дорогой на другой конец города. Его состояние можно понять. Вообще-то я знаю, каково это, когда смерть касается тебя, и каково умирать по прихоти какой-то странной силы, которой совершенно все равно, жив ты или нет.

— Извини, что испугала тебя во все это, — сказала я, вспомнив голос Джоша той ночью, когда он спустился под откос. Он шел ко мне! И пусть именно в этот миг Кайрос обрезал нить моей жизни. — Ты был там. Это не сон. И я хочу сказать тебе спасибо. Благодаря тебе я не умерла в одиночестве.

Джош бочком пристроился на квадратной кухонной табуретке и вытянул ноги. Он сделал себе два бутерброда, и с них буквально свисала нарезанная ветчина. Он любил газировку со льдом и чипсы со вкусом барбекю.

Мой завтрак составляли тоненький бутербродик, горстка чипсов и стакан чая со льдом. Я с завистью наблюдала, как Джош в один глоток уничтожил полстакана содовой. С тех пор как кто-то нажал клавишу «удалить все», есть мне не хотелось. И придумывать отмазки для папы становилось все труднее.

Кухню не переделывали со времени постройки дома, бело-желтый кафель и кремовые стены казались усталыми. Холодильник тоже стоял здесь еще до того, как родители разошлись. Но в уголке теперь приютилась кофеварка — последнее слово техники, — а значит, у папы все-таки была своя система ценностей. На столе разместился маленький круглый деревянный поднос с салфетками, солью и перцем, а позабытая пепельница пылилась именно на том месте, которое отвела бы ей на кухне мама. Воспоминания о ней, ушедшей много лет назад, так и остались в папиной жизни.

Я сидела напротив Джоша, а он смотрел на мой бутерброд.

— И это все?

Я пожала плечами.

— Сплю я тоже не много, — я тронула пальцем чипсину. Грейс устроилась на лампочке и напевала очередной лимерик. Интересно, а она что-нибудь ест? — Смотреть телек по ночам через пару месяцев надоедает.

Телик по ночам, блуждания по Интернету, пяльенье в потолок после занятий с Барнабасом... Сомнительное веселье, если не с кем его разделить. То, что я разузнала об аурах из Интернета, не помогло. Об ангелах — тоже. Когда я притащила на крышу ноутбук в одну из ночных — и, по-видимому, бесполезных — попыток научить меня соприкасаться мыслями, Барнабас чуть не свалился вниз от хохота. Ничего не вышло из-за амулета Кайроса? Я потрогала камень. Может, это все равно что пытаться включить американский фен в британскую розетку?

— Так ты мертвая, — проговорил Джош с набитым ртом.

От ледяного чая заломило зубы. Я взглянула на часы. Столько времени уже прошло. Где же они?

— Угу.

— А амулет дает тебе тело.

— Ага, материальную иллюзию. — Я поерзала на стуле. — А еще защищает меня от черных крыльев, не дает им сожрать мою душу. Душа без тела — их законная добыча. Поэтому они предчувствуют, когда душу готовятся срезать, чтобы отхватить кусочек. Если смерть справедливая, они не показываются — только тогда, когда душа отмечена до срока.

Я отодрала от хлеба корочку, но отправить в рот так и не решилась. Джош посмотрел на изувеченный бутерброд.

— Не снимай амулет, ладно? У меня от этих черных крыльев мороз по коже.

— Не вопрос. — «Надо было усерднее тренироваться», подумала я. Но опять же, если у меня камень темного хранителя времени, от ауры Барнабаса резонанс моего амулета очень далек. Он скорее как у Накиты. Вдруг я сумею соприкоснуться мыслями с ней?

— А... — с сомнением в голосе начал Джош, вернув мои блуждающие мысли обратно, — а где же оно? Твое настоящее тело? — Он поднял брови. — Не зарыла же ты его на заднем дворе?

— Оно у Кайроса, — я вздрогнула от внезапного страха. — По крайней мере, он украл его из морга, когда я... сбежала.

Джош передвинул ноги и задел ножку моего стула.

— Жуть какая. Кайрос — это тот парень с черной тачкой, да? Он жнец?

Я поморщилась. Объяснять, что он хранитель времени, не хотелось. Неубедительно как-то.

— Ну, в общем, он у темных жнецов главный, — сказала я, хотя это было и ненамного лучше. — Барнабас светлый жнец. Он старается спасти людей, за которыми охотятся темные жнецы.

— Вроде тебя? — Джош отгрыз еще кусок бутерброда и промокнул губы салфеткой.

— Да, только со мной он напутал из-за дня рождения. — Я опять поерзала на стуле и поворошила чипсы в тарелке. — Он решил, что Кайрос пришел за тобой.

Джош перестал жевать.

— Я не знал, что у тебя был день рождения. Тогда ясно, с чего ты так взбесилась. Папа устроил тебе подставное свидание в день рождения? Это не дело.

Я криво улыбнулась, он тоже улыбнулся. Грейс захихикала с лампочки.

Я опустила глаза, Джош снова занялся бутербродом.

— Я вроде помню Барнабаса. Говоришь, он может защитить меня от этих штуковин? А где он? Э-э... в раю?

Я покачала головой:

— Он со своим шефом Роном. — Сидим тут и бездельничаем, отчего мне становится все больше не по себе. Чего ради играть с Джошем в это чаепитие, ведь нас разыскивает смерть?! Я смахнула челку с глаз и посмотрела сквозь кухонное окно на пустынную улицу. — Кайрос хочет вернуть свой амулет. А Рон считает, что я должна оставить его себе.

А если эти двое так и не появятся?

— Но у Кайроса же есть амулет, — сказал Джош. — Я видел.

Я мрачно улыбнулась и кивнула.

— Видно, он не такой могущественный, как тот, что я стащила. Спасибочки, уж лучше бы я осталась жива, так мне из-за него несладко пришлось. Первым делом нечего было меня убивать, — пробормотала я.

Джош с задумчивым видом уперся локтями в стол.

— Кайрос вернулся за твоей душой в морг. Вот где закавыка.

— Н-да, — я сдержала дрожь. — Он отметил меня, убил, а потом вернулся за мной. Они никогда так не делают.

Почему я? Я же ничем не отличаюсь от других.

— Значит, ты теперь жнец? — Джошу явно стало неуютно. — Как в книжках: перехитрил смерть — становишься на ее место?

— Ни в коем случае! — воскликнула я. — Жнецом может быть только жнец. А я просто мертвая.

Это вроде бы слегка успокоило Джоша, и он принялся за второй бутерброд.

— С ума сойти. Все это так странно.

Я фыркнула, проглотила чипсину:

— Даже не представляешь, насколько, — и подтолкнула к нему свой бутерброд, ну, за исключением отодранных корочек.

Настроение отвратительное, но все-таки как здорово поговорить с кем-то, кроме Барнабаса. Давно бы так. Вряд ли Джош мне поверил бы, еще меньше вероятность, что вообще стал со мной разговаривать. Я убила столько времени на электронные письма Венди ни о чем, что даже не попробовала ни с кем подружиться. Может, стоит что-то изменить, грустно подумала я. Вот, будь я жива... Куда же подевался Барнабас?

Джош хихикнул, и я посмотрела на него.

— Я, можно сказать, рад, что ты мертвая.

— Почему? — обиделась я. — Можешь теперь слопать мой завтрак?

Он улыбнулся:

— Это значит, я не псих.

Моя мимолетная улыбка угасла.

— Прости. Ты не должен был ничего помнить. Наверное, это просто ужасно — ты что-то помнишь, а все говорят, что это сон. Плохо, Да? Мне кажется, папа тоже помнит. Меня в морге, и как он звонил маме, но не сумел ей ничего сказать. Вину, утрату... Коробки, которые бы снова уложили, запечатали и свалили на чердак.

Джош, опустив глаза, кивнул. Я услышала шум колес на дороге. Папа. Он увидел машину Джоша, сдал назад и припарковался так, чтобы не перегораживать выезд.

— Что-то случилось? — Я взглянула на часы на плите. Всего полвторого.

Джош стряхнул с рубашки крошки от чипсов и поерзал на стуле.

— Не мог же он слышать об аварии, как думаешь? Может, не стоило так вот уезжать оттуда.

Папа шел по тропинке к дому, не отрывая взгляда от машины Джоша, и щурился на солнце, пока не добрался до тени. Он был одет по-рабочему, в защитные штаны и белую рубашку, но так и не снял лабораторный халат — а значит, у меня неприятности. Он забывал его снять, только когда был чем-то расстроен. На шее у него болтался бейджик, и папа на ходу засунул его в нагрудный карман халата.

— Ничего плохого в том, что мы уехали. — Я вдруг заволновалась. — И не по твоей вине Кайрос влетел в светофор. Ты же ни во что не влетел.

— Да, это по моей вине! — пропела Грейс, и лампочка, на которой она сидела, засияла ярче.

— Я свидетель, — Джош вытащил из кармана телефон и посмотрел на него.

— А откуда ему знать? — пробормотала я и отпрянула от окна, когда папа посмотрел на окна.

Джош поставил свой стакан в идеальной симметрии с тарелкой:

— Это маленький городок. Надо маме позвонить.

Мы оба замерли, когда открылась входная дверь.

— Мэдисон? — папин голос отдался эхом в пустом доме. — Ты здесь?

— Пап, мы на кухне.

Папины туфли застучали по паркету, и вот он появился в дверном проеме. Джош встал, когда папа вошел.

— Добрый день, сэр, — Джош протянул ему руку. — Я Джош Дэниелс.

Папино озадаченное выражение смягчилось узнаванием.

— А, сын Марка. Похож. Приятно познакомиться, — он тут же разжал ладонь и

обличительным тоном папы-защитника добавил: — Ты бросил Мэдисон на балу.

— Пап! — смущенно возразила я. — Никто меня не бросал. Я сама сбежала, когда узнала о подставном свидании. Джош повел себя как настоящий джентльмен. Я пригласила его позавтракать — пытаюсь загладить свою вину.

Джош переминался с ноги на ногу, но к папе уже вернулось его обычное хорошее настроение, и он заулыбался.

— А я подумал, у тебя сдулось колесо и понадобилось, чтобы кто-нибудь подбросил до дома.

Я, запинаясь в недоумении, произнесла:

— А-аткуда ты знаешь?

Папа легонько потрепал меня по плечу и пошел к автоответчику.

— Мне позвонили из магазина.

Мои губы сложились в букву «о». Я же оставила там велосипед.

— А. Ну да. Ты об этом.

— Они посмотрели регистрационный номер и наткнулись на мое имя, — папа отвернулся от автоответчика и нахмурился. — Ты почему трубку не берешь? Я до тебя целый час не мог дозвониться. Даже в твой цветочный магазин звонил, вдруг ты на работу вышла в выходной. Пришлось в конце концов заехать домой.

Я смущенно пожала плечами. Среди всех сегодняшних треволнений я о телефоне и думать забыла.

— Ой, извини, у меня деньги кончились, — соврала я. — Джош меня подвез. — Папа по-прежнему хмурился, и я разволновалась. — Вот я и пригласила его позавтракать.

Лепечу, как маленькая. Я стиснула зубы.

Папа неодобрительно хмыкнул.

— Можно тебя на минутку? — сухо проговорил он и вышел в другую дверь в вечно бездействующую гостиную.

Я вздохнула, бросила Джошу «извини» и угрюмо поплелась за папой.

Он остановился в солнечном пятне, которое протянулось от двери до противоположной стены. Там папа повесил несколько фотографий, я снимала их месяц назад на фестивале воздушных шаров. На одной папа как раз запрыгивал на велосипед, а на заднем фоне был виден весь старый город, очерченный линиями рек.

В гостиной, как и на кухне, тоже по-прежнему все говорило о маме — и столики со стеклянными столешницами, и замшевая мебель, и статуя в стиле ар-деко в углу. Либо у родителей были очень похожие вкусы, либо папа все еще жил прошлым, окружая себя напоминаниями о маме. Хотя ни одной ее фотографии в доме не было.

— Пап... — начала я, но он не дал мне ничего объяснить, лишь поднял руку:

— Погоди. Мы же договаривались насчет гостей?

Я вдохнула, готовясь возражать, но тут же выдохнула.

— Извини. Но это же Джош. Ты ведь сам устроил нам свидание, вот я и подумала — что тут такого?! Подумаешь, бутерброд, — мой голос стал жалобным, а я терпеть этого не могу.

— Дело не в бутерброде. Ты была с ним наедине.

— Па-а-а-ап! — простонала я. — Мне семнадцать лет!

Его брови поползли вверх.

— Так о чем мы договаривались? — повторил он, и я сдалась.

— Я обещала предупредить, если соберусь кого-нибудь пригласить, — проямлила

я. — Извини. Забыла.

Папа тут же смягчился и приобнял меня. Не умел долго на меня сердиться, особенно теперь, когда у меня, кажется, появляются друзья. Он отпустил меня.

— Ты, похоже, многое позабыла. Велосипед, например. Он далеко не дешевый. Поверить не могу, что ты его там бросила.

Если речь зашла о деньгах, значит, все хорошо.

— Прости, — виляла я, мечтая поскорее вернуться на кухню. — Джош чуть не попал в аварию, как-то было не до того.

При слове «авария» папа резко притянул меня к себе.

— С тобой все хорошо? — выдохнул он, ухватил меня за руку выше локтя и оглядел с головы до ног.

— Все нормально, — сказала я, и он разжал пальцы. — Меня вообще не было в машине. Светофор упал, а Джош вырुлил с дороги.

О Кайросе можно и вовсе промолчать.

— Мэдисон, — начал папа с испуганным видом, и я вспомнила, как застала его тогда одного в своей комнате. Он складывал мои вещи обратно по коробкам и был уверен, что я умерла.

— Ни царапины, — ответила я, гоня прочь воспоминания. — В светофор врезался другой парень.

Папа посмотрел мне в глаза, пытаясь понять, не вру ли я, и сказал:

— То есть в знак «стоп».

Я покачала головой и уверенно поправила:

— В светофор.

С кухни донесся смех Грейс. И правда, смешно.

— Он свалился с провода, и какой-то парень в него въехал. А иначе мог бы упасть на Джоша.

С папы наконец сошло это испуганное выражение. Он приосанился и тихо сказал:

— Похоже, у его ангела-хранителя сегодня сверхурочные.

Мерцающий шар света бодро влетел в комнату.

— Верно подмечено, пирожок, — сияние Грейс померкло в солнечном луче. — Да мне даже не поручали его охранять, но Мэдисон такая грубиянка, а он милый. Дал мне на колокольчике посидеть и все такое.

Я обернулась на голос и увидела за Грейс наш задний двор и изгородь, через — а, может, и сквозь — которую все на свете видела миссис Волш.

— Он хорошо водит, пап. Всегда пристегивается, ну и прочее.

Папа засмеялся и положил руку мне на плечо.

— Знаю, мама давала тебе куда больше свободы...

— Да не то чтобы, — перебила я, вспомнив строгие правила и комендантский час. Она требовала, чтобы я была приличной и правильной, как она. А я всего-навсего хотела быть собой.

— Соберешься в следующий раз звать друзей в гости — позвони мне, ладно?

Он развернул меня, и мы вместе пошли на кухню.

— Хорошо. Извини. — Обошлось без нытья — ну почти, — и папа остался доволен. А от чувства возложенной на меня ответственности сразу стало легче.

— Вам еды хватило? — спросил папа на пороге кухни, и я кивнула.

Джош говорил по мобильнику, но, увидев нас, сказал «пока» и отключился. Я сначала забеспокоилась — может, звонил кому-то из своих товарищей и рассказывал про «эту чокнутую Мэдисон», — но он улыбнулся мне, и я тут же отмела эту мысль. Славная у него улыбка. А еще лучше, что он мне верит. Словно камень с души свалился. Я больше не одна.

— Спасибо, что подвез Мэдисон до дома, — сказал папа, и мне совсем полегчало. Ему тоже нравился Джош.

А тот, похоже, сообразил, что у меня все хорошо, и принял более непринужденную позу.

— Ерунда, — он снова переставил свой стакан. — Мне было по пути.

— По пути откуда? — спросил папа, доставая из холодильника чай со льдом.

Я поколебалась. Папе я не говорила, что собираюсь сегодня в школу.

— Из школы, — Джош поправил очки. Ему было явно любопытно услышать, какую отмазку я придумаю. — Наша команда бегунов участвует в завтрашнем празднике, тренировались. Не хотите меня поддержать? Доллар за забег.

— Конечно. Впишите меня, — папа нагнулся достать из посудомойки стакан. Я нахмурилась. Это я должна была сегодня утром все оттуда вытащить. — Ты же не на длинные дистанции бегаешь? — В его голосе зазвучала легкая тревога, как бы не пришлось выкладывать кругленькую сумму.

— Нет, забег на милю.

Папа с улыбкой налил себе чаю. Поскорее бы он ушел. Меня ждали дела. Люди, которых надо спасать.

— Мэдисон, а ты мне не говорила, что участвуешь в празднике.

— Э-э... — Я почесала затылок, подыскивая ответ. — Ну, я подумала, может, пофотографирую. Но это глупость.

— Вовсе нет, — возразил Джош, и я готова была отвесить ему затрепину. — Народу нравятся такие шутки.

Я взглядом попросила его придержать язык и улыбнулась, когда папа закрыл холодильник и повернулся к нам.

— Да кто станет платить за фотку, которую получит не сразу, а только через два дня? — сказала я.

Папа кивнул, но не в знак согласия. Знала я это его задумчивое выражение. Он прислонился к стойке и скрестил ноги.

— Если в этом все дело, я достану тебе такой принтер, чтобы можно было распечатать все прямо на месте, — сказал он, и у меня внутри все сжалось. — Будешь давать талончики, а перед уходом — уже фотографии.

— Правда?! — воскликнула я с наигранным воодушевлением. Может, позвонить своему начальнику в цветочный магазин и уговорить вызвать меня на работу? Лишь бы отделаться от всего этого.

— Ну конечно, — папа поправил очки. — Я чуть не купил такой тебе на день рождения, но сначала решил достать камеру получше.

Я подумала о новом фотике на своем туалетном столике. Снимала я в основном новенькие с иглочки шмотки, которые мне накупил папа, и посылала фотки по электронке Венди. Она, наверное, помрет, когда увидит мои кроссовки с черепами и костями.

— Спасибо, пап, — я бросила на него умоляющий взгляд, стараясь показать, что хочу остаться с Джошем наедине. — Я поговорю с кем-нибудь.

— Давай уж, — папа прихватил стакан и легкой походкой направился к двери. —

Джош, а ты оставайся на обед, если хочешь.

— Спасибо, мистер Эй, но я обещал маме быть дома к полседьмого.

Папа понимающе кивнул, улыбнувшись такому неформальному обращению. Уверена, раньше его никогда так не называли. Барнабас несколько раз говорил с папой, и всегда чрезвычайно официальным тоном.

— Я в кабинете, — сказал папа. — Надо кое-что сегодня доделать, но это можно и дома.

Я вздохнула, когда он наконец-то вышел из кухни. Его шаги раздались у входа, потом дверь его кабинета скрипнула, но так и не захлопнулась. Не очень-то много у него там дел, но кабинет прямо напротив кухни, и папа мог оттуда за нами приглядывать.

— *Как-то раз из Заира девчонка...*

— Не надо, пожалуйста, — вполголоса проворчала я, и Грейс захихикала. Может, найду колокольчик, чтобы ей было где жить. Очень уж я испугалась, когда упал светофор.

— Он мне не доверяет, — тихо сказала я, садясь напротив Джоша. Полседьмого? У Барнабаса почти четыре часа на то, чтобы вернуться и прекратить этот кошмар. Да где он вообще? Неужели все еще ведет переговоры с серафимами?! Плюхнулся на колени и все дела.

Джош фыркнул и слопал еще чипсину.

— Это мне он не доверяет.

Я улыбнулась и оперлась локтями о стол. Папа говорил по телефону. Черные крылья не отправляются отдыхать в конце рабочего дня, и если Барнабас к тому времени не вернется, дело будет плохо.

Совсем недавно я сидела под замком за побег из дома после комендантского часа. Но если я не останусь с Джошем на ночь, он может ее и не пережить. Вряд ли Грейс согласится быть ангелом на побегушках.

— Похоже, как уберечься от Кайроса после полседьмого, ты еще не придумала? — спросил Джош, и я бросила на него извиняющийся взгляд.

— Ничего такого, что бы не грозило мне домашним арестом. — Я взглянула на Грейс. Она оставит меня и отправится за Роном, только если стряется беда, с которой ей самой не справиться. Но в этом случае я, возможно, уже успею окончательно погибнуть. Что плохо. — Кто-то из них уже должен был вернуться. Может, что-то пошло не так?

С лампочки прозвенела Грейс:

— Все там так. Но если тебе запрещено входить во врата рая, не так-то быстро привлечешь внимание серафимов.

— Чувствую себя такой беспомощной! — воскликнула я.

— Беспомощной? Это ты-то? — буркнула Грейс, и когда она приземлилась на стол, голос ее зазвучал громче. — Я даже не знаю, зачем я здесь. Барнабас защитил бы тебя куда лучше, чем я. Зачем Рон утащил его с собой? Проще было позвать другого жнеца, он бы и помог поговорить с серафимами.

Джош глядел на меня непонимающе — он ведь слышал лишь половину разговора.

— У тебя здорово получается. Ты напугала меня до чертиков, когда сбросила этот светофор на Кайроса. Этот трюк уже явно тянет на вторую сферу...

Джош улыбнулся и сунул в рот остаток бутерброда:

— Меня тоже до чертиков. Спасибо, что спасла мне жизнь.

— Хитро придумано, да? — ее крылышки засияли ярче.

Я кивнула, встала, собрала тарелки и отнесла в раковину. Так зачем Рон забрал Барнабаса с собой? Больше не хотел, чтобы со мной оставался жнец?

Джош глотнул содовой, обрызгался, покраснел и вытер подбородок.

— Я не хочу сидеть под замком. Мы же можем хоть что-то успеть до полседьмого.

— Например, придумать, как избавиться от Кайроса? — Я сполоснула тарелки. — Само собой, да мне справиться с главным у темных жнецов — раз плюнуть, — сказала я и задумалась. — А впрочем, не такая уж плохая мысль, — признала я, вытирая руки. — Если я стащу у него новый амулет, он не сумеет распорядиться потоком времени, пока не сделает еще один. Ему придется уйти. И меча у него тогда не будет.

Когда я обернулась, лицо у Джоша было озадаченное.

— А он не может просто взять амулет у кого-нибудь из жнецов?

Я улыбнулась, осознав: только что сказала «поток времени», а Джош по-прежнему сидит и слушает меня.

— Нет. Кайрос может касаться камня жнеца. — Я вспомнила, как Рон держал камень Барнабаса, — но не пользоваться его силой. Рон тоже. — Я тронула свой камень и умолкла, вспомнив, как от амулета Накиты и самоцвета в рукояти ее меча исходило одинаковое сияние. — Но приближаться к нему — не очень-то здоровская идея. Он просто утащит меня с собой. А если ты попытаешься забрать камень, Кайрос срежет твою душу. Но должен же быть какой-то выход.

Мне было тревожно, а Джош спокойно поправил очки и сунул в рот чипсину. Не боится или притворяется? Впрочем, чего бояться живых мертвецов? К тому же это никоим образом не его проблема. А моя.

— Значит, амулетом жнеца ты воспользоваться не можешь, а амулетом Кайроса — можешь? — проговорил Джош с набитым ртом. — А что в нем такого особенного?

— Ну, амулет Кайроса — это не совсем камень жнеца, — с сомнением ответила я. — Это камень хранителя времени, — добавила я, приободренная тем, как Джош принял «поток времени». — А хранители времени — люди. Наверное, в их амулетах божественность... немножко разбавленная.

— Хранитель времени, — тихо повторил Джош и, видимо, удовлетворенный, вновь принялся за чипсы. — Значит, повезло, что ты не взяла по ошибке камень жнеца?

— Н-да, повезло. — Мне стало неуютно. Кайрос вернулся за моей душой, но почему он вообще охотился за мной? И почему моя смерть приблизила бы его к «высшему кругу», как он сказал в ту ночь, когда убил меня? Неужели мне было уготовано совершить нечто такое, что угрожало бы самим ангелам? — Возможно, обычный человек не способен орудовать этой штукой, поэтому я и не могу ничего с ней поделаться, — мрачно сказала я, вертя в руках амулет.

Джош вскинул голову:

— А что с ней вообще можно делать?

Я заправила пурпурные кончики волос за уши и задумалась. Раз это амулет хранителя времени, значит, мне подвластно то же, что и Рону — теоретически.

— Помимо соприкосновения мыслями со жнецами? Ну, я, наверное, могла бы останавливать время, — я вспомнила, как скакали тени, когда Рон появлялся и исчезал. — Или расплываться, как привидение, я видела, как Рон это делал. Изменять воспоминания. Рон уже дважды менял резонанс моего амулета. Барнабас умеет гасить действие амулета, чтобы не мешать черным крыльям вынюхивать жертву, — тогда и он будет знать, кто она.

Еще он умеет с помощью амулета искать цель; наверное, хранителю времени это тоже под силу. А еще он как-то говорил, что умеет оставлять для черных крыльев ложный след и тем самым обманывать темных жнецов — они тоже идут по пятам за этими существами в поисках жертвы. Я уперлась взглядом в стол.

— Барнабас говорит, может, у меня не получается соприкоснуться с ним мыслями, потому что мой амулет принадлежал темному хранителю времени, а он — светлый жнец. Диаметральные противоположности. Но я больше ничего не пробовала.

Джош откинулся назад, скрестив руки на груди.

— Ну так вот. Тебе нужно попробовать что-нибудь другое. Что не имеет никакого отношения к жнецам. Если ты станешь невидимкой, то сможешь просто подойти к нему и р-р-раз — его новый амулет уже твой.

Я пристально смотрела на Джоша, обдумывая его слова. Очень даже может быть, что украсть новый амулет Кайроса и в самом деле так просто. Я снова улыбнулась Джошу. У меня словно появилась надежда.

— Во всяком случае, попробовать стоит.

— Ты сможешь?

— Не нравится мне все это, — пробормотала Грейс со своей лампочки, но наперекор ей я лишь укрепилась в своей надежде.

— Само собой! — воодушевленно отозвался Джош. Похоже, ему не очень-то улыбалось провести ночь в шкафу, прячась от темного жнеца. Хотя кто стал бы его упрекать?

Я встала, скрипнув стулом.

— Пошли отсюда.

— Зачем?

Я кивнула на комнату напротив.

— Не собираюсь упражняться, когда папа рядом.

А развлекаться в моей комнате он ни за что не позволит. Но должно же быть какое-нибудь общественное место, где на нас никто и внимания не обратит. Библиотека, например. Я пару раз забиралась туда по ночам, когда подсмотрела, как библиотекарь прячет ключ за кирпичом. Мне начинал нравиться этот городишко.

— Но... — глаза Джоша тревожно сузились.

— Да ничего с тобой не случится, — успокоила я, стаскивая его с табуретки. — Ангел-хранитель рядом. Ты под его прикрытием. Времени у нас всего до полседьмого. Надеешься, что Барнабас успеет?

Джош кивнул и отнес стакан в мойку.

— Ладно.

По мне, с головы до ног, пробежала искра волнения.

— Пап! — громко позвала я. — Мы с Джошем поедem в город, мне нужна дополнительная карта памяти в фотик. Хорошо?

— Возьми телефон, — отозвался папа, — и денег брось. Возвращайся к шести.

— Вас понял! — я хлопнула ладонью по заднему карману шортов — телефон был на месте, и повернулась к Джошу. Все-таки хорошо, что у него есть машина. — Готов?

Он озадаченно воззрился на меня:

— Куда мы поедem? Ко мне никак, мама дома работает.

Откуда-то сверху донесся звонкий смех:

Жила-била девочка-врушка,
Померла — стала врать еще хуже.

— В библиотеку? Но сначала в торговый центр, ладно? Мне и правда нужна новая карта. Раз уж я теперь строю из себя фотографа на празднике. Спасибо некоторым, — закончила я сухо.

Джош расплылся в улыбке:

— Если завтра утром буду жив, заехать за тобой?

— А то ты не знаешь, — улыбнулась я. Он хочет меня подвезти, и вряд ли только из-за черных крыльев. Кажется, я ему нравлюсь.

Я помахала папе, он выкатился на рабочем кресле к двери кабинета посмотреть, как мы уходим, и улыбнулся мне. Несмотря ни на что, мне было хорошо. И не только потому, что я, кажется, нравлюсь Джошу. Я месяцы напролет буквально билась о стену головой, пытаюсь приручить свой амулет, но лишь чувствовала себя все глупее и глупее, а Барнабас все больше впадал в уныние. Если Джош поможет мне найти разгадку, то не придется полагаться во всем на Барнабаса или Рона. Я и сама справлюсь.

Ну что ж, размышляла я, пока Джош шарил по карманам в поисках ключей, может, и не совсем одна, но я это сделаю.

Я была в «Наименьшем общем знаменателе», или «НЗ», как его называли, всего один раз. Папа привез меня сюда поесть пиццы, забегаловка была забита студентами, которые либо зубрили в преддверии выпускных экзаменов, либо расслаблялись после сдачи. Конечно, он хотел помочь мне вписаться в новую обстановку, но поедание пиццы в компании папы, когда все остальные сами по себе, создавало явно не то впечатление, которое я рассчитывала произвести.

Улыбнувшись этой мысли, я заказала картошку фри. Джош был снова — или до сих пор — голодный, и мы хотели забежать на минутку, но оказалось, здесь вполне удобно упражняться: в большом заведении было совсем мало народу. Прошел почти час, и я начинала беспокоиться. Может, дело не в амулете, как говорил Барнабас, а во мне? Когда Джош отошел в туалет, я увидела, как над стоянкой промелькнуло черное крыло, и моя испуганная физиономия — я в очередной раз пыталась дотянуться до мыслей Барнабаса — повергла Грейс в истерику.

Мы уже сходили в торговый центр, и новая карта памяти лежала в моей модной сумочке на столе, рядом стояли нетронутыми картошка и содовая. Джош уже принялся за вторую тарелку, он размеренно жевал, окуная ломтики в острый сырный соус, и наблюдал, не превращусь ли я в привидение.

Дневной свет лился в большие тонированные окна, выходившие на торговый центр. Когда-то «НЗ» был обычной закуской, где продавались бургеры, но покорились условностям, и теперь к вашим услугам предлагались латте и бесплатный вай-фай. В середине стояли столики и кресла с подушками, а вокруг — кабинки. Несколько человек, склонившись над ноутбуками, лазили по сети и жевали чересчур дорогие сэндвичи и особые чипсы на любителя.

Из полутемного уголка доносилось звяканье — это переговаривались между собой игровые автоматы. С улицы долетал шум колес — это скейтбордисты испытывали свои доски и нервы на прочность, нарезая «змеиные петли» и запрыгивая на искусственные холмики. Стук колес по фанере вторым пульсом бился у меня в ушах. Грейс отдыхала на колокольчике, который, по идее, должен был звонить, если кому-то из скейтеров удавалось высоко подпрыгнуть и дотянуться до него. Одна из стен была полностью из толстого поцарапанного плексигласа, и за ней с грохотом мелькали туманные тени.

Я отвернулась от прозрачной стены и взглянула на Джоша. Пальцы покалывало, но не от того, что я приблизилась к разгадке амулета — скорее, слишком сильно сжала его в ладонях. Может, надеяться на то, что я научусь хоть чему-нибудь полезному за такой короткий срок, чересчур оптимистично, но полагаться на других ради собственной безопасности я устала, да и Джош был готов мне помочь.

— Видишь меня? — с надеждой спросила я.

Джош уставился прямо мне в глаза, и я сникла.

— Смотри не перестарайся, — посоветовал он.

Я медленно выпустила камень из рук.

— У нас осталось всего несколько часов. Непохоже, чтобы к этой штуковине прилагалась инструкция.

В унынии я провела пальцем по стаканчику из вошеной бумаги, стирая выступившие на

поверхности капли. Однажды после особенно утомительной тренировки я спросила Барнабаса, как он делает это, но ничего путного так и не добились. Он только сказал, что «думает сонные мысли», а мне надо просто научиться связываться с ним на случай, если понадобится помощь. Сонные мысли... Ну да, а стоит предаться счастливым мыслям, тут же расправлю крылья и улечу.

— Ты же всего час как стараешься. Не суди себя строго. У нас еще есть немножко времени, — сказал Джош и тревожно сощурился.

Время, подумала я, скатала шарик из бумажной обертки и бросила на стол. Может, поучиться замедлять время? Но, по-моему, это куда сложнее, чем превращаться в невидимку.

— Не волнуйся, — успокаивал Джош, но сам явно начинал беспокоиться.

Встречу со смертью нелегко забыть, и я снова содрогнулась, вспомнив, как Кайрос стоял надо мной, его обнаженный клинок сверкал в лунном сиянии, а я беспомощно сидела в разбитом кабриолете.

Рука невольно потянулась к амулету, и я сжала камень, будто хотела убедиться: пусть это и амулет хранителя времени, но я все еще здесь и вроде как живая. Самым страшным в моей жизни было мгновение, когда я проснулась в морге и увидела саму себя, лежащую на столе. Хуже того, я знала, что виновата сама: села в эту машину, и никакая мега-привлекательность тут не оправдание. Теперь Кайрос не казался мне таким уж красавчиком. Поверить не могу, что целовалась с ним.

Я крепче вцепилась в амулет. Он со мной вот уже несколько месяцев, его тяжесть успокаивала. Без него я не просто стану невидимой — сделаюсь бесплотной, смогу проходить сквозь стены и закрытые двери. Легкая добыча для черных крыльев. Совсем как привидение. Может, это и есть ключ? Не «думать сонные мысли», а найти какой-то способ подавить власть камня?

Я устала в стол, вспоминая подробности той страшной ночи в морге. Я чувствовала, как бьется сердце, как движется воздух в легких — дышала по привычке, — но мое тело лежало в черном пакете на столе и не ощущало ни гладкость целлофана, ни холод гранита. Я словно была отделена от реального мира. Связь между мной и миром разрушилась. И в ужасе я побежала.

Воздух во мне, казалось, истончился, я будто стала бесплотной, почти такой, как и была на самом деле. Ноги сделались ватными. Прикосновение к предметам словно резало прямо по кости. Только когда Барнабас бросился ко мне, я снова почувствовала себя нормально. И лишь тогда поняла, что потеряла. Вселенная не принимала меня без тела, пока амулет Барнабаса не оказался достаточно близко. Ей было не за что уцепиться, чтобы вернуть меня в мир живых.

Может, когда я отделилась от своего тела, время и Вселенная перестали увлекать меня вперед? А может, амулеты — это своего рода точки, от которых время и пространство отталкиваются и ускоряют свой бег и которые удерживают разум и душу в связи с настоящим? И если мне удастся разорвать эту связь...

Я спокойно заерзала на жестком сиденье. Кажется, я на верном пути. Закрыв глаза, я попробовала представить себя как отдельную личность, нитями прошлого связанную с настоящим. Я слышала шум вокруг: Джош потягивал содовую, звонил телефон, — и после бесплодных месяцев тренировок наконец что-то произошло.

С внезапным волнением я осознала, что вижу линию своей жизни. Напряженно вглядываясь в нее, я увидела свой путь из вероятности в настоящее, изумилась тому, как моя

жизнь переплеталась с жизнями других людей. А дальше — уродливый клубок на месте моей смерти, словно время или пространство затянулись в узел, чтобы не случилось разрыва, когда душа будет отсечена от них... Словно там, где я исчезла, воспоминания других людей переплетались с темнотой, придавая ей прежнюю форму, с призраком настоящего, который внезапно возник, когда я завладела амулетом Кайроса. Но теперь время находило мою душу и увлекало ее вперед не с помощью моего тела, а через амулет, который я стащила. Цвет — или звук — изменился. До момента моей смерти линия была темно-синяя, но потом внезапно становилась лиловой очень темного оттенка, на грани с ультрафиолетом. Как у Накиты.

Моя аура, сообразила я. Мне тут же захотелось все бросить и попробовать связаться с Барнабасом, но я вновь сосредоточилась. И вздрогнула, увидев, как от моей души тянутся нити мыслей в будущее — наверное, мысль быстрее времени. Я ясно видела фиолетовые нити, которые простирались от меня в будущее и тянули меня вперед вместе со всей Вселенной. И именно мой амулет давал времени точку опоры для дальнейшего движения, он окрасил линии после моей смерти — он привел все это в действие.

А если разорвать часть нитей, тянущихся от амулета к настоящему, я стану невидимкой? Как тогда, когда убежала от Барнабаса в морге? Словно я и не ношу камень, хотя он по-прежнему у меня на шее?

Я вздрогнула в предвкушении и немного расслабилась — хотела убедиться, что все так же сижу рядом с Джошем и ничего пока не происходит. Должно сработать. У нас совсем мало времени. Я не стану уничтожать все нити — только несколько — и ни в коем случае не те, что тянутся в будущее. Только те, что связывают меня со здесь-и-сейчас.

Глубоко вздохнув — хотя мне это и не было нужно, — и выдохнув, я оборвала нить, которая привязывала меня к настоящему. Она лопнула, как шелковая паутинка, и в голове у меня раздалось тихое гудение. Приободренная, я размахнулась посильнее и вновь провела воображаемой рукой между собой и настоящим. То же гудение будто эхом отдалось во всем теле. Словно перед моим внутренним взором пробегали звуковые волны, проникали сквозь меня и замирали, наталкиваясь на стену кабинки.

— Мэдисон... — прошептал Джош, я открыла глаза и уставилась на стол. Пальцы покалывало. — Получилось. — В голосе его звучал благоговейный страх.

Я выдохнула, как будто вынырнула из глубины. Рывком подняла голову и посмотрела на Джоша. Я снова слышала скейтбордистов с улицы — звук опять стал реальным, и невидимые волны исчезли. Сердце колотилось, перед глазами все плыло, словно я была живая. Джош глядел на меня во все свои голубые глаза.

— Получилось! — повторил он и подался вперед. — Ты теперь вернулась, но я только что видел стул за тобой. — Он огляделся — не заметил ли кто. — Такая странная штука. Давай еще разок!

Мне стало легко-легко, и я откинулась на жесткую спинку сиденья.

— Хорошо. Попробую.

Взвинченная до предела, я положила ладони на стол и всей своей волей потребовала, чтобы это случилось вновь. Я смотрела в небо сквозь окно. Перед глазами помутилось, и я погрузилась в свои мысли. Я чувствовала присутствие камня повсюду в своем недавнем прошлом, он словно сплетал сеть, связывал каждое мгновение с предыдущим. Теперь было легче, я мысленно коснулась фиолетовой нити и заставила ее съежиться и исчезнуть. Звуки сделались приглушенными, мне стало нехорошо — так случалось, когда я становилась

бесплотной. Биение сердца хотя оно и было лишь воспоминанием, утихло.

— Черт возьми, Мэдисон! — воскликнул Джош, глотая слова. — Ты исчезла! — Он заколебался: — Ты... здесь? Поверить не могу!

Сосредоточившись, я оборвала разом довольно много нитей от будущего к настоящему, проверив, достаточно ли тех, что будут подгонять меня вперед.

— Я здесь. — Я чувствовала, как движутся губы. Слова доносились словно издалека. Я перевела взгляд на Джоша, теперь это казалось проще. Он удивленно озирался, но в основном смотрел на спинку сиденья позади меня.

— Вот и славно, — он откинулся назад. — Я тебя еле слышу. Прямо мурашки по коже. Как будто ты шепчешь в телефон, вроде того.

По едва слышному гудению у самого уха я догадалась, что Грейс покинула свой колокольчик. Я повернулась на яркий свет, бешено носившийся по кабинке, и разинула рот от удивления.

— Я тебя вижу, — прошептала я. — Господи, ты такая красивая!

Она была совсем крошечная, хотя из-за своего сияния казалась размером с софтбольный мячик. Смуглая, с тонкими, ясно очерченными чертами лица. Золотое мерцание размывало ее силуэт. Было непонятно, дымка или нечто осязаемое. Туманные очертания крыльев и были мерцанием, которое я видела прежде.

Крошечная хранительница тут же остановилась, вслушиваясь в мой голос. Она удивленно замигала, и глаза ее сверкали, как солнце.

— Я потеряла твою песню, Мэдисон, — сказала она. — Я больше не слышу твоей души. Перестань! Я тебя не вижу.

Сработало! Я была в восторге. Если мой ангел-хранитель меня не видит, ни жнец, ни хранитель времени тоже не смогут.

— Я невидимая. — Я по-прежнему удивленно смотрела на Грейс.

— Уж это я вижу, — огрызнулась она, взволнованно покачиваясь в воздухе. — А теперь прекрати. Я еле-еле слышу песнь твоей души. Не могу же я защищать того, кого не вижу.

Я повела рукой — она светилась белым по краю, примерно так же, как кончики черных крыльев. Любопытства ради я попробовала взять свой стакан. Холод напитка пробрал до костей, и я вздрогнула. А еще я, кажется, не могла сжать пальцы, чтобы схватить стакан. Как же я тогда сижу на стуле, не проваливаясь? Я подвинула плетеную соломенную салфетку на столе. Наверное, я материальна настолько, что могу воздействовать на мир, но очень слабо. Гулять при шквальном ветре, пожалуй, не стоит. Может, так Барнабас и летает.

— Мэдисон, ты еще здесь? — прошептал Джош.

— Да. — Я восстановила несколько нитей, пока будущее превращалось в настоящее.

Хранительница вздохнула с облегчением, а Джош тут же поймал мой взгляд.

— Черт возьми! — прошептал он. — Я вроде как тебя вижу. Уф, Мэдисон, это так странно. Можно тебя потрогать?

— Я бы не стала, — сказала Грейс, паря над столом, но я лишь пожала плечами. Джош протянул руку и прикоснулся к моему запястью. Мы оба вздрогнули и одновременно отдернули руки. Пальцы Джоша, казалось, жгли огнем.

— Холодно. — Он спрятал ладонь под столом.

— Так меня лучше слышно? — спросила я, и он кивнул.

Ничего более странного в жизни не делала. Обрывать нити, тянущиеся от амулета, когда они из будущего превращались в настоящее, теперь казалось совсем легко. Как делать уроки

под музыку и подпевать. Получилось. Наконец-то научилась чему-то я чуть не расплакалась от облегчения.

— Великолепно, — улыбнулся Джош, когда я, к большому неудовольствию Грейс, снова стала невидимой. — Теперь тебе наверняка удастся забрать амулет.

Я засмеялась, и Джош поежился.

— Не смейся, невидимка, — сказал он, оглядываясь. — Жуть какая. Меня теперь кошмары замучают.

Кажется, я на миг стала совсем видимой, когда входная дверь неожиданно открылась. Я снова сосредоточилась на амулете, оборвала сразу целый пучок нитей — тут же почувствовала себя дурно, но взяв себя в руки, теперь дергала нити постепенно, одну за другой. Джош напрягся: двое вошедших направлялись к нам, а третий задержался у стойки, чтобы сделать заказ.

Я растерялась, не зная, что предпринять. Они видели, что Джош один. Высокую девушку в топике от кутюр и коротеньких шортиках — само лето! — я узнала. К нам неторопливо шествовала Эми, за ней плелся Лен. Паркер был у стойки и, как всегда, за всех платил. Все трое из команды бегунов.

Эми из крутых девчонок. Обертка очень милая, но я сама в старой школе довольно долго старалась стать крутой девчонкой и знаю, что под оберткой частенько ничего нет. Эми обычно гуляла с Леном, если только не наказывала его за очередной обман. Но я как-то раз увидела Лена в действии и совсем перестала ее жалеть.

Лен здоровяк и любил размазывать ребят послабее по стенкам шкафчиков, пока учителя не видят. А потом делал вид, что пошутил, а жертвы охотно глотали унижение за честь быть замеченными таким крутым парнем, хотя бы на пять секунд. Не лучший бегун в команде, он просто очаровашка — особенно в собственных глазах — и обращается с девушками, как с мороженым: каждый месяц пробует новый вкус на денек-другой. И он такой симпатичный, что девочки, за которыми он увивался, легко с такими манерами мирились. А меня это раздражало до ужаса.

Паркер вроде ничего, но, сдаётся мне, его приняли в компанию только потому, что он ради этого готов терпеть любые обиды. Мне прямо худо сделалось при виде того, как он за всех платит. Я ведь чуть сама не превратилась в такого вот Паркера: все пробовала, все выносила, даже оправдывала остальных — очень уж хотелось влиться в компанию. Не будь Венди, я бы неровен час сдалась. Но оно того не стоило. Ни гроша.

— Привет, Джош, — бодро пропела Эми и оперлась ладонью о стол, изогнув бедро. — А где же Мэдисон Эй-дури? Все тащит по дороге велик?

Я в смятении забила в угол кабинки и принялась как сумасшедшая рвать нити, чтобы остаться невидимой.

Джош хлопнул ладонью по ладони Лена и мрачно взглянул на Эми:

— На самом деле она милая, ясно? Не называй ее так больше.

— Да что ты? — Эми уселась, а я отодвинулась еще дальше. — Сам же начал.

Лен расположился рядом с ней, а я перелезла через спинку и стояла теперь на сиденье соседней кабинки.

— Я тогда не знал ее, — у Джоша покраснели уши. — Она классная.

Эми фыркнула, подцепила мизинцем мою сумку и подтянула поближе, чтобы заглянуть внутрь.

— Пробежался по магазинам? — ехидно спросила она. Умей я, взяла бы кубик льда и

бросила ей за шиворот. — Мы видели вас в торговом центре.

Джош огляделся: может, искал меня. Будь я умнее, прокралась бы в дамскую комнату, стала бы видимой и вернулась. Но я осталась.

— Это ее сумка. Мэдисон будет завтра фотографировать, и ей нужна была новая карта памяти. — Джош забрал сумку. — Дайте ей шанс. Она вам понравится.

— Сомневаюсь, — сухо заметила Эми и взяла принесенный Паркером кофе со льдом. — Откуда она такая? С Укромного Озера? Хотя откуда озера в этих трущобах для середняков?!

Я стиснула зубы и быстренько выдернула еще пучок нитей, чтобы не стать видимой.

— Шикарно, Эми, — огрызнулся Джош.

Я взглянула на Паркера. Он ведь жил на той же улице, что и я. Но он молча уставился в пол.

Эми сидела теперь вполоборота, забравшись с ногами на сиденье, и строила из себя этакую скромницу.

— Кажется, Джош втюрился в свою новую подружку. Господи, да ты ее волосы видел?! Какой отстой!

Джош, не поднимая глаз, медленно выдохнул. Не будь я и без того мертвой, умерла бы прямо сейчас. Тронула волосы и поклялась на следующей неделе выкрасить прядку в зеленый. Грейс рядом со мной уже начала кипятиться, у нее чуть искры из глаз не сыпались.

— Я же говорила, тебе так лучше. — Эми сняла с Джоша очки, положила на стол и мимоходом заметила: — Она чокнутая стерва. — Меня поразило, как небрежно она бросается такими словами. — Сам сказал. И зачем ты тусуешься с этой СДД?

Звучало безобидно, но я-то знала сленг: самая дурацкая девчонка. Отлично.

Джош поднял глаза, он явно был задет.

— Я это говорил, когда еще не знал ее, понятно? — громко отчеканил он. — Тебе-то какое дело, а? Все бесишься, что я тебя в прошлом году отшил?

Лен захохотал и протянул руку — «дай пять» — Паркеру.

— Прямо перед балом! — заржал он и отправил в рот сразу три ломтика картошки. — Была б у меня тогда камера — стал бы теперь миллионером!

Я удивилась. Ого-го. Он отшил Эми и пригласил меня? Немудрено, что она меня ненавидит. Глаза Эми сузились:

— Ой, бога ради! Да она такая отстойная, что даже готам не нужна. Тяжелый случай.

Лен подался вперед, положив ладони на стол, и серьезно сказал:

— Эми права. Найдешь и получше. Ты же выпускник.

Тяжелый случай? Найдет и получше? Чувства бешено мчались по кругу, я сжала зубы, чтобы не закричать от ярости. Надо было уйти. Уйти и не слушать.

Крылья Грейс трепетали с напряженным гудением, я услышала ее голос:

На озере Пауэлл барышня

Все время ругалась по-страшному.

Язычок ее бойкий

Был грязнее помойки.

А потом я взяла и стукнула ее об стену!

Я в тоске сползла на сиденье соседней кабинки. По-прежнему обрывала нити и оставалась невидимой.

— Не в рифму, — прошептала я, глотая слезы. Ладно, не буду же я реветь из-за того, что болтает какая-то там Эми.

— Может, и не в рифму, — ядовито отозвалась Грейс, — но так оно и случится.

— Отделайся от нее, чувак, — сказал Лен, — а то будет весь год на тебе виснуть.

— А вам не приходило в голову, что я сам хочу с ней весь год общаться? — со злостью выпалил Джош. — Да с ней гораздо лучше, она по крайней мере не боится чужого мнения, а вы даже шмотки не можете выбрать без постороннего совета. И это, кстати, ее стакан.

— Ты привел ее сюда?! Поверить не могу! — воскликнула Эми. — Это же наше место!

Я приободрилась. А Джош сказал:

— Лучше идите, если не хотите ее видеть. Придется проявить вежливость, а улыбка, наверное, испортит твое прекрасное личико, Эми.

Мне сразу стало лучше. Я тихонько подняла голову и выглянула из-за спинки сиденья. Джош был весь красный от злости. Лен колебался, а Паркер смущенно ковырял свой кофе со льдом. Эми быстро пнула Лена, чтобы он встал и освободил ей дорогу.

— Потом поговорим, — бросил напоследок Лен, и они с Эми пошли прочь.

Паркер тоже поднялся, искоса взглянув на Джоша. Эми насмешливо крикнула от двери:

— Пока, Джош!

Пока Паркер шел за Леном к выходу, лицо у меня наверняка было жуткое. Джош выдохнул и прошептал:

— Прости, Мэдисон. Ты еще здесь? Они просто ничтожества. Не слушай их. Я говорил все это, когда еще не знал тебя. Я идиот. Вернись, пожалуйста. Прости. Я... мне нравятся твои волосы.

Я перелезла через спинку и, опустошенная, сползла на сиденье. Оно было еще теплое от Эми. Фу. Я сосредоточилась на амулете, подождала минуту, пока линии снова потянутся к настоящему, фиолетовые нити от камня ко мне, привязывая меня к недавнему прошлому. Когда я стала видимой, Джош хотел поймать мой взгляд, но я была не в силах поднять глаза. Хранительница, похоже, расслабилась, уселась на лампочку, и ее легкое сияние затерялось в электрическом свете.

— А как же знай сверчок свой шесток? — пробормотала я.

Джош смущенно поерзал на стуле.

— Они идиоты, — он подвинул ко мне свой стакан. — Мне и правда жаль. Не стоило тогда говорить все это. Я же не знал тебя.

Я теребила соломинку, но поднять глаза так и не решалась.

— Они твои друзья.

— Не то чтобы, — Джош пожал плечами. — Эми уверена, что ее пот не воняет. Лен — здоровяк, которому я в третьем классе дал сдачи, и с тех пор у нас такое странное перемирие, чтобы ему не пришло в голову взять реванш. Паркер... думаю, они не прогоняют его, чтобы было над кем поиздеваться, только и всего, а он так хочет остаться в компании, что и на все согласен.

Я глотнула содовой и вздрогнула, когда ледяная жидкость просочилась внутрь. Если с этими-то красавцами Джош общается, немудрено, что я ему нравлюсь. Мне уже стало лучше — особенно когда с парковки донесся приглушенный вопль, и я увидела, как Эми отступает от машины Лена, прижимая ладонь к лицу. Она орала что-то про свой нос. Туманное сияние

рядом со мной хихикнуло.

— Спасибо, — застенчиво сказала я Джошу, — ну, что вступился за меня.

Он улыбнулся так, что у меня зашлось сердце, и сказал:

— Да ладно, забудь, — и снова принялся за картошку.

Не забуду. Никогда.

Джош надел очки, и взгляд его голубых глаз встретился с моим.

— Ты умеешь превращаться в невидимку.

— Ага-а-а, — удовлетворенно протянула я. Откинулась назад, вытянула руки и постучала кулаками по столу. Трудно расстраиваться из-за каких-то там ничтожеств, когда умеешь становиться невидимой. — У Кайроса нет шансов. Нам всего-то нужно найти тихое местечко. Ты будешь держаться поодаль, чтобы черные крылья не почували. А когда появится Кайрос, а я стану невидимкой и стащу его амулет. — Я улыбнулась. — Потом мы быстро-быстро убежим, и он не вернется, пока не сделает новый амулет. Джош рассмеялся, и мне стало совсем хорошо. Он наконец-то расправился с картошкой и взглянул на часы. На них было больше кнопок, чем у калькулятора.

— Так мы это сделаем?

Я взглянула в окно на удлиняющиеся тени:

— Угу. Только не здесь. Знаешь какую-нибудь укромную улочку или скверик?

— М-м-м, Роувудский парк?

Грейс зажужжала громче, взлетела с лампочки и зависла в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Мэдисон, я всего-навсего ангел первой сферы, не мне указывать, но не надо. Не становись больше невидимой. Дождись Барнабаса. Ну пожалуйста. Я предчувствую опасность.

Я отогнала ее ладонью и сказала:

— Не могу я дожидаться Барнабаса. К тому же, если меня не видишь ты, значит, и Кайрос не сумеет. Как поймать то, чего не видишь?

— А другое, Мэдисон? — обеспокоенно спросила Грейс. — Есть ведь и другое. Если я тебя не вижу, может, что-то иное видит.

Мерзкая мысль. Я задумалась.

— Что она сказала? — Джош старался уследить за Грейс по моему взгляду.

Я деланно вздохнула, чтобы преуменьшить в его глазах опасения хранильницы.

— Не хочет, чтобы я становилась невидимой, потому что она меня не видит. Думает, это опасно.

У меня в голове тут же раздался возмущенный звон:

— Это не потому, что я тебя не вижу. Что-то иное может увидеть тебя.

— Все вполне безопасно, — возразила я. — К тому же, если мы не встретимся с Кайросом сейчас, что будет ночью? Вряд ли мы сможем остаться у меня. Папа, конечно, классный, но скажи я, что нам нужно быть вместе, под прикрытием моего ангела-хранителя, это не прокатит. Лично я лучше встречу с Кайросом сейчас, чем с папой после комендантского часа.

Джош ухмыльнулся:

— Мне тоже не очень-то нужны неприятности.

Я огорченно глотнула содовой. Если я не появлюсь дома к ужину, домашний арест на месяц гарантирован — в лучшем случае. Но если мы ничего не придумаем, Джошу эту ночь

не пережить.

— Я слишком часто возвращалась после комендантского часа, потому меня и сослали сюда, — тихо, почти про себя сказала я. — Да и что нам это даст? Наступит утро, нас поймают, тебя уволочут на другой конец города, а меня запрут в комнате. В общем, хорошего мало. Нет, мы встретимся с ним сейчас, пока у нас есть выбор — когда и где.

— Нет, Мэдисон, — возразила Грейс и так быстро замахала крыльями, что даже Джош, наверное, увидел, как они сверкают. — Подожди, пока вернутся Рон или Барнабас. Лучше тогда.

Я вспыхнула:

— Будь хоть один из них здесь, мне вообще не пришлось бы этого делать! То-то и оно!

— Но, по-моему, это неправильно, — Грейс потихоньку сдавала позиции. — Я должна слышать, как поет твоя душа, даже когда ты невидимая, а я ничего не слышу! Пожалуйста, не надо.

— Или мы решаемся сейчас, — сказала я, надеясь, что Джош улавливает суть, — или нарушаем все правила и выигрываем время, но только до тех пор, пока нас не поймают родители. Не хочу рисковать жизнью Джоша, надеюсь, что Рон успеет вернуться. И незачем нам дожидаться Барнабаса, разве что ты останешься с Джошем на ночь.

Я замерла, а Джош поднял на меня удивленный взгляд.

— Ой, а это неплохая идея! — Я подалась к столу, когда Грейс чуть отлетела назад. — Мой ангел-хранитель может остаться с тобой на ночь. Ты будешь в безопасности, и мы оба обойдемся без лишних проблем.

— Э-э... — Забавный звук, особенно когда слышишь такое от светового шара. — Нет. Мне приказали следить за тобой. Сам Рон велел мне охранять тебя. От всяких опасностей.

— Ну что ж, если ты не останешься с Джошем, я сама найду Кайроса и вляпаюсь в самую главную опасность.

Джош заговорщически склонился над столом:

— Что она говорит?

Я с улыбкой постучала ногтями по столу. Целый день Грейс распевала лимерики у меня под носом, а мне и в голову не пришла эта гениальная мысль:

— Если мой ангел-хранитель останется с тобой, ты будешь в безопасности. Она скроет твою ауру, как сейчас мою.

— А ты?

Грейс взволнованно летала туда-сюда.

— Со мной все будет хорошо, — уверенно ответила я. — Кайрос не знает новый резонанс моего амулета. Не знает, где я живу. Им меня не найти, пока не отыщут тебя. А если отыщут, то я просто стану невидимой. — Я повернулась к сияющему шару: — Вот видишь, в моих же интересах, чтобы ты отправилась с Джошем.

— Нет, — твердо возразила она. — Так дело не пойдет. Мне велено оставаться с тобой.

— А я велю тебе пойти с ним! — воскликнула я и тут же понизила голос, когда в дверях показались трое тощих парней со скейтбордами под мышками.

Мерцающий шар подлетел к самому моему лицу, и я отпрянула.

— Послушай-ка, хозяйюшка, — резко сказала Грейс, — не твое дело мне указывать. Рон дал мне задание, а ты, крошка, ну никак не он.

Я разочарованно подалась вперед, отесняя хранительницу.

— Марш с ним, Грейс, — отчеканила я. — Сейчас же. Пока я не дам тебе другой

приказ. Иначе я стану невидимой и сегодня же сделаю то, что собиралась.

— Грейс? — прошептала хранительница, и ее сияние чуть потускнело. — Ты дала мне имя?

Джошу, похоже, было не очень уютно. Ясное дело, он ведь не видел ее, и могло показаться, что я ору на него. Сжав губы, я пристально смотрела на сияние над столом. И уже чуть было не ткнула пальцем в упрямую хранительницу:

— Грейс...

— Я пойду с ним, — она на мгновение ярко вспыхнула, а голос прозвучал так тихо и покорно, что я мигом растеряла все слова от неожиданности. — Мэдисон, — продолжала она, — я буду просто в бешенстве, если из-за тебя вляпаюсь в историю! Я раньше не бывала ангелом-хранителем. Ты — мое первое задание, и если я его провалю, придется снова заняться групповой психотерапией для живых.

Я глядела, как Грейс подвинулась на ладонь ближе к Джошу.

— Я останусь с ним, — ее голос струился в моем сознании, словно жидкий.

Джош тревожно вглядывался в мое удивленное лицо.

— Что случилось?

Я выпрямилась, по-прежнему озадаченная.

— Ну, она останется с тобой.

Джош облегченно вздохнул и сказал:

— Значит... подождем?

Я кивнула, к немалому облегчению Грейс.

— Но только до завтра, — добавила я, и она фыркнула, если оранжевые искры, которые разлетелись от шара, что-то значили. — Если Барнабас или Рон не появятся к утру, я вызову Кайроса. И заберу его амулет.

— Раз, два — и готово, — со смехом добавил Джош. — Отлично. У нас есть еще немного времени, давай-ка придумаем план получше. Знаешь что? Я завтра заеду, вроде как подвезти тебя на праздник, а вместо этого отправимся в Роузвудский парк и разберемся с Кайросом. И тогда твой ангел к тебе вернется.

— Вот это уже похоже на план, — я наблюдала за Грейс, которая издавала странные звуки. Похоже, она огорчена и недовольна, и к тому же явно что-то замышляет. Не люблю обманывать, но что я иначе скажу папе? Привет, пап. Злой дядя Время собирается убить Джоша. Волноваться нечего, я хочу опять стащить штуковину, которая дает ему силы. Вернусь к обеду. Чмок-чмок!

— Тогда я отвезу тебя домой, — Джош поднялся и начал собираться. — У тебя есть номер моего мобильного?

— Нет, — отстраненно ответила я, думая о том, что сейчас произошло. Я дала хранительнице приказ, и она взялась его исполнить. От полного неповиновения к согласию. Я вздрогнула, допивая последние глотки газировки.

Я командую ангелами. Ох, не к добру это.

Небо голубое, дует легкий ветерок, погода просто сказочная. Прекрасный день. Вернее, будет прекрасный, если я проберусь домой до того, как проснется папа.

Уже рассвело, за несколько улиц отсюда уже приглушенно гудели утренние машины. Я тихонько прислонила велосипед к стене гаража и, прищурившись, взглянула на часы. Шесть сорок. Папа любил поспать по субботам, но мне меньше чем через час уходить, так что он, наверное, уже встал. Стоило вернуться пораньше, но довериться Грейс и уехать с улицы Джоша оказалось трудновато — особенно когда я заметила вдалеке черное крыло.

Мы с Джошем договорились всю ночь писать друг другу смс-ки, и когда после двух часов он перестал отвечать, я выскользнула проверить, все ли с ним в порядке. Он-то спал, а у меня все мышцы затекли, одежда промокла от росы, и на горизонте маячила угроза домашнего ареста.

По ночам я либо сидела в Интернете, либо успешно долбилась головой о стену — то есть занималась на крыше в компании Барнабаса, — но навыки, развитые еще во Флориде, не оставались надолго без применения. По крайней мере раз в неделю я смывалась из дома и блуждала в темноте, притворяясь, что могу сбежать и от Барнабаса, и от скуки.

Поэтому когда Джош перестал писать, выбраться наружу не составило труда. Черные крылья у его дома не кружили, но взять и уехать я так и не решилась. Вот и просидела до утра за деревом, болтая с Грейс и стараясь не чувствовать себя таким сталкером. Мне не нравилось убегать из дома и врать папе, но выбор был небогатый.

На меня залаял соседский пес, но я потянулась за угощением, которое всю последнюю неделю приберегала за фонарем. Вот она, цена молчания золотистого ретривера. Увидев, что пес радостно виляет хвостом, я осторожно наступила на серебристый мусорный бак — сама же после того, как уехал мусоровоз, поставила его точь-в-точь туда, куда мне было нужно. Одной рукой ухватилась за подоконник гаража, другой — за край низкой крыши, оперлась ногой об оконную раму, перебросила вторую ногу наверх и наконец приземлилась на живот на крыше. Уселась, довольная собой, и отряхнула комочки смолы. Собака, вывалив язык, просила добавки.

— Все-таки получилось, — с улыбкой прошептала я. За такие фокусы меня и сослали сюда, к папе. Либо так, сказала мама, либо она поставит на окна решетки.

Я пригнулась и по-крабьи пробралась к коньку гаражной крыши, не обращая внимания на бесцельно кружившее на горизонте черное крыло. Потом заглянула через край крыши и обнаружила, что миссис Волш в бигуди сидит за кухонным столом и читает газету.

— Вот ты где, старая летучая мышь, — снова шепотом.

Бьюсь об заклад, меня-то она и поджидала, не терпелось ей хоть на чем-нибудь меня подловить. Она напоминала мне ту докучную женщину средних лет — мама заставляла меня любезничать с ней за обедом, надеясь заполучить деньги на затею, которую тогда поддерживала. Впрочем, я немножко скучала по официальным чаепитиям и неизбежно предвзвешивая их битвам из-за моего очередного цвета волос или временной татушки, которую я старательно шлепала так, чтобы она торчала из-под цивильных девчачьих шмоток. Было очень забавно смотреть на маму — само очарование — в лучшем наряде и знать, что она с удовольствием задушила бы эту ограниченную скрягу. Может, я больше похожа на маму, чем мне казалось?

Губы мои изогнулись в улыбке, пока я лежала на крыше и думала о маме. Я говорила с ней прошлым вечером, она позвонила узнать, как я — ее чутье на неприятности работало даже из Флориды. Не знаю, как это у нее выходит, честно.

Я повернулась на бок, сунула руку в карман и вытащила телефон. С легким волнением поймала смс-ку от Джоша. Он проснулся — это я и так знала: слышала, как сработал его будильник, — и приедет приблизительно через полчаса. Я отослала «увидимся» и нажала горячую клавишу номер три. Несколько секунд спустя раздался еле слышный звонок, миссис Волш поднялась и исчезла в глубине дома. Я усмехнулась.

В тот миг, когда женщина повернулась ко мне спиной, я закрыла телефон. Мурлыча мелодию из «Миссия невыполнима», поднялась на ноги, сползла по другой стороне крыши и легко перескочила на крышу дома как раз над моей комнатой. Быстренько сняла с окна москитную сетку и опустила на ковер. Присев на подоконник, стащила ботинки и спрыгнула внутрь. Не оставлять же мокрые следы на полу, так и попасться недолго. Я уже знаю, что неблизкий путь с полуночной прогулки по флоридскому пляжу и песок на моем коврике стоят неделю домашнего ареста.

До меня донеслись запах кофе и знакомый плеск — папа принимал душ, — и улыбка погасла.

— Отлично, — прошептала я, не зная, проверял ли он перед душем, проснулась я или нет. Я уже на собственном опыте изучила, что подушки под одеялом не помогают, и оставила постель незастеленной — надеялась, папа решит, что я у себя в ванной. Дрожащими от волнения руками вернула москитную сетку на место. Нужно было ложиться на Грейс и уехать раньше.

Я торопливо расстелила одеяло и побросала на кровать подушки, которые прошлой ночью спихнула на пол. Ненавижу поздно возвращаться домой. Я тогда становлюсь неряхой. Думаю, папа позвонил бы, засеки он, что меня нет. Но, может, он сначала хочет посмотреть, как далеко я могу зайти в своем вранье, а потом уж вывести меня на чистую воду. С папой, конечно, легче ладить, чем с мамой, но и у него бывают заскоки. Кажется, именно тогда, когда и у меня. С зеркала мне улыбалась мамина фотография, и я повернула ее лицом к стеклу. Быстро скинула вчерашние штотки и запрыгнула под душ, чтобы прогнать остатки ночного холода. Сегодня мне нужно заполучить новый амулет Кайроса. И некогда дожидаться, пока Барнабас или Рон придут на помощь. Методом исключения Кайрос вычислит Джоша или меня — это вопрос времени. А еще одну ночь вроде этой я не вынесу. Не знаю, как Барнабасу или Грейс такое удастся, правда.

Быстренько поплескавшись, я, освеженная, вытерлась и наскоро оделась. Натянула желтые колготки, чтобы спрятать никак не желающую сходить отметину от того коврика в лодке, короткую пурпурную юбку и кофточку под цвет поверх черной майки. Кроссовки пока не высохли, но я протерла подошвы и обулась, морщась от сырости и гадая, заметит ли папа. Тут уж без вариантов. Кроссовки подходили к наряду просто идеально. И если Эми они не нравятся, пусть подавится моим «я». Такая уж я есть, и просто устала вечно под кого-то подстраиваться. Кроме того, Джошу нравятся мои волосы.

Вся такая щеголиха, я потянулась и достала с кровати фотик. До приезда Джоша оставалось минут пять. Как раз успею отправить картинку Венди. Вчера вечером она прислала мне фотку — они с моим бывшим парнем на пляже, в закатном сиянии. Они хорошо смотрелись вместе, и, справившись с бешенством, я поняла, что пора бы уже освободиться. Я все цеплялась за прежнюю жизнь, но так больше нельзя. Это пройденный

этап. Я отправляла письма в прошлое, надеясь превратить его в будущее, а ведь мое истинное будущее совсем не там. Но это вовсе не значит, что Венди не сойдет с ума от зависти при виде моих желтых колготок.

Я выпрямилась, разгладила складки на юбке. Хорошо бы день и впрямь был таким погожим, как сулило небо. Приняла боевую позу и передвинула руку, пока вся не оказалась в объективе, отразившись в зеркале над туалетным столиком. И тут же раздраженно опустила фотик. В кадр попадала кровать, а она по-прежнему пребывала в старательно организованном беспорядке.

Быстро поправив ее, я посадила плюшевого медвежонка-вампира — подарок Венди — на почетное место между кружевными подушками, которые, по мнению папы, должны были мне понравиться. Эта комната не имела ничего общего с темной пещерой, в которой я обитала у мамы. Белый туалетный столик с розовыми бутончиками не очень-то в моем духе. И старомодное одеяло, и куча кружевных подушек, которые я каждую ночь скидывала с кровати, стараясь убедить папу, что спала. Впрочем, бледно-розовые стены казались уютными и здорово подходили к кремовому ковру. Папа, отметила я неприятную очевидность, забыл, что мне уже не шесть и насовал в комнату кучу бело-розовых девчачьих вещичек в рюшечках, от которых я давно бегу, как от огня.

Я укладывала подушки и вдруг приостановилась. Ведь до нашего с мамой отъезда у меня была почти точь-в-точь такая же комната. Это примерно как с кухней или гостиной, полных напоминаниями о маме. Папа, как и я, не расставался с прошлым.

Я снова взялась за фотик и погрузилась в воспоминания. Не видеть Венди каждый день было тяжело. Мы знали друг друга с пятого класса, и теперь мне казалось, что именно благодаря ей я не стала как все крутые. Она еще почудаковатее меня, но я не бросила ее, когда меня все-таки пустили в тусовку, а наоборот, старалась затащить с собой. Венди с ее экологически чистыми обедами и вечно орущей музыкой с политическими текстами просто тихо держалась подле меня. Знала, что я совершаю ошибку, но была настолько уверена в себе, что ждала, пока я сама это пойму. Найти такого друга среди здешних Эми и Ленов — слабая надежда. Хотя Джош оказался классным парнем.

Раздался щелчок, я опустила руку и заодно убрала с лица улыбочку. Подключила фотик к ноутбуку. Хотя бы он приехал со мной вместе от мамы и был подобающе темный и молчаливый. На рабочем столе монитора висела фотография моей любимой группы рокеров-альтернативщиков. Венди познакомила меня с ними, но, по правде сказать, мне больше нравился их агрессивный звук, чем содержание песен.

Файл загрузился, и я открыла его, чтобы проверить разрешение.

Как ни странно, загар у меня до сих пор не сошел, но я списывала это на отсутствие настоящего тела. А вот пурпурные кончики волос начали выцветать. С тех пор как я умерла, волосы больше не росли, и я гадала, останутся ли они такими насовсем. Я перевела взгляд на свою маленькую грудь и вздохнула. Плохо. Из рук вон плохо. Но потом, нахмурившись, присмотрелась к картинке и встревоженно прошептала:

— Вот черт.

Через меня просвечивала кровать. Я испуганно взглянула на свои руки. Мне они казались вполне материальными, но на картинке все было совсем не так.

— Вот черт... — Я стояла у зеркала, и воспоминание о сердце испуганно билось. Отражение тоже было нормальное, но стоило мне посмотреть на себя в объектив...

— Вот черт! — в третий раз повторила я. Не очень-то заметно, но там, где стояла

кровать, проглядывала неясная тень, и даже можно было различить силуэты подушек.

Этого мне еще не хватало. Джош вот-вот постучится в дверь, а потом увезет меня сражаться с темным жнецом и красть его амулет. Нет у меня времени разбираться, плотная я или бесплотная. Обеспокоенная, я схватилась за амулет, расслабилась и попыталась снова стать призрачной, как вчера, и проверить, что к чему. Может, я порвала слишком много нитей, когда училась превращаться в невидимку? Или разрушила что-то и теперь не сумею восстановить? Грейс ведь говорила мне не делать этого. Но я ничего не выясню, если сейчас же не перестану дрожать!

Время, проведенное с Барнабасом на крыше, наконец-то окупилось: расслабляться я все-таки научилась, и вскоре биение сердца утихло. Я разжала зубы и мысленно нашла туманную линию своей жизни и кружево паутинного шелка, соединяющее ее с Вселенной. И тут же тревога улеглась. Вот они, нити, все так же привязывают меня к настоящему, пока будущее превращается в «сейчас». Мои мысли создавали новые линии очень быстро, как солнце посылает в небо лучи, и подталкивали меня вперед наравне с остальным миром. Ничего я не нарушила.

— Тогда почему я вижу сквозь себя? — прошептала я. Испуг сменился озабоченностью, и я перекачала в ноутбук фотографию своих ботинок. Я снимала их прямо на себе. Прищурившись, я взгляделась в картинку: торчавшие из ботинок щиколотки казались абсолютно нормальными. Я с облегчением отправила оба снимка в корзину и очистила ее. Венди как-нибудь без них обойдется. Никому больше не позволю себя фоткать.

Услышав шум мотора на нашей тихой улочке, я выглянула в окно. И расплылась в улыбке, узнав старенький синий пикап Джоша. Приехал. Ну наконец-то!

Я торопливо выдернула из фотика шнур, схватила кошелек, хлопнула по заднему карману, проверить, там ли телефон, и выскочила в коридор. Пожалуйста, ну пожалуйста-пожалуйста, только бы папа не знал, что я ночью выбиралась из дома. Иначе все может очень быстро и некрасиво кончиться.

— Мэдисон! — донесся приглушенный папин голос. — Джош приехал!

В голосе не было и следа беспокойства, я облегченно выдохнула, крикнула:

— Уже иду! — и бросилась вниз по лестнице. Папа ждал меня у самой входной двери, в обычных джинсах и тонкой рубашке. Он улыбался. Мне опять повезло, но...

— Не забудь принтер, — и папа подал мне небольшую сумку. — Я положил побольше бумаги и чернил. — Продолжал он, пока я виновато закидывала лямку на плечо. — Сможешь снимать, сколько захочешь.

— Ой, пап, — я заглянула в сумку, — сколько, по-твоему, понадобится фотографий?

Я ведь даже туда не поеду. И как потом объяснять, почему все это не пригодилось? Но мне нужно сразиться с Кайросом, одобряет это Грейс или нет. Если она и в самом деле думает, что я в опасности, пусть отправляется за Роном.

— Знаю я тебя, — сказал папа. — Когда ты смотришь в объектив, ничего с собой не можешь поделат. Считай, что это мой вклад в праздник. Цена на вычет. — Его улыбка стала еще шире, и лицо словно засветилось. — Мне нравятся твои фотографии. — Он обнял меня на прощание. — Всем остальным тоже понравятся. Ты сегодня такая хорошенькая. Ты права, пурпурный — твой цвет. — Папа вдруг задумался и взглянул на машину Джоша. — У вас же не будет неприятностей с Барнабасом, правда?

Я едва не споткнулась. Ах, да.

— Пап, я же говорила, мы с Барнабасом просто дружим.

— Друзья постольку вокруг не ошиваются, — предупредил папа.

— Мы просто дружим, — твердо повторила я. — И он это знает. Мы сегодня побудем с Джошем, вот и все. Что тут такого? Если повезет, Барнабас тоже появится, и пойдем на праздник все вместе.

Папа кивнул и положил руку мне на плечо.

— Похоже, у тебя все под контролем, — сказал он. Я поперхнулась, что могло сойти за истерический смех. — Веселись.

— Обязательно. — Я все больше волновалась и все сильнее мучилась угрызениями совести. Даже казалось, что Грейс распевает о девочке, которая все время врала и угодила на сковородку. — Спасибо за принтер и все прочее. — Я такая плохая дочь. Но он ведь, по большому счету, знал, что ему достается, когда мама меня сюда сослала.

Папа проводил меня на крыльцо. Джош вышел из машины и помахал рукой:

— Добрый день, мистер Эй!

Он был в джинсах и футболке, но в кабине валялась спортивная сумка — видно, маскарадный костюм для сегодняшнего представления.

Я огляделась в поисках черных крыльев, торопливо запрыгнула в машину и захлопнула дверцу — хотелось поскорее уехать. Колокольчик сверкал, и я наклонилась к нему, пока пристегивалась.

— Грейс, я нормально выгляжу? — спросила я, вспомнив фотографию. — Не просвечиваю? В смысле, я не прозрачная?

Гудение ее крыльев стало легко различимо.

— Да нет, — хранительница зависла в воздухе передо мной, — а что такое?

Я уже хотела было рассказать ей, но Джош открыл дверцу, и я передумала.

— Потом.

Джош уселся за руль и, захлопывая дверцу, искоса взглянул на меня.

— Совесть мучает? — поддразнил он, видя мое беспокойство.

Я закатила глаза.

— Джош, — я старалась говорить тоном бывалого человека, — знал бы ты, что я вытворяла, когда мама думала, я сплю, у тебя бы волосы стали виться колечками. — Он засмеялся, и я добавила: — Когда я первый раз столкнулась с Кайросом, я умерла. Вот и волнуюсь немножко, ничего?

Не буду говорить, что ночью, когда он заснул, стояла на боевом посту у его дома. У Джоша ведь тоже есть гордость.

Он поглядел через плечо, задним ходом выбрался на улицу. Тихо сказал:

— Извини. — И покатил по направлению к городу, набирая скорость, а я помахала папе, стоявшему на крыльце. Он бы еще покричал что-нибудь вслед, чтобы еще пуще вогнать меня в краску.

— Да, спасибо, что написал утром. На рассвете видела черные крылья на горизонте. А ты?

— Ничего не замечал. — Джош, нахмурившись, поправил очки и свернул в сторону Роузвудского парка. — Я рад этой передышке, но нам обязательно нужно достать амулет Кайроса. Я не могу больше с Грейс.

— Да что ты? — спросила я, а хранительница запыхтела.

— Принимал вечером душ — вдруг кончилась горячая вода. Наверняка из-за нее. Интернет тоже не работал. А брат всю ночь долбил ногой в стену. Мэдисон, я с ней

свихнусь.

С колокольчика донесся звонкий смех.

— Джош собирался бриться без зеркала, и порезался бы, а его брат задумал какую-то пакость, вот я и отключила Интернет. И каждый раз, когда братишка ругался, я заставляла его стучать ногой.

Я посмотрела на золотой туман вокруг мягко покачивающегося колокольчика. Джош бреется? Я сжала зубы, вспомнив падающий светофор. Грейс не прочь навести полный бардак, покажись ей это чуть менее ужасным, чем несчастье, которое она таким образом пыталась предотвратить.

— Ночью ничего не случилось, Грейс, — я решила успокоить ее. — К полудню все уже будет хорошо. — Я подумала о той фотографии, о черных крыльях и глубоко вдохнула, хотя это и не было нужно. — Джош живой-здоровый, а не будь тебя рядом, было бы совсем иначе. Разве не здорово, что все так вышло?

— Н-да-а, — протянула Грейс. Казалось, она слишком довольна собой, чтобы прислушиваться к моим словам.

Мы ехали по тряской дороге, и я взглянула на Джоша.

— Она редкостная зануда, — предупредила я.

— Отлично. Грейс... — Сегодня ему было куда проще разговаривать с воздухом, чем вчера вечером, когда мы расстались. — Неважно, спустится у нас по дороге в парк колесо или нет, нам все равно придется это сделать, только в укромном месте, где никто не пострадает, если что-то пойдет не так, а прямо посреди дороги.

Колокольчик тихонько качнулся.

— Все хорошо, — почти промурлыкала она в ответ.

— Не нравится мне это, — пробормотала я. Чем ближе мы подъезжали к парку и чем больше машин попадалось на пути, тем меньше мне все это нравилось. Некоторые машины притиснулись прямо у обочин. Пары с детьми выбирались наружу, все взвинченные из-за этого столпотворения. Роузвудский парк не такой уж большой. И здесь никогда не бывало особенно людно, даже по субботам.

— Э-э, Мэдисон? — вопросительно промычал Джош, обнаружив себя в хвосте целой вереницы машин. Какой-то фургон втиснулся за нами, и мы попали в ловушку. Джош осторожно двинулся к женщине в кепке с эмблемой школы. Она, судя по всему, управляла движением, и все останавливались переговорить с ней.

Грейс засмеялась, и я поняла, что произошло. Праздник перенесли из парка «Голубой алмаз» сюда. Отлично. Просто великолепно. Теперь ясно, почему она хихикает.

— Грейс! — завопила я, но Джош взглядом попросил меня сидеть тихо. Он уже опускал стекло. У меня нет времени! Мне нужно встретиться с Кайросом и вернуть свою жизнь!

Женщина в кепке вглядывалась в нас, щурясь на солнце.

— Участники или гости?

С колокольчика раздалось:

Раз девчонка решила отчаянно,
Что над ангелом будет начальником.
Но, издавши приказ,
Задрожала тотчас
И потушила глазки печально.

Джош выглянул в окно.

— Участники. Я бегу марафон, а она фотографирует.

Я продемонстрировала фотик, но совесть моя была неспокойна. Я же сюда не снимать приехала, и вот вам пожалуйста.

Женщина оглядела забитую до отказа парковку.

— Поезжайте до самого конца. Участники оставляют машины прямо на траве. Просто держитесь желтых шариков.

— Держитесь желтых шариков! — прозвенела Грейс. Она кружила по кабине, в полном восторге от того, что ей удалось расстроить наш поединок с Кайросом.

Джош кивнул, но не двинулся с места.

— А почему мы не в «Голубом алмазе»?

Женщина подняла брови и воскликнула:

— Ой, так странно вышло! Всю ночь моросил дождь, и теперь там грязи по колено, вот праздник и перенесли сюда. Спасибо вам за участие в нашем празднике. Заходите в наш главный шатер.

Да, скоро выбраться отсюда нам не удастся. Я наклонилась вперед.

— Не подскажите, с кем я могу поговорить, чтобы установить стол и печатать фотографии?

Женщина поправила кепку и призадумалась.

— С мисс Картрайт, наверное, — она взглянула на парк поверх машин. — Она тут за всем следит. Поищите ее в зеленой палатке.

Я кивнула. Мисс Картрайт я в коридорах видела, но не знала, что она преподает.

— Спасибо, — я снова заерзала на сиденье, устраиваясь. Черт побери, Грейс.

Джош потихоньку двинулся вперед и проговорил угрюмо:

— Держитесь желтых шариков.

Грейс пронеслась по кабине:

— Держитесь желтых шариков!

Я вздохнула — фотик давил на грудь — и прошептала:

— Грейс, ты вредительница.

— Пара пустяков, — самодовольно заявила та. Видно, я была прощена — она уселась мне на плечо, от дрожи ее крыльев у меня звенело в ушах.

Джош обвел взглядом припаркованные машины и вздохнул:

— Сражаться с Кайросом здесь нельзя.

Грейс хихикнула, и я поморщилась:

— Нет. Но и уехать, кажется, тоже. Грейс сказала с моего плеча: — Попробуй, тут же получишь спущенное колесо, Джошуа.

Джошуа? Вот это да!

— Не пытайся сбежать, — сказала я, когда мы подъехали к въезду. — А то колесо спустится. Мисс Лимерик не хочет, чтобы мы влипли в беду.

Вот щенячья радость на ковре. Может, уйти отсюда пешком? Не станет же Грейс ломать нам ноги, а?

— Лимерик? — удивился Джош, и я покачала головой:

— Тебе это ни к чему, поверь.

Н-да, Грейс так хохочет всю дорогу, недолго и сломать что-нибудь.

Джош сосредоточился на парковке, а я схватилась за ручку дверцы, мы свернули на траву и запрыгали по неровным колеям, проехали мимо длинного ряда машин до самого конца, пока не остановились в тени раскидистого дуба. Мы закрыли дверцы — словно эхо раздалось, ведь все вокруг тоже вылезали из машин и хлопали дверцами. Джош взял свою сумку, я накинула ляжку фотика на плечо. Под деревом было прохладно и свежо, чувствовалось всеобщее оживление, пока люди из тесных машин перебирались на открытый простор. После жуткой длинной ночи у дома Джоша я ко всем радостям обнаружила, что стала вроде как прозрачной, и теперь сомневалась, надо ли так скоро превращаться в невидимку. Встречу с Кайросом можно отложить на пару часов. Сделать пару снимков. Не быть такой уж лгуньей.

— Грейс, останься с Джошем. Пожалуйста, — запоздало добавила я, заметив, какой резкий оттенок приняло сияние шара. — Не побегу же я рядом с ним марафон!

Крылья хранильницы померкли, стали почти прозрачными, и раздалось мягкое «ладно уж».

В ее кротость я не верила, и мы неторопливо пошли между машинами к полю. На полпути я вскинула фотик и щелкнула малыша, который благоговейно трогал за нос клоуна. Я посмотрела, что получилось, и улыбнулась. Сверкающее голубое небо, безупречная застывшая маска клоуна. Яркая и четкая.

— В такой день здорово бегать, — проговорил Джош.

Я кивнула, чувствуя, как воздух наполняет легкие.

— Думаю, можно остаться ненадолго. — Мне совсем не хотелось, чтобы при попытке к бегству на меня упал метеор.

— Я обещал пробежать пару кругов. Иначе мне не собрать деньги.

Я видела, как ему хочется побегать, и подтянула сумку на плече. Обещание, данное папе, добавляло ей веса. Кайрос подождет пару часов, пока Грейс приглядывает за Джошем.

— Ну, увидимся около полудня? — Я уже протискивалась к зеленой палатке.

Джош улыбнулся, солнце сияло у него в волосах:

— Следи внимательнее за Эми.

Я усмехнулась. Не так-то просто сделать хороший снимок, тут нужно мастерство. Сделать плохой еще сложнее.

— Уж будь уверен.

Он кивнул и развернулся. Я помедлила мгновение — убедиться, что Грейс отправилась с ним, — и пошла к зеленой палатке и мисс Картрайт.

Ветер трепал пурпурные кончики моих волос прямо перед объективом, — пришлось подождать, пока изображение очистится. Я медленно следовала взглядом за бегущим по полю Джошем и, когда он повернул и мне стало видно его лицо, приблизила изображение. Он сделал вдох, я тут же щелкнула и опустила фотик, посмотреть, что получилось.

И не сумела сдержать улыбки. Усталый, но не изможденный, глаза сузились, рот раскрыт. Волосы прилипли к потному лбу. За ним виднелись яркие размытые силуэты других бегунов. А на фоне можно было различить мерцающий шарик света — любой сказал бы — дефект камеры, но я-то знала, что это Грейс. Джош будет рад заполучить свидетельство ее существования.

Судя по шуму шагов, бегун приближался, и я оторвалась от объектива.

— Здорово держисься! — крикнула я, и Джош махнул рукой в ответ. Он был вовсе не такой усталый, как на фотографии. Это все-таки не забег на время. Просто кто-то из команды обязательно должен оставаться на поле — что-то вроде марафона на целый день. По краю поля бежала — гораздо медленнее — группка спортсменов. Тоже своего рода светский раут: я слышала, как за быстрой ходьбой болтают о детях дамы — за каждый заход они зарабатывали по доллару на новый школьный автобус для поездок по всяким мероприятиям.

Я подняла фотик и щелкнула смеющуюся женщину — поймала ее образ в счастливое мгновение. На снимке были хорошо видны бейджики участников, и я надумала показать его мисс Картрайт — может, эти фотографии пригодятся для агиткампании на следующий год.

Повернувшись, я заметила команду школьных бегуний: они растянулись в тени березы. На траве были разбросаны яркие спортивные сумки, и я сделала несколько снимков, убедившись, что Эми выглядит не лучшим образом. Я увеличила изображение и поймала в фокус повязку на ее багрово-синем, распушем — за что спасибо Грейс — носу. И со злорадной усмешкой щелкнула Эми, когда она открывала рот.

— Никогда не серди фотографа! — прошептала я, радуясь, что подловила ее в очень даже неловкой и вовсе неизящной позе.

Я снимала уже почти три часа и начала уставать, хотя мои давно не тренированные фотографические мышцы работали с наслаждением. Купленная вчера карта оказалась просто находкой. Я уже один раз забила ее до отказа, перекачала все в принтер, очистила и пустилась на поиски новых подходящих сюжетов.

— Вроде этого, — шепнула я, увидев мужчину, который прижимал к себе ребенка. Он указывал на кого-то в поле, а девочка — судя по бантику и оборочкам — следила за его взглядом. Лицо мужчины светилось, когда он разговаривал с малышкой. Позади них стояла коляска с огромной упаковкой подгузников в поддоне и гроздьями игрушек, привязанных к передней перекладине.

Я щелкнула коляску — забавно, что такому крошечному существу нужно столько вещей, — потом сосредоточилась на отце и дочурке: дождалась, пока та узнала, на кого же показывал ей папа, и восторженно загукала. Я щелкнула, мужчина обернулся на вспышку.

Улыбаясь, я проверила, виден ли бейджик, который дала мне мисс Картрайт.

— Фотографирую в поддержку школы, — в энный раз за сегодняшний день повторила я. — Хотите, напечатаю для вас снимки? Они будут готовы в течение часа.

Его подозрительность сменилась восхищением, когда я показала ему снимки на фотике.

— Я даже не знал, что вы здесь, — сказал он, покачивая девочку. — Замечательно. Сколько стоит? — Он передвинул малышку, чтобы дотянуться до заднего кармана, но я замахала рукой и объяснила:

— Вообще мы берем по доллару, но заплатите потом, когда увидите снимки. Это в зеленой палатке.

За моей спиной раздались и снова стали удаляться быстрые шаги, девочка заерзала, чтобы через мое плечо усмотреть бегунов.

— Я подойду, — мужчина поднял ее повыше, взглянул на счастливую дочурку и заворковал: — Мамочке понравится наша фотография. — Он повернулся ко мне, и его глаза по-прежнему светились любовью к девочке. — Спасибо вам. Я вечно забываю фотоаппарат на такие сборища. Памперсы, бутылочки, игрушки, одеяльце — все с собой, а вот фотик...

Я кивнула, дала ему талончик, помахала агукающей девочке и пошла дальше. Было здорово наконец заняться делом, а не хандрить в своей комнате, словно в тюрьме, и скучать по старым друзьям. Вчера мы хорошо посидели с Джошем в «НЗ», несмотря на болтовню Эми и маячащие на горизонте неприятности с Кайросом. Я уже и забыла, как славно быть с кем-то, без страха оставаться той, кто я есть на самом деле. Сегодня солнышко пригревало, а воздух хранил прохладу, и я усердно тратила папины деньги на чернила и бумагу. Куда уж лучше.

От ближайших деревьев долетел голос Эми:

— Приве-е-ет, Джош! — она пыталась привлечь его внимание, поскольку он пробежал мимо. Теперь с ним бежал Паркер, они, похоже, разговаривали. Я пошла было щелкнуть их, но на экране высветилась надпись: «Карта заполнена».

— Вот елки, — вздохнула я и потопала к палатке, где стоял мой стол. Мисс Картрайт оказалась очень милой, не тарасилась на мои пурпурные волосы и сережки с черепами и костями, а просто выделила мне столик, чтобы я могла напечатать фотки.

— Мэдисон! Моя фотография готова? — раздался усталый, подобающий почтенной даме голос, и я увидела изнуренную женщину с тремя чумазыми мальчишками. Она уже устала от праздника и готова была объявить детям, что на сегодня хватит. Ее поджидала отличная фотография: она с мальчиками на карусели, еще до того, как ребята успели совсем ее замучить и перепачкаться сладкой ватой. Карусель сверкала на солнце золотом, в тон их волосам, а прямые прутья приятно контрастировали с кудрявыми гривами ярко разрисованных лошадок. Когда мама с сыновьями сидели вот так, рядышком, сходство между ними, почти не менявшееся независимо от возраста, было поразительным. Я напечатала второй экземпляр для себя, так мне понравился этот снимок.

— Готова, — ответила я и указала на палатку, но женщина уже разнимала младших, которые никак не могли поделить выигранную золотую рыбку.

— Сейчас подойду, — бросила она и, повысив голос, сказала малышам, что они погубят рыбку, если будут так ее трепать.

Никто даже не заметил, как я проскользнула в палатку и пробралась на свое место. Тень принесла долгожданное облегчение, я протиснулась за длинный стол и уселась на стул. Ого! Довольно много фотографий уже разошлись, даже те, которые, как я думала, никому не понравятся. Я радостно подключила фотик к принтеру и нажала «печатать все». Приятно, что мои усилия оценили.

фотографии начали выползать одна за другой, а я раскладывала их на столе, чтобы

каждый без труда мог найти свою. На меня упала чья-то тень, я подняла глаза. Мисс Картрайт сказала восхищенно:

— Ой, мне вот эта нравится, — она потянулась за фотографией, упавшей в ящик, и добавила: — Говард — мой брат. Я бы подарила ему такую на день рождения. Просто замечательная.

Я взглянула на фотографию мужчины: весь мокрый, между делом перекидываясь с кем-то парой слов, он подпрыгнул к самой баскетбольной корзине. Мяч, судя по размытому очертанию, летел прямо в цель. Что произойдет дальше, было очевидно.

— Правда? — Я была страшно довольна. — Спасибо, — добавила я и передала ей снимок.

Мисс Картрайт улыбнулась, с любовью взглянув на него усталыми зелеными глазами.

— Нет, это тебе спасибо. Его непросто так поймать, — и она заправила за ухо длинную прядь, выбившуюся из густого хвоста. — А как здорово получился Марк. — Сказала она, когда из принтера появилась фотография мужчины с маленькой дочкой. — У него своя автомойка. И ему не так-то часто удается побыть с Джем. — Пальцы мисс Картрайт скользили по карточкам, лицо прояснилось. — А миссис Хоул... Вот так размер ноги. Неудивительно, что она не забрала фотографию. Ножищи прямо на переднем плане.

Я смущенно заерзала, но узнать немного о людях, у которых похищала кусочки жизнью, было интересно. Как будто я тоже имею ко всему этому какое-то отношение. Может, поэтому я сегодня так старалась запечатлеть чужую жизнь? Ведь моя, в сущности, остановилась, а мир двигается дальше. Без меня. Круг за кругом, как сменяют друг друга времена года.

Я поднесла фотографию ближе и прищурилась, рассматривая ее в солнечном свете. Я словно видела мерцание вокруг женщины. Ее аура? Уф-ф-ф...

— Мне показалось, пурпурные шарики здорово смотрятся с ее подошвами, — я попыталась объяснить, чем меня так привлек вид миссис Хоул сзади. Здорово?! Мне показалось, что это здорово? Какая же я идиотка!

— Так и есть, — мисс Картрайт улыбнулась, взглянув на фотографию какого-то фургона. Сквозь открытые задние дверцы было, что он до отказа забит недоставленными газетами. — Ты здорово строишь композицию. Видишь самое важное. То, что мы теряем, если не успеваем остановиться и оглядеться.

Еще одна фотография вылезла из принтера, и я положила ее на стол.

— Спасибо. Я ходила в фотоклуб в старой школе и, кажется, чему-то научилась, хотя сама не подозревала.

Мисс Картрайт заинтересованно ойкнула и сказала:

— Тебя нет в списке моего класса. А почему? Ты способная.

Так она преподает фотографию?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, не знаю. — Я вдруг разволновалась.

Мисс Картрайт положила фотографию миссис Хоул на стол:

— Ох-х, так ты из тех, да? — Я недоуменно уставилась на нее. — Не хочешь, чтобы тебя считали на чем-нибудь двинутой, поэтому красишь волосы в пурпурный и избегаешь любых поводов проявить свой ум.

— Нет, — быстро возразила я, но она лишь покачала головой, словно говоря «знаю-знаю». — Фотоклуб не намного лучше шахматного.

Мисс Картрайт рассмеялась и взяла следующий снимок. По-моему, фотоклуб несколько не помог мне в битве за крутизну в старой школе. Да и здесь вряд ли поможет. И зачем мне вообще гнаться за толпой крутых?

— Подумай, Мэдисон, — настаивала мисс Картрайт, пристально вглядываясь в очередной снимок. — У тебя талант. Тебе удастся запечатлеть уникальную красоту жизни; даже красоту уродства. Такое видение мира развить непросто. Ты можешь даже получить стипендию, если выдвинешь свою кандидатуру.

Я, конечно, мертвая, но ходить в школу и искать хорошую работу все равно придется. И если уж мне суждено жить вечно, то лучше в славном домике, а не в каком-нибудь тесном закоулке.

— Вы думаете? — спросила я. Неужели я смогу зарабатывать деньги тем, что мне действительно нравится? Даже как-то нечестно получается.

Мисс Картрайт положила снимок, когда к столу подошла другая женщина и начала рассматривать фотографии. Я узнала ее и указала на те, что она искала. Она восторженно охнула, заставив меня улыбнуться, и, прежде чем пойти платить, немного задержалась и похихикала над фотографиями соседей.

— Я поговорю с директором, чтобы ты занималась в моем спецклассе. — Мисс Картрайт снова привлекла мое внимание. — Ты же в этом году выпускаешься?

Ух ты! Выпускница. Звучит просто отлично.

— Ладно, — согласилась я. — Вы меня убедили.

Я была куда счастливее, оставаясь самой собой — с пурпурными волосами, громкой музыкой, мертвой и все такое, — чем стараясь подражать всяким там Эми. И вряд ли Джош отделается от меня только потому, что я не из этой тусовки. К тому же между нами пока ничего и в помине нет.

Мисс Картрайт кивнула и взяла фотографию Джоша, напечатанную одной из первых.

— Опять Джош? — улыбнулась она. — Ой, вот это здорово! Ты снимала оттуда, где стоят болельщики? — Я кивнула, и она пробормотала: — Твердая рука. Только вот этот блик... Странно. Их обычно не бывает, когда солнце под таким углом. — Она нахмурилась и поднесла снимок к самому носу. — Что-то мне не по себе от этой фотографии. Напряжение в его глазах... — Она пожала плечами. — Или вороны на заднем плане. Моя бабушка всегда прогоняла их с крыши. Ненавидела ворон.

Я окаменела. Вороны?

Мисс Картрайт положила фотографию и сказала с улыбкой:

— Ты сегодня замечательно поработала, Мэдисон. Мы собрали больше, чем нужно было. Ты принесла нам больше двухсот долларов.

На поле же не было никаких ворон, разве не так? Грейс оставалась там, с Джошем. Я ее видела.

— Даже баскетболистов обогнала, — продолжала мисс Картрайт. — Говард расстроится. Обычно он зарабатывает больше всех. Может, хватит? Иди отдохни. Там уже подводят итоги. Найдешь Джоша и вместе останетесь на праздник. Будут танцы...

Она улыбнулась мне на прощание, и ее тут же оттеснила раздраженная женщина с целой охапкой талончиков. Я едва заметила, как она ушла, и схватила последнюю фотографию Джоша. На заднем плане маячили не вороны; это были черные крылья. Они держались в отдалении, над кронами деревьев, но все-таки это были они.

Обезумев от страха, я высунулась из палатки и посмотрела туда, где верхушки деревьев

упирались в небо. Ничего. Кусочек рая, и только. Что-то не так. Грейс должна следить за Джошем, но черные крылья здесь, а где они, там и жнецы. Или Кайрос. Если он пришел, я этого и не узнаю. Задача Грейс — защищать Джоша, а не сообщать мне, что надвигается беда.

Я резким движением отсоединила фотик от принтера. Снимки уже стояли в очереди на печать, проверила, хватает ли бумаги, и проскользнула под веревками позади палатки. Нужно найти Джоша.

Совсем недавно люди казались мне прекрасным воплощением жизни, теперь же превратились в досадные помехи, и я пробиралась между ними, пытаюсь одновременно изучать небо и звонить Джошу. Он не отвечал, я пробормотала:

— Наверное, до сих пор бегают, — и сунула телефон в задний карман.

Дело пошло быстрее, но меня время от времени окликали люди, которых я фоткала, и приходилось притормаживать и объяснять, что на сегодня съемка окончена.

Солнце пригревало вовсю, но я была мертвая, а в этом есть свои преимущества, и я даже не запотела, пока добиралась до поля. Почти все зрители спрятались от жары в ближайшую тень, и я быстро заметила Джоша. Он бежал, как и тогда, когда я его оставила, и казалось, был полон сил и готов еще на забег-другой. Я разжала напряженно стиснутые зубы, но ненадолго: стоило лишь взглянуть в небо над деревьями. Черные крылья. По крайней мере, шесть штук.

— Вот черт, — прошептала я, взобралась на ограждение между местами для болельщиков и полем, чтобы Джош поскорее меня увидел, и замахала, как сумасшедшая.

Он тут же кивнул другому бегуну, чтобы тот занял его место, сбавил скорость и перешел на шаг. Тяжело дыша, поймал бутылку воды, которую кто-то ему бросил, и направился ко мне.

— Шестнадцать раз прошел дистанцию! — крикнул толстячок, щурясь из-под складного зонтика. — Отлично, Джош. Идешь в «НЗ» с ребятами из команды? Пицца с меня.

Джош посмотрел на мою встревоженную физиономию, махнул рукой и крикнул:

— Не, спасибо! Мне пора.

Толстяк вернулся под свой зонтик. С кромки поля, уперев руки в бока, на нас смотрела Эми. Рядом с ней стояла светловолосая девушка, одетая как под копирку.

— Что случилось? — спросил Джош, когда я открыла задвижку на воротах, и он вышел с поля. — Привидение увидела?

— Очень смешно. Ха-ха! — Я потащила его к парковке. Если Кайрос неподалеку, здесь не лучшее место для встречи. — Смотри. — Я протянула ему фотографию.

Он улыбнулся:

— Уф, какой я потный! А это Грейс?

Над нами раздался тоненький смешок, я подняла глаза, но тут же зажмурилась от солнца и споткнулась о кучу сумок.

— На горизонт смотри, — сказала я, проморгавшись, — а не на себя красивого.

— Черные крылья?

— Ну уж не вороны. — Я пригнулась, когда Грейс подлетела поближе, чтобы взглянуть.

— Я не виновата, — заверила она, пока Джош собирал вещи в сумку. — Я от него не отходила весь день. Гляди-ка, вот я на фотографии. К тому же они ведь не подлетели ближе. Ну по крайней мере не намного.

Джош застегнул сумку и выпрямился, тревожно глядя поверх деревьев на выжидающие черные крылья.

— Ты знала, что они здесь? — спросила я, и ее крылья засверкали ярче.

— Ну да. Они все время тут, — в звонком голосе Грейс послышался сарказм. — Медленно сужают круги. Как будто жнец поблизости, но они не знают точно, куда лететь.

Я посмотрела на Джоша. Мне было страшно, и я чувствовала себя виноватой перед ним. Что это я, отдыхаю, прячусь среди соседей, обманываю саму себя? Вместо того чтобы пойти в дальнюю аллею и встретиться лицом к лицу с этим гадким типом?! И пусть себе Грейс думает, что становится невидимкой опасно. Ее мысли мне не помеха.

— Надо идти, — сказала я. Джош, побледневший, взглянул на своих товарищей по команде и кивнул. Мы вместе зашагали к выходу. — Грейс, попытаешься нас остановить — клянусь, я отберу у тебя имя.

Она промолчала, и у меня внутри все потихоньку сжалось от напряжения. Когда уже на полпути мы наткнулись на толпу, стало еще хуже. Чтобы добраться до парковки, нужно было пройти позади эстрады, а там куча народа — все собралось на оглашение результатов. Оркестр ребят из средней школы настраивал инструменты, и просочиться между родителями, которые махали своим детям, и организаторами, спешившими к сцене с последними цифрами, было просто невозможно.

Ну откуда в Трех Реках столько народа, мрачно подумала я, но тут Джош поймал меня за локоть, и я резко остановилась, едва не врезавшись в коляску. Быстро не пройдешь. Я невесело улыбнулась Джошу и замедлила шаги.

— Может, в толпе черные крылья нас не найдут, — сказал он.

Я кивнула.

— Может, и не найдут. — Я вспомнила о людях, у которых похитила сегодня кусочки жизней. Никогда бы не подумала, что, находясь среди них, подвергну их опасности. Но кто знает, вдруг так и есть? — Думаю, Кайрос нас высматривает, раз уж не в силах выследить по аурам.

Грейс сказала сверху:

— Это не Кайрос, а жнецы никогда не высматривают людей. Слишком долго, и к тому же легко и ошибиться. Вы все для них на одно лицо, особенно для темных жнецов.

— Это Кайрос, и вряд ли ему очень важно, ошибется он или нет, — возразила я. — Не спорь, Грейс. Он хочет забрать свой амулет без лишнего шума — лишь бы никто не узнал, что он вообще его лишился.

Джош сжал губы и устремился в просвет в толпе.

— Я же слышу только половину разговора, — пожаловался он и предположил: — Может, они собираются забрать еще чью-то душу.

— Они несколько часов околачивались на горизонте, — сообщила Грейс. — Это уже наверняка случилось бы, и черные крылья бы улетели.

— Грейс говорит, будь это обычное срезание души, все бы уже случилось, — повторила я для Джоша. — А мне вот кажется, это Кайрос нас ищет.

Мы обошли последнюю группу людей. Путь наконец был свободен. Оркестр как раз увлеченно заиграл «Луи, Луи», а мы, нагруженные своими вещами, потопали к парковке. И когда добрались до увядших желтых шариков, свисающих с частокола из палочек, я немножко расслабилась. И в нерешительности, как олень на опушке леса, осмотрела ряды машин. Где же остановился Джош?

— Вон там, — он словно прочитал мои мысли и указал на раскидистое дерево. Мы ускорили шаги, от эстрады донеслись аплодисменты и крики, когда оркестр доиграл и раздался голос мисс Картрайт — она поблагодарила всех за то, что пришли. Я вздохнула, когда из-за большого фургона показался багажник Джошевой машины. Но облегчение быстро сменилось недовольством: я заметила, кто нас там ждет.

— Как они добрались сюда быстрее нас? — спросила я.

Эми взобралась в кузов пикапа, уперлась локтями о крышу кабины, стараясь выглядеть сексуальной в своих тренировочных шортиках. Но белая повязка на носу портила все впечатление. Паркер стоял у заднего откидного бортика и беспокойно переминался с ноги на ногу. Лен прислонился к передней дверце, скрестив на груди руки с таким видом, словно хотел начать заварушку. Я сжала кулаки. У меня нет на это времени.

— О святые милосердные серафимские шишки! — пробормотала Грейс. — Сегодня не мой день.

Эми окликнула меня:

— Мэдисон, дорогуша, ну привет!

Тон был издевательский, и скулы Джоша словно закаменели, пока он вытаскивал ключи из сумки. Потом бросил:

— Выметайтесь из моей машины.

Эми открыла было рот, но тут уж я не сдержалась:

— Привет, Эми, а что у тебя с носом?

Она порозовела от смущения и жеманно ответила:

— А это у тебя новые вещички? Ты в этих колготках така-а-ая хорошенькая, прямо как моя младшая сестренка.

Она говорила так, будто мне три годика. Я вскипела от злости и подумала: напечатать что ли сто экземпляров той фотографии — Эми ртом мух ловит, распухший нос в повязке — и развесить по всем школьным коридорам?

Лен не двинулся с места, Джош подошел к нему и твердо сказал:

— И почему ты никак не повзрослеешь?

Лен заметил фотографию в руке у Джоша, подался вперед:

— Дай-ка взглянуть, — и схватил снимок, а следом его сцапала Эми.

— Ах, какая прелесть! — насмешливо сказала она. — И много ты таких нащелкала, милочка?

Я сжала зубы, но меня отвлекло какое-то шуршание в листве и, подняв глаза, я увидела, как над нами промелькнуло черное крыло и улетело дальше. Глядя на него широко раскрытыми глазами, я почувствовала, как вновь просыпается воспоминание о моем сердце. Только не здесь. Не сейчас!

Эми, наверное, решила, что я ее испугалась: она спрыгнула с машины и плавно двинулась ко мне.

— Мы всей командой собираемся в «НЗ». Ты же придешь, да? — спросила она Джоша.

Явно имелось в виду «только без нее», и я окончательно разозлилась. Джош забрал фотографию, дотянулся до ручки дверцы и, открывая ее, дернул с такой силой, что Лен отлетел, едва не упав.

— Нет, не приду, — Джош сунул фотку на приборную панель и забросил сумку под сиденье. — Тебе бы, Эми, в душ сходить. А то потом несет, как от свиньи.

Эми оторопела, а я хихикнула, да так, что она наверняка услышала.

Лен притворился, что споткнулся нарочно, но лицо уже потерял и сам знал об этом. Даже смешок не помог.

— Пошли, — он сунул руки в карманы и побрел прочь. — Нечего здесь время терять. Идем. Паркер?

Эми закинула руку Паркеру на плечо и повела его за собой. Казалось, он хотел что-то

сказать, но лишь пожал плечами, когда встретился взглядом с Джошем. Джош ответил тем же.

Я разжала кулаки и постаралась унять свое сердце, пока Эми и Паркер проходили между мной и Джошем. Уже через три машины от нас Эми окликнула еще кого-то, и компания направилась дальше. В отдалении снова заиграл оркестр, громко и с воодушевлением.

У Джоша даже шея покраснела от злости. Он забрался в машину и завел мотор.

Мне не хотелось оставаться снаружи, и я уже обходила пикап сзади, но остановилась как вкопанная, когда гибкая тень отделилась от дерева и преградила мне путь. Воздух со свистом ворвался в легкие. Накита.

— Т-ты? — выговорила я с запинкой, пытаюсь собраться с мыслями. Но это было не лишено смысла. Накита единственная из темных жнецов сумела бы узнать меня в лицо — а поскольку она была в курсе, что амулет Кайроса у меня, хранитель времени ничего не терял, посылая ее за мной.

— Я же тебе говорила, что это жнец! — взвизгнула Грейс. — Убирайся отсюда, Мэдисон!

Накита шагнула вперед, глядя на мою хранильницу, и улыбнулась.

— Думаю, Рон как раз хотел, чтобы твою душу уничтожили. Оставил с тобой ангела первой сферы? Ей меня не остановить.

Я, спотыкаясь, отступила.

— Джош, это жница! — крикнула я и услышала, как скрипнула дверца, когда он вышел наружу.

С мягкой уверенной улыбкой Накита сняла темные очки и отбросила в сторону. Она была вся в белом, в длинных брюках и обтягивающем топе. На бедрах висел золотой ремешок, на плечи был щегольски накинут сверкающий белый плащ, подол его волочился по траве. Самоцвет на обнаженном мече поблескивал насыщенным фиолетовым, в цвет амулета на шее. Вот она, смерть, ходит и ищет меня.

— Здравствуй, Мэдисон, — она обратилась ко мне по имени, отбрасывая назад длинные черные волосы. — Твою душу не так-то просто найти.

Я попятилась, вцепившись в фотик, как будто он мог чем-то помочь. Где же Барнабас? Я не могу присвоить амулет Накиты, ведь она жнец. Нужно придумать, как забрать у нее камень. Причем побыстрее.

Вдруг возле меня оказался Джош, перепуганный, но решительный. Грейс порхала над нами. С дерева донеслось шуршание — черные крылья.

— Давай же! — настойчиво прошептал Джош.

Я ведь могу попробовать и посмотреть, что получится. Иначе Джош умрет. Мне нечего терять. Я отдала ему фотик, глубоко вздохнула, воссоздавая в сознании образ своего амулета, и оборвала все нити, соединяющие меня с настоящим. Пошатнулась и едва не упала — так сильно кружилась голова, когда я становилась бестелесной. Я сразу же увидела Грейс, а Джош начал понемногу отступать. Я сжимала амулет, но чувствовала, что это на самом деле не обязательно. Грейс испуганно смотрела прямо на меня. Тихий голосок внутри меня твердил: что-то не так, — но времени на раздумья не было, и я потянулась к амулету Накиты.

— Нет, Мэдисон! — крикнула Грейс, но было поздно.

— Эй! — взвизгнула я, когда Накита словно бы мимоходом схватила меня свободной

рукой за запястье. — Я же невидимая! — Бестолково сказала я и удивленно уставилась на нее.

Джош, белый как мел, тоже отлично меня видел. Не понимаю! Я представила себе амулет, оборвала нити, тянущиеся от будущего к настоящему, и при этом осталась видимой!

Полные губы Накиты растянулись в улыбке, жница притянула меня к себе, обхватила рукой за шею и развернула к себе спиной.

— Не знаю, что ты пытаешься сделать, но к моему амулету не подходи, маленький суккуб!

Ее амулет? И тут я поняла, что случилось. Когда я была в морге, амулет Барнабаса привязывал меня к настоящему, вот и амулет Накиты тоже. Дура, дура, дурища! — ругала я себя. Я видела Грейс, но сама оставалась материальной. Черт побери!

Я тут же перестала обрывать нити, и Грейс снова превратилась в туманный световой шар. Накита по-прежнему держала меня, я попыталась вырваться, но тщетно.

— Отпусти ее! — крикнул Джош и бросился к нам.

О господи, нет!

Джош замахнулся, но Накита увернулась от удара, и я потеряла равновесие. Не успела я твердо встать на ноги, как она ударила его ногой в солнечное сплетение. Джош отлетел назад и, издав какой-то ужасный звук, рухнул на колени рядом с моим брошенным фотиком, пытаюсь отдышаться. Его глаза были широко раскрыты, волосы налипли на потный лоб. На деле Накита была куда сильнее, чем на вид.

— Ладно. Забирай меня. Только его не трогай, — затаив дыхание, сказала я, увидев сначала ее меч, а потом и амулет, всего в каких-нибудь десяти сантиметрах от меня.

— Кайрос хочет с тобой поговорить, — ответила Накита, ее бледно-голубые глаза были холодны. — А уж поймать твою душу и тело и заодно срезать еще одну душу — сущие пустяки.

Черт. Я опять попробовала вырваться. Куда уж там.

— Пообещай, что не тронешь Джоша, — проговорила я и попыталась повернуть руки, держащей меня за горло, дотянуться до ее амулета, но пальцы лишь коснулись прохладного камня. Безрезультатно. Дотянись я до него — сумела бы забрать. И если не посягать на него, все будет хорошо. Накита улыбнулась, чуть отстранила меня, и мои пальцы соскользнули с камня.

— Твой друг умрет первым. Кайрос с прошлой недели постарел на два дня, и он злится.

Они заполучили меня и все равно собираются убить Джоша? Я судорожно вздохнула, когда Накита толкнула меня, и я полетела вперед, ноги и руки безвольно повисли. Я шлепнулась на землю рядом с Джошем. Взгляд упал на деревья, и, напуганная видом влажных черных лоскутов, я потянулась к Джошу, чтобы помочь ему подняться. Черные крылья летали между ветвями и кружили вокруг дерева. Они могут разорвать мою душу в клочья и окончательно уничтожить меня. Что привело их сюда? Ведь и мой амулет, и Грейс скрывают наши ауры! Разве нет?

Я подняла глаза. Накита ухмылялась, демонстрируя прекрасные зубы. Блеснуло острие меча, и когда она сделала выпад, чтобы пронзить Джоша, я подкатилась ей под ноги. Она вскрикнула и свалилась на меня. Я опять потянулась за ее амулетом, но она стряхнула меня и попыталась встать.

— Мэдисон, ад тебя разбери, прочь с дороги! — завопила Грейс.

Джош застонал. Я поднялась на ноги и обернулась, ища его. Он лежал на спине и

смотрел вверх. Обнаженный меч Накиты сверкал в луче света.

— Джош! — заорала я и едва не вскрикнула от облегчения, когда он перекатился на живот и подобрал под себя руки. Живой! Но ранен. Это она задела его?

Накита вдруг нахмурилась, чем-то недовольная. Черное крыло скользнуло между мной и Джошем, меня захлестнул такой горячий страх, что я, казалось, даже почувствовала его вкус. Осмелели. Но я не позволю им коснуться Джоша. Грейс спикировала на хищников. Я вся напряглась, когда она столкнулась с черным крылом, но оно вспыхнуло по краям и исчезло, Я чуть не закричала от радости, однако на месте прежнего тут же появилось другое.

— Кайрос рассказал, как ты украла его амулет, — сказала Накита, и я переключилась на нее. Она стояла у машины с мечом наперевес. — Это была ошибка. И она не только будет стоять тебе жизни, но и уничтожит твою душу. Мальчишка готов. Пора идти.

Накита улыбалась, легкий ветерок играл ее длинными волосами. Мой страх сменился злостью: думает, я вот так покорно пойду на смерть? Я злилась на то, что она ранила Джоша, что она сильнее меня и все, чему я вчера научилась, не имеет никакого значения.

— Попробуй-ка достань меня, — сказала я и сделала выпад.

Накита засмеялась, и при этих звуках последние черные крылья взвились в воздух.

— У тебя нет выбора. Такова судьба, — сказала она, и далекая радостная музыка только подчеркнула ее угрозы. — Этот камень не должен был оказаться у тебя. Твой удел — смерть. Когда ты исчезнешь, все вернется на круги своя. Так было заведено тысячелетиями.

— Только вот я буду мертва.

Накита пожала плечами:

— Можешь просто отдать мне камень прямо сейчас. — И она протянула тонкую руку.

— Не подумаю, — ответила я, и ее глаза сузились.

Грейс зависла в воздухе прямо передо мной, я отмахнулась от нее:

— Оставайся с Джошем!

— Черные крылья охотятся не за ним, а за тобой! — возразила она. — Мэдисон, не становись больше невидимой. Ты расколешь амулет. Я же говорила, что это опасно. Сейчас только амулет Накиты защищает тебя от них.

Амулет Накиты защищает меня — не позволяет стать бестелесной, а мне надо, чтобы он не сработал, подумала я. Если это амулет Накиты привязывает меня к настоящему, почему бы мне не обрезать его нити, как свои?

— Нет, Мэдисон! — Грейс будто знала, что я собираюсь делать.

— Оставайся с Джошем, — настаивала я, и она засияла вдвое ярче от огорчения.

Накита приближалась, я отступила, пытаюсь выиграть время. Как же оборвать связь между собой и ее амулетом? Я ее не чувствовала, но связь эта была. И я не могла одновременно искать ее и сражаться.

Я взглянула на Джоша. Он стоял на коленях, склонив голову. Я вспомнила о папе. Как же я хочу снова его увидеть! Я подумала о людях: они проживают свои жизни — одно прекрасное мгновение, запечатленное моим фотиком, за другим, и не знают, какой дар им дан. Я не готова уйти. Нужно добиться своего — связаться как можно крепче с амулетом Накиты, а потом оборвать узы, причем так, чтобы не посягать на эту убийственную вещь.

Я закрыла глаза, взмолилась — только бы не ошибиться — и позволила жнице коснуться меня.

Застыла, когда ее рука сжала мое плечо. Усилием воли заставила себя нырнуть в глубины сознания, и перед моим внутренним взором предстал амулет. Рядом я чувствовала

присутствие другого, но гораздо слабее. От амулета Накиты ко мне тянулось намного меньше нитей, но чем дольше я смотрела, тем больше их становилось, тем более плотной и настоящей становилась я сама. Более мертвой, подумала я и попробовала оборвать эти нити, но лишь уничтожила линии, тянущиеся ко мне от моего амулета.

Накита это почувствовала и судорожно дернулась, но ее рука по-прежнему сжимала меня, а я так и не стала невидимой. Мне не оборвать нити от ее амулета, не обрета над ним власть, но для этого нужно его присвоить. И тогда меня просто разнесет в пыль. А меч, мелькнула внезапная мысль. Он создан из ее амулета. Они связаны напрямую. Может, с мечом сработает...

Накита удивленно вскрикнула, и я открыла глаза. Грейс парила над Джошем и окутывала его сияющим туманом. Она была прекрасна и беспощадна, воплощение строгой красоты, на которую больно смотреть. И она плакала. Плакала обо мне. Я хотела сказать ей, что все будет хорошо, но не сумела подобрать слова.

Что-то обрушилось на меня, я пошатнулась и упала бы, если бы Накита меня не держала. Я взглянула ей прямо в глаза, и они расширились. Губы приоткрылись, ужас исказил ее лицо.

Я замерла от внезапной непомерной боли. Накита оттолкнула меня, я упала на колени и с ужасом поняла, что это было. Черное крыло. Они нашли меня.

Холод, такой жгучий, что казался огнем, пробежал по позвоночнику и добрался до сознания. Я хватала ртом воздух, не в силах закричать. Это была не смерть. А ощущение того, что меня никогда и не существовало. Черное крыло забирало мои воспоминания и оставляло взамен пустоту. Оно уничтожало меня, разрывало мое прошлое в клочья, мгновение за мгновением.

Я инстинктивно бросилась на землю. Обезумев от боли, скорчилась и попыталась отодрать от себя черное крыло. У меня получилось, но уже через секунду оно снова присосалось к коже. Оно горело в том месте, где я коснулась его рукой, и все равно продолжало пожирать мою душу!

Я поднялась на ноги, каждое движение причиняло мучительную боль. Стояла, пошатываясь, и тут на меня напало второе черное крыло. Потрясенная, я ничего не могла поделать. От боли я вновь стала видимой — даже упустила образ своего амулета, что уж говорить о соединяющих нас нитях — и, покачиваясь, посмотрела на Накиту.

Я проиграла. Совершила ошибку и теперь умру. Умница и красавица Накита без труда заполучила камень и добилась моей гибели. Если я ничего не предприму, меня сожрут, и я исчезну без следа. Должна бы радоваться. Ведь мне досталось еще целое лето жизни. Но это так мало! Нет, я не готова смириться! Мне нужен ее чертов меч, только и всего. Между ним и амулетом прямая связь, и с помощью меча я наверняка смогу оборвать нити, соединяющие меня и камень Накиты.

— Может, ты и темная жница, — заговорила я; руки и ноги словно одеревенели, — но ни черта не смыслишь в человеческой воле.

Она озадаченно уставилась на меня. Стиснув зубы, я двинулась вперед.

Два года тренировок не прошли даром: я твердо поставила левую ногу возле ее правой, повернулась, став к ней боком, и со всей силы двинула правым локтем ей в живот. Накита сложилась пополам.

Меч в ее руке безвольно повис, я схватила его поверх пальцев жницы. Теперь он был и ее, и мой. Внутренним взором я видела оба наших амулета и все линии, что привязывают

меня к настоящему.

Накита поняла, что я хочу забрать меч, и другой рукой схватилась за него чуть выше моей руки. Превратиться в невидимку. Тогда меч тоже станет невидимым. Но мне так больно.

Если у меня не получится, Джош умрет. А я не позволю ему умереть только из-за того, что боюсь боли. Так просто решиться.

Рука болела. Я сдалась — позволила боли вылиться наружу и очистить меня, оставив лишь мою волю. И почувствовала необыкновенную, все растущую радость — это мое сознание пыталось защитить само себя ложным взлетом сил. Могущественная и торжествующая, я глубоко выдохнула и разом оборвала все связи с настоящим — и с этим единым вздохом, в котором была собрана вся моя воля, все линии съежились, как шелковые нити в огне. Меч жницы стал моим.

— Нет! — крикнула Накита, отпрянув, когда почувствовала, что ее меч вместе со мной становится невидимым. Я превратилась в туман, ей было не удержать меня, но она все равно ринулась в бой. Я непроизвольно подняла руку, и жница прошла сквозь меня, ее амулет сверкнул фиолетовым огнем.

Накита изумилась, рот открылся в молчаливом крике. Время словно замедлилось, я задержала дыхание, будто стараясь не впускать жницу в себя. Потом начала поддаваться, чувствуя ее холодный гнев, пробуя на вкус ее разочарование. В сознании возник стоящий на полу черной плитки Кайрос, залитый солнечным светом, он сказал Наките, что я угрожаю воле серафимов, и тайно послал ее за мной. На мгновение я стала ею. А она — мной.

Напавшие на меня черные крылья почуяли ее. Это было повкуснее памяти о моих жалких семнадцати годах жизни.

Накита вскрикнула от муки, когда черные крылья оставили меня и приникли к ней. Стоило им оторваться от меня, боль исчезла, а когда черная жница прошла сквозь меня, черные крылья вонзились в ее тело.

Я упала наземь и от неожиданности упустила из вида амулеты. Тут же возникли новые линии, и оба камня привязали меня к настоящему. Я вновь обрела тело. Накита, словно окаменевшая от боли, возвышалась надо мной. И не меч я сжимала в руках, а ее амулет. Забрав одно, я отняла и другое.

Голос жницы взвился от боли, и она рухнула на колени. Из ниоткуда возникли мерцающие белые крылья и взметнулись вверх до самых ветвей. Я испуганно попятилась к Джошу. Он поднял глаза, не отрывая ладони от живота, и весь дрожал. Над нами кружила Грейс — она вновь стала сверкающим шаром света.

Накита в третий раз пронзительно вскрикнула. От этого нечеловеческого звука кровь застыла в жилах. Черные крылья оказались у нее внутри. Только теперь я поняла, что натворила, и смотрела на жницу в ужасе. Но я же не знала. Не знала!

Ее крылья и спина выгнулись, словно от жуткой боли, крик внезапно оборвался, крылья опали, и Накита исчезла. Земля и обрывки травы поднялись в воздух, я вся съежилась.

— Мэдисон, — испуганный голос Грейс перекрыл звуки оркестра, — полезай в машину. Хватай Джоша и в машину.

Накита исчезла, но черные крылья по-прежнему роились кругом. Сотнями. Я снова обрела тело, и Грейс была с нами, но они не улетали.

— Джош, — задыхаясь, проговорила я, чувствуя такую слабость, словно так и осталась бестелесной. Я, спотыкаясь, помогла ему подняться. Амулет Накиты болтался у меня вокруг

запястья. Я нагнулась и подхватила брошенный на земле фотик. Затолкала Джоша в открытую дверцу машины, он обмяк на пассажирском сиденье. Мотор по-прежнему работал, и я поблагодарила Господа Бога за маленькие подарки вроде этого.

— С Джошем все нормально? — выдавила я из себя, захлопнув дверцу. Громкое гудение мотора словно отдавалось во мне до самых костей. — Она его ранила?

— Не прямым попаданием, — сказала Грейс. — Я бы ее остановила, да ты попала на дороге. Его душа висит на волоске. Выбирайся отсюда. Мне не удержаться, если они нападут разом. Ты под моим прикрытием, но двое попробовали тебя на вкус, а остальные это чувствуют. Не становись больше невидимкой. Не надо, Мэдисон! С каждым разом ты все сильнее разрушаешь амулет.

Вся дрожа, я сдала назад и вжала педаль газа. Джоша стукнуло о дверцу. Не становись невидимкой. Это она уже говорила. Черные крылья могут забраться внутрь меня. Но тогда выбора не было.

— Джош? — заговорила я, когда мы добрались до шоссе и потащились, объезжая людей, которые начинали расходиться из парка. — Джош, не молчи. — Я обернулась, но, похоже, никто не слышал крика Накиты и не видел, как пугающей красоты белокрылый ангел выгнулся от боли под деревьями.

Я протянула руку и тряхнула Джоша, он застонал и прошептал:

— В больницу. Мэдисон, я, кажется, умираю. Отвези меня туда. Пожалуйста.

Меня пронзило страхом. Я пробилась на главную дорогу и помчалась вперед. Кругом сигналили, я включила аварийку, может, хоть немного поможет.

Папа узнает — убьет меня. В который раз.

Запах спирта и какой-то мази долетал из стерильно белого коридора в серо-коричневый приемный покой. Сейчас здесь было тихо, только у женщины на коленях ерзал ребенок. Я скрючилась на стуле и терла локоть, вспоминая, как ему досталось от удара об Накиту. Я уже замучилась сидеть и ждать известий. У той мамыши был с собой еще и мальчонка, который так и норовил набедокурить — наверное, злился, что все внимание обращено на его маленькую сестричку.

Измотанная женщина заполняла направление на осмотр ее беспокойного малышки, и неприязненно поглядывала на меня. Она уже была здесь, когда ворвалась я, но сначала принимают человека без сознания, а потом уж ребенка с коликами. Хотя такая спешка началась отчасти из-за того, что я дико орала на врачей. И замолчала, только когда вошла женщина-полицейский. Наверное, ехала за мной следом.

Клянусь, в зеркале заднего вида я ее не видела. Может, я и превысила скорость, зато добралась всего за восемь минут.

Все эти восемь жутких минут я думала, что Джош вот-вот умрет.

Я вжалась в стул и зашаркала ногами по тонкому коврику, глядя, как уполномоченная разговаривает с нянечкой в розовом халате. Молоденькая полисменша забрала мои права, так что папа, может, уже и едет сюда. Я пыталась позвонить ему, но сумела лишь оставить сообщение и сказать, что со мной все в порядке и я в больнице с Джошем.

При виде нянечки у меня внутри все сжалось от волнения. Джоша унесли, когда я сказала, что он потерял сознание на беговом поле. Эта женщина в розовом халате — первая из медиков, кого я с тех пор увидела, и мне она не сказала ни слова. Дурацкая врачебная тайна!

Во всяком случае, с ним Грейс, хотя она от этого и не в восторге. Вообще-то, она здорово рассердилась, а меня едва не поставили на учет после спора полупрошепотом, который мы вели, пока хранильница не сдалась. Я по крайней мере в сознании, а Джош нет, так что ему она нужнее. Уф.

Женщина-полицейский повысила голос, и я совсем разволновалась, когда они обе посмотрели на меня. Потом обменялись на прощание парой слов, нянечка ушла по коридору, а полисменша направилась ко мне. Я забыла, как она представилась при нашем первом разговоре, но на значке у нее стояло: Б. Леви. Бетти? Беа? Барби? Ну уж нет. С этим-то пистолетом на бедре?

Капитан Леви подошла чуть ближе, чем мне бы хотелось, и, останавливаясь, слегка качнулась на каблуках своих строгих туфель. Я оглядела ее отглаженные брюки, ремень, пистолет в застегнутой кобуре, накрахмаленную рубашку, значок, и наконец подняла глаза и посмотрела ей в лицо. На вид совсем молодая и, наверное, недавно работает в полиции, поэтому выражение родительской заботы, которое она пыталась на себя напустить, меня раздражало. У нее самой дети-то есть? Не думаю.

Впрочем, лицо у нее было милое, загорелое, карие глаза, светлые волосы и совсем мало морщинок. Она молчала, потом нахмурилась, и я отвела глаза. Может штрафануть меня за безответственное вождение и за отказ остановиться. Да только в чем эта ходячая добродетель с курсов повышения водительской квалификации станет меня обвинять? Я ведь все-таки ехала в больницу с раненым другом!

— Джош вне опасности, — сказала она, и я удивленно вскинула глаза.

— Спасибо, — прошептала я и облегченно расправила плечи. Я и не чувствовала, как они зажаты.

— На празднике была «скорая». — Она опустилась на соседний стул, вздохнула, когда от ног отхлынула тяжесть, пробежалась рукой по волосам. Слишком она бойкая, заводная для полицейского. Ненавижу, когда меня называют заводной, но она именно так выглядела: веселая, энергичная, готовая нарушить правила ради маленького приключения. — Почему ты не отвела его туда, вместо того чтобы подвергать опасности весь город? — добавила она. Те полицейские, что привезли меня домой к маме, когда я нарушила комендантский час во время сильного урагана, были совсем другие. Начинали трагические разговоры.

— Не знала, что там есть «скорая», — призналась я. А что еще было сказать? Что темная жница пыталась убить Джоша, поэтому он нуждается в серьезном уходе?

— Ты неплохо водишь, — хихикнула женщина, и я усмехнулась:

— Спасибо.

Она взглянула на мой локоть, я тут же перестала растирать ушибленное место и сцепила пальцы. Капитан Леви приосанилась, а я вздохнула. Ну, вот и лекция.

— Я позвонила твоим родителям, — заговорила она, и я обеспокоенно обернулась.

— Маме? — заволновалась я всерьез. Да она с ума сойдет!

— Нет, папе. Для твоего возраста у тебя неважная характеристика, Мэдисон, она внушает беспокойство.

Моя характеристика меня нимало не трогает, я ведь не воровала в магазинах, не совершала вооруженных ограблений, ничего такого ужасного. Всего лишь нарушение комендантского часа и праздничатание. Э-эх! Велика беда! Я облегченно обмякла на стуле.

— А что мне было делать, капитан Леви? — спросила я, всем видом умоляя о понимании. — Как бы вы поступили? Ну, я немножко превысила скорость, чтобы довезти Джоша до больницы. Я боялась за него. Думала, он умирает.

Женщина подняла брови:

— Я бы позвала на помощь и осталась с потерпевшим, пока та не подоспеет. Но вообще-то от теплового удара не умирают.

— Будь это тепловой удар, меня бы пустили к Джошу, — сказала я, и полисменша одобрительно кивнула. Молчание затягивалось, наверное, она ждала от меня каких-то слов, и я нерешительно начала: — Я запомню на следующий раз. Позвать на помощь. Остаться с потерпевшим.

Но никто на всем белом свете мне бы не помог. Может, не стоило командовать Грейс? А то я словно отменила все приказания Рона — в том числе связаться с ним, если она не сумеет справиться с бедой в одиночку.

Капитан Леви поднялась на ноги, чтобы опять казаться посуровее, и сказала, подавая мне права:

— Надеюсь, следующего раза не будет. Не уходи, пока я не поговорю с твоим папой.

— Ладно, — я взяла ламинированную карточку. Хорошо еще, не заставила меня протокол заполнять. — Спасибо.

Женщина заколебалась.

— Ты точно ни о чем больше не хочешь рассказать?

Скрывая тревогу, я взглянула ей прямо в глаза:

— Нет. А с чего бы?

Она по-прежнему внимательно смотрела на меня:

— У тебя в волосах трава, а колготки выпачканы землей.

Мой взгляд дрогнул, но опустить его и посмотреть себе на ноги я так и не решилась. Вот черт!

— Была драка? — глаза женщины сузились. — Другие участники?

Я отвела глаза и пожала плечами. Полисменша вздохнула.

— Я знаю, в новой школе сложно прижиться, но если была драка, мне нужно об этом знать. Ты не доносчик.

— Джош не дрался. Он потерял сознание. — Можно было врать дальше, сказать, что упала, запачкалась, пытаюсь подхватить Джоша, но чего ради напрягаться?

Полисменша просто пристально посмотрела на меня, а я — на нее. Наконец она сжала губы, хмыкнула и пошла к медсестре у приемного столика. Наверное, останется здесь, пока не приедут родители Джоша. Надеюсь, к тому времени я уже успею смыться. Джош хороший парень, а я знаю, стоит им посмотреть на мои сережки и пурпурные волосы — тут же решат, что я недостаточно хороша для их мальчика, не то что какая-нибудь Эми.

Я фыркнула. С каких это пор я воспринимаю Джоша как своего парня? Мы провели вместе два дня. Правда, два дня гонок на выживание — и от этого только очевиднее, что на пару мы не потянем.

Я взглянула в окно на машину Джоша. Когда мы оторвались от черных крыльев, я припрятала амулет под переднее сиденье. Накита вряд ли вернется, а вот Кайрос может, он знает резонанс ее амулета. Кричала она просто ужасно. Я вспомнила тяжесть черных крыльев на своем теле, как покров холодной кислоты, съедающий мои воспоминания — мою жизнь — и едва сдержала дрожь.

Сдвинув брови, я гадала, чего же лишилась. То, что они набросились на Накиту, было полной неожиданностью. Это наводило ужас, и я надеялась, что с ней все в порядке — хотя она и пыталась меня убить.

Мое внимание привлекла знакомая фигура в футболке и джинсах, я выпрямилась. Барнабас нетерпеливо ждал, пока откроется автоматическая дверь.

— Где ты был? — набросилась на него я, когда он вошел, серый плащ заколыхался от порыва ветра.

— Уходишь на один день... — начал он, темные глаза метали молнии.

— И все катится в тартарары. — Я поднялась, чтобы он не смотрел на меня сверху вниз. — Ага. И разруливать все это пришлось мне. Я со вчерашнего дня бегаю от Кайроса и Накиты! — продолжала я с легким нажимом.

— Накиты? — он явно слушал меня вполуха.

— Да, от Накиты, — обеспокоенно повторила я. Ей было очень больно, когда она исчезла. Ангелы не должны чувствовать боли, даже темные жнецы.

Барнабас примостился на краешке стула напротив меня и провел рукой по кудрявым волосам, стараясь хоть как-то их пригладить. Для жнеца он выглядел таким безобидным. Особенно в футболке с изображением рок-группы.

— Так это твоих рук дело? — спросил он, и я опустила на стул рядом с ним. — В песнях между землей и небом говорится, что она была ранена в битве. Рон, естественно, подумал о тебе и послал меня проверить. Он... это... хочет с тобой поговорить.

Да уж, надо думать. Я выпрямилась в струнку. Песни между небом и землей? Держу пари, Си-Эн-Эн просто отдыхает.

Барнабас вопросительно посмотрел на меня.

— Что случилось? Неужели ты забрала ее амулет? Мэдисон, так больше нельзя. Где твой ангел-хранитель? Она и не сообщила нам, что стряслась беда.

— Это, наверное, моя вина, — тихо сказала я. — Я велела ей защищать Джоша, вот она и не могла никуда отлучиться. Не злитесь на нее. Это я ей приказала.

— Джоша? — Барнабас резко выпрямился. — Но ангел-хранитель должен быть с тобой! Он казался ошеломленным, я пожала плечами:

— Я в сознании. Джош нет. Не так-то сложно выбрать.

— Она должна быть с тобой! — снова воскликнул жнец.

Я раздраженно фыркнула.

— Я велела ей следить за Джошем. Она уже дважды спасла ему жизнь. Кайрос вчера пытался его убить. Что мне было делать? Позволить ему умереть? Со мной-то все было в порядке.

«Пока меня не нашли черные крылья», подумала я. И пока Грейс не сказала, что я разрушаю свой амулет. Просто великолепно.

Барнабас по-прежнему удивленно таращился на меня, а потом заявил:

— Она оставила тебя.

О господи! Он все об этом!

— Не по своей воле, — я надеялась, что Грейс не придется из-за меня отдуваться. — И безо всякого удовольствия. — Я поколебалась, разглядывая длинный белый коридор. — Накита пыталась убить Джоша. И, кажется, ранила. С ним все будет в порядке?

— Не знаю, — Барнабас взглянул на медсестру у приемного столика и на женщину-полицейского, и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Что ты сделала с Накитой? Без амулета она только утратила бы часть своих способностей и разъярилась, но не потеряла бы способность двигаться.

Накита не может двигаться? Барнабас не сводил с меня глаз, и я начинала думать, что поступила совсем неправильно. Она, конечно, темный жнец, но оставлять внутри нее черные крылья — просто ужасно. Даже случайно.

— Мне нужно было прогнать ее, — я перешла на шепот, когда капитан Леви посмотрела на нас. — Я сделала все, что могла. Вряд ли у меня получилось бы соприкоснуться с тобой мыслями, — с горечью закончила я.

Барнабас потемнел лицом.

— Рон оставил тебе ангела-хранителя. — Он подался вперед и положил локти на колени. — С тобой ничего не должно было случиться.

— Да что ты?! — с трудом удержалась от крика я. Два дня страха теперь выливались гневом, и я ничего не могла с собой поделать. — Накита сказала, что он оставил мне ангела-хранителя первой сферы. Она, конечно, милая, и все такое, но не настолько могущественная, чтобы защитить меня от серьезного нападения, и Рону это известно.

Гнев Барнабаса смыло удивлением, он выпрямился, глядя, как женщину и двоих ее детей провожают в кабинет. Нянечка, которая позвала их, сказала капитану Леви, что та тоже может вернуться, и, посчитав это добрым знаком, я сумела немножко взять себя в руки. Я смотрела, как Барнабас разжимает сцепленные пальцы, и думала, что они кажутся немного длиннее человеческих.

— Джош знает, что ты мертвая? — спросил Барнабас, и я кивнула, не поднимая глаз от ковра. Не надо было его впутывать, но когда черные крылья начали его преследовать, выбора

у меня не осталось.

— Пришлось ему сказать. За ним охотились черные крылья, но рядом со мной он был в безопасности. Я заставила хранительницу остаться с ним на ночь. Иначе он бы не выжил.

А теперь он в больнице. Так держать, Мэдисон. Внезапно я обратила внимание на то, как скакнули тени, подняла голову и обнаружила, что Рон с грустным видом стоит себе неподалеку, ладони сжаты у груди. Солнце залило его тугие седеющие кудряшки, он оглядел меня — в желтых колготках и пурпурной юбке — своими серо-голубыми глазами. Вчера они были карие. И, думаю, не к добру посерели. Они становились такими каждый раз, когда я его расстраивала.

— Мэдисон, — проговорил он, и в самом звуке моего имени послышалась такая невероятная усталость, что мне стало страшно.

— Мне жаль, что так вышло, — испуганно сказала я.

— Знаю, — Рон взглянул на пустующий столик приемной и пошел к нам, бесшумно ступая тапочками по ковру. — Уже больше двух тысяч лет ангелы не возвращались с поля битвы, лишившись меча, и без сознания. Ты хоть знаешь, как такое могло получиться?

Я скукожилась на узеньком сиденье.

— В нее залезли черные крылья? — нерешительно предположила я. Господи спаси, но я же не нарочно!

Рон с шумом вдохнул, а Барнабас удивленно ойкнул. Я боялась поднять глаза.

— Как черные крылья оказались у Накиты внутри? — спросил Рон, медленно и подчеркивая каждое слово.

Я все-таки подняла голову, и оказалось, что лицо у хранителя времени не сердитое, а грустное.

— Ну... я случайно их туда загнала? — Мой голос отвратительно полез вверх к концу предложения.

— Прощу прощения? — сказал Рон. Странная фраза в его устах.

Барнабас потряс головой:

— Это невозможно. Черные крылья не могут причинить вред жнецам. Она, наверное, ничего толком не поняла.

Просто оскорбительно. Я раздраженно фыркнула.

— Все я поняла. Я знаю, что случилось, — подбирать слова оказалось проще, чем я думала. — Грейс сказала, что, становясь невидимой, я отделяюсь от своего амулета. Поэтому черные крылья меня и нашли, а когда Накита прошла сквозь меня, они залезли в нее.

— Грейс? — Круглое лицо Рона застыло в тревоге. — Что еще за Грейс? — И он тут же огорченно добавил: — Ты дала ей имя? Мэдисон, только не говори, что ты дала имя своему ангелу-хранителю!

По сравнению с тем, что я загнала черные крылья в жницу, чтобы ее сгрызли изнутри, дать имя Грейс казалось сущим пустяком.

— Я обрывала нити от своего амулета только к настоящему, а не к будущему, — объясняла я, чувствуя себя полной дурой, — лишь бы слова звучали не так по-идиотски. Даже со стороны было видно, как Рон разгоняет свои умственные механизмы, пытаюсь меня понять. По крайней мере, мне так показалось, потому что он внезапно ужаснулся.

Барнабаса, наоборот, мои слова несколько не впечатлили:

— А при чем здесь черные крылья? — спросил он.

— Накита собиралась сжать душу Джоша, хотя уже поймала меня. Я бы не отняла ее

меч, не стану невидимой. Пришлось как-то защищаться, а никого из вас поблизости не было, — продолжала я, мысленно умоляя о понимании. — Я не знала, что черные крылья нападут на нее. Она ведь жница! Черные крылья не нападают на жнецов!

Рон отрицательно покачал головой:

— Невидимым становятся не так. Мэдисон, ты не окутывала себя светом; ты обрывала связь между собой и амулетом, и получалось, будто его на самом деле на тебе нет. Мертвая безо всякой связи с жизнью. Бродячая душа без тела. Немудрено, что черные крылья тебя нашли. Они... прикасались к тебе?

Грейс говорила, что это опасно. Надо было ее слушать.

— Накита хотела убить Джоша и забрать меня к Кайросу. Я решила, что без меча она хотя бы не тронет Джоша. Но когда я стала невидимой и хотела забрать ее амулет, на меня напали черные крылья — сначала одно, потом другое, — я вздрогнула от страха. — Это было больно. Кажется, я потеряла часть себя. — Я вспомнила, как они пожирали мое прошлое, и замолчала. А потом разжала руки, подумав о Наките и о том, каково ей было с двумя такими существами внутри. — Правда больно, Рон. Я снова стала невидимой и попыталась отнять у жницы меч, она прошла сквозь меня, и черные крылья как будто прилипли к ней. — Я подняла глаза, взгляд затуманился. — Я только хотела, чтобы она ушла, — жалобно закончила я. Черт, не собираюсь же я разреветься.

Барнабас отпрянул от меня, как от змеи, и спросил:

— А амулет Накиты? Почему он не помешал тебе стать бестелесной?

— Потому что его нити я тоже оборвала. Я же завладела не амулетом, а мечом, и он дал мне достаточно сил, чтобы разрушить связи между собой и камнем, но самой не изжариться.

Барнабас поднялся, бледнея в лице:

— Рон, — сказал он, не отрывая от меня взгляда, — она разрушила связь между собой и амулетом Накиты, когда тот был еще на жнице! Какие тебе еще нужны доказательства? Я верю в выбор, как и ты, но это неправильно! Посмотри, что произошло. Мэдисон...

— В порядке, — Рон взял меня за руки, отвлекая от Барнабаса. На его круглом лице была уверенная улыбка, но в глазах стояла смертельная тревога. — Она в порядке.

— Мэдисон сказала, ты оставил ангела первой сферы следить за ней, — перебил Барнабас, покраснев от гнева. — И понятно почему. Ты знаешь, что это ошибка!

Старик сильнее сжал мне руки и пристально посмотрел на Барнабаса:

— Не мне перед тобой отчитываться. Я вызвал ангела первой сферы — а что страшного могло произойти? Да и зачем нам лишняя огласка, раз что-то пошло не так?

— Не так, — Барнабас уставился ему прямо в глаза, и выражение лица у Рона сделалось скверное. — Значит, ты это признаешь.

— Молчать, Барнабас! — воскликнул хранитель времени, а жнец огорченно опустил голову. Я сидела, ошеломленная. Уже второй раз при мне Рон обрывает Барнабаса, сначала на школьной парковке, а теперь здесь. Что-то не так. Что я натворила?

— Рон, — испуганно заговорила я, — мне так жаль. Я просто хотела защитить Джоша и себя. Она задела его? С ним все будет в порядке?

Хранитель времени, кажется, впервые заметил, где находится. Он грустно посмотрел на меня и покачал головой:

— Его жизнь в руках Накиты. Ей выбирать жить ему или умереть.

О господи, я убила его! Ужас сковал меня. Мне нужно поговорить с Накитой.

— Надежда есть, — утешил меня Рон, пока мои мысли кружились вихрем, но, когда он

коснулся моего плеча, уютнее мне не стало. Наоборот, я восприняла этот жест как предостережение. Барнабас за спиной шефа кипел от злости. — Я еще замолвлю за тебя словечко, — сказал Рон, словно возможная смерть Джоша — печальный, но все же пустяк. — Больше всего меня беспокоишь ты. Вообще-то отрешиться от амулета невозможно. Возможно, тебе это удастся, потому что ты мертвая. Так или иначе, камень ты наверняка повредила. Больше так не делай. Отчасти и я виноват. Нужно было следить за вашими занятиями, но Барнабас говорил, у тебя все получается.

Ему наплевать, что будет с Джошем. Ну почти. Тревога моя все нарастала, и я вырвалась из хватки Рона. И почему он винит Барнабаса? Тот говорил, что я не могу соприкоснуться с ним мыслями из-за амулета, а не из-за недостатка знаний или еще чего-нибудь — и Рону это известно. Он что-то скрывает.

— Грейс сказала, что в нем появились трещины, — осторожно сказала я, но доставать его из-под одежды и показывать не стала.

Барнабас позади Рона напряженно замер. Его глаза стали серебряными, и на мгновение он напомнил мне ангела мщения.

— Я пойду домой, — сказал он Рону, и лицо его исказилось болью. — Они впустят меня. Придется. Нужно рассказать о черных крыльях. Их достанут из нее.

Домой? В рай, что ли? И почему это его не впустят? Так он не просто привязан к земле, но и отлучен от неба? Кто же здесь тогда плохой?

Страх пронзил меня, словно ножом, когда я внезапно поняла: возможно, все совсем не так, как мне казалось.

— Замолчи, Барнабас, — Рон встал между нами — воплощенная решимость, хотя и ростом ниже жнеца. — Я скажу свое слово, и Накита поправится. Назад тебя не впустят, а у меня полно работы. Оставайся с Мэдисон. Постарайся, чтобы с ней ничего не случилось. И держи язык за зубами! — Глаза его стали почти черными, в них смешались тревога, огорчение и... неуверенность. — Ты понял? Я не сумею ничего уладить, если ты вмешешься. Держи рот... на замке.

Образ Накиты, выгнувшейся от боли, ее распростертые белые крылья, ее крик всплыли у меня в памяти. Я ранила небесного ангела. Кто же такой Барнабас? С кем я проводила ночи на своей крыше?

Я испуганно смотрела, как Рон вышел из здания, добрался до солнечного пятна и исчез. Я обернулась к Барнабасу и вжалась в сиденье, когда он зарычал от злости и плюхнулся на соседний стул, между бровями на сердитом лице пролегла складка. Он сидел не шелохнувшись, даже не моргал.

— Она пыталась меня убить, — сказала я. — И Джоша! Она собиралась...

— Отвести тебя к Кайросу. Ты уже говорила, — резко оборвал он.

Чувствовалось, что ему немного страшно. Не я пугала его: он боялся за себя. И не собирался держать язык за зубами, как велел Рон. Я вздрогнула.

— Так много религий, Мэдисон, — сказал он, — и всего одно место для упокоения. Она хотела вернуть тебя на ту тропу, с которой ты сошла, украв амулет Кайроса.

— Накита не из ада, — неуверенно проговорила я и почувствовала, что бледнею. — Это ты оттуда.

Барнабас резко выпрямился.

— Я? Нет. — Он покраснел, словно от смущения. — Не из ада. Я даже не знаю, есть ли он, помимо того, который мы сами для себя создаем. Но я и не из рая... теперь. Я ушел,

потому что был не согласен с серафимским предопределением. Они не впустят меня назад. Никого из нас, светлых жнецов, не впустят. — Он выдохнул сквозь стиснутые зубы, почесал висок. — Надо было раньше тебе сказать, да стыдно было.

— Но ты же светлый жнец! — ошарашенно сказала я. — Свет — это добро, тьма — зло. Барнабас сердито посмотрел на меня.

— Свет — это открытый человеческий выбор. Тьма — это тайное предопределение серафимов и никакого выбора.

— Ух ты! Приятно такое узнать! — воскликнула я. — А почему никто не позаботился сказать мне об этом раньше?! — добавила я опустошенно, испуганно, но с легким облегчением — ведь Барнабас все-таки не из ада, его просто выставили из рая. Есть разница, верно?

Медсестра выглянула из дверного проема и тут же исчезла, решив, что я расстроена из-за Джоша, а не из-за маленькой неувязочки со светом и тьмой.

Мысли Барнабаса явно где-то витали.

— Я не понимаю, что делает Рон, — сказал он будто про себя, глядя куда-то вдаль и совершенно не замечая, что я окончательно потеряла самообладание. — Я верю в выбор, но после того, что случилось... Ты хороший человек, Мэдисон, и нравишься мне, но ты загнала в Накиту черные крылья. Это... ужасно. Может быть, серафимы правы. И тебе нужно отправиться туда, где следует быть. Может, судьбе и есть место в мире. А сражаться с ней — только делать еще хуже.

Где мне следует быть? Дома с папой или мертвой непонятно где? Я сглотнула. Не меня же из рая выгнали.

— Так случайно получилось.

— А то, что ты научилась становиться невидимой, — тоже случайность? — с нажимом спросил он. — И то, что ты с помощью этого знания разрушила власть Накитино амулета над собой? А то, что она прошла сквозь тебя — тоже случайность? Или судьба? — Он задумчиво покачал головой, и темные кудри снова непослушно рассыпались. — Нужно было раньше догадаться, что он замышляет. — Глаза жнеца сузились. — Я все не могу поверить. Не хочу верить.

У меня пересохло во рту. А что замышляет Рон? Барнабасу что-то известно, и, клянусь, я это выясню.

— Барнабас, — начала я, но на столике приемной зазвенел телефон, и медсестра подошла взять трубку. Садясь, она ободряюще улыбнулась мне, давая понять, что с Джошем все в порядке. Или по крайней мере не становится хуже. Я растерянно откинулась на спинку стула и, услышав хруст, вытасила из волос сухой листок. Поддержала его в руке и положила на ближайший столик. А я и в самом деле хочу знать правду? Да. Хочу.

Набираясь храбрости, я смотрела на подол Барнабасова плаща, лежавшего на тусклом ковре, и гадала — может, это и есть замаскированные крылья? Мысли снова переметнулись к тому, как Рон оттащил от меня жнеца на школьной стоянке и как совсем недавно велел ему держать язык за зубами, чтобы он сумел все уладить. И это ужасное чувство, когда Рон положил руку мне на плечо, стараясь успокоить.

— Барнабас, — прошептала я, — что Рон от меня скрывает?

Подняв глаза, я увидела, как он стиснул зубы:

— Это не мое дело.

Мое сердце в страхе екнуло и остановилось.

— Ты же хочешь мне рассказать. Еще на школьной стоянке хотел, и сейчас. Если веришь в выбор, то расскажи, чтобы я выбрала правильно.

Его взгляд упал сначала на мой амулет, а потом встретился с моим взглядом, и я вздрогнула.

— Рон скрывает от серафимов, кто ты, и вводит тебя в заблуждение, чтобы изменить соотношение сил между роком и выбором, — решительно заявил Барнабас. — Этим он, похоже, и занят.

— Он же сказал, что уже говорил с ними! — возразила я, но засомневалась: — Вводит в заблуждение? Зачем?

Не сводя с меня глаз, Барнабас тихо сказал:

— Ты — новая хранительница времени, Мэдисон. Темная.

Я ошарашенно заморгала и воинственно заявила:

— Ничего подобного!

Барнабас не стал со мной спорить, а лишь горько улыбнулся.

— Я же говорил, есть причина, по которой мы не можем соприкоснуться мыслями. — Его взгляд остановился на моем амулете. — У тебя амулет темного хранителя времени. Будь по-другому, наши резонансы были бы близки, и мы сумели бы разговаривать мыслями, но мы на разных сторонах спектра. Рон это знает. Рон все знает. Только ничего не говорит.

Я потянулась к черному камню, но опустила руку.

— Может, у нас ничего не получилось, потому что я мертвая?

Барнабас отвернулся и тяжело вздохнул.

— Ты сумела завладеть амулетом хранителя времени только потому, что ты и есть хранитель времени.

— Нет! — воскликнула я. — Я сумела им завладеть, потому что я человек.

Он покачал головой:

— Ты смогла коснуться его, потому что ты человек, но обрела над ним власть только потому, что ты есть ты. Ты сама научилась отрешаться от амулета и при этом по-прежнему управлять им. Ты подчинила себе Грейс, дала ей имя, которое связало ее и отменило указания Рона. Ты восходящий хранитель времени, Мэдисон, один из двух, рожденных в этом тысячелетии и способных выдержать бремя времени.

Я уставилась на него, чувствуя, как по спине ползет холодок ужаса. Я? Темный хранитель времени? Я не верю в судьбу. Он, наверное, ошибается.

— Это Рон так сказал? — прошептала я.

Барнабас пошевелил ногами в грязных кроссовках и подался вперед. Уперся локтями в колени и взглянул на меня из-под копны кудряшек.

— Нет, — признался он, и у меня вырвался вздох облегчения. — Но это так. Мэдисон, хранители времени смертны, и на это есть своя причина. Земля меняется, меняются люди, ценности. И невозможно требовать, чтобы человек, рожденный в эпоху пирамид, понимал человека, для которого само собой разумеется, что Землю можно увидеть из космоса. И когда перемены происходят слишком стремительно, приходит новый хранитель времени.

Барнабас взглянул на медсестру у телефона и придвинулся ближе ко мне.

— Я уже такое видел, это как поворот колеса. Восходящего хранителя времени находят и обучают, а потом ему передают амулет, и прежний хранитель времени начинает стариться с того самого мгновения, в которое его жизнь была прервана божественным вмешательством. Ты мертвая, это усложняет дело, но ты — та, кто ты есть.

— Нет! — возразила я. — Я — это я, и все. И даже если я хранитель времени, то не темный. Я не верю в судьбу. Я просто забрала камень Кайроса, чтобы остаться в живых!

Барнабас нахмурился и опять бросил взгляд на медсестру.

— Может, ты забрала его и по собственной воле, но подтолкнула тебя к этому судьба. Если бы твою душу просто срезали, Рон бы в первый же день отдал тебя серафимам. Но он этого не сделал. — Жнец нахмурился еще сильнее. — Я должен был догадаться! Но мне все не верилось, что он опустится до обмана, лишь бы держать тебя в неведении.

— Рон сказал, что говорил с серафимами обо мне и просил, чтобы мне позволили оставить камень, — в замешательстве сказала я. — А если нет, то почему амулет по-прежнему у меня?

— Кайрос тоже не сказал им, что камень у тебя.

— Почему? — Я была не в состоянии думать. Просто оцепенела. Мне нужен был ответ, но сама дойти до него я не могла.

Барнабас поерзал на стуле и плотнее закутался в плащ.

— Думаю, Кайрос хочет уничтожить тебя, чтобы не пришлось уступать свое место. Ведь стоит серафимам узнать о тебе, даже мертвой, они принудят Кайроса подчиниться их воле. Но если ты погибнешь, они позволят ему остаться темным хранителем времени еще на один оборот колеса.

Кайрос будет жить вечно. Бессмертие — высший круг. Потому он убил меня, а после вернулся. Он хотел уничтожить мою душу. Мне снова стало страшно.

— Нет. Ты не прав. Мне просто попался не тот амулет. Нужно вернуть его, вот и все. И амулет Накиты вернуть, — пробормотала я, а Барнабас откинулся на спинку стула и уставился в потолок. — Попросить у нее прощения. Может, она оставит Джоша в живых.

— Если Накита тебя найдет, то отведет к Кайросу, — сказал Барнабас в потолок. — И твои извинения ничего не изменят. Ты уже завладела амулетом темного хранителя времени. Ты и есть хранитель времени, Мэдисон. Кайрос вновь завладеет им, только если твоя душа будет уничтожена! Лишь один из вас может быть темным хранителем времени.

Все поплыло у меня перед глазами. Должен же быть выход!

— Лишь один из нас? Это вряд ли. — Голова просто раскалывалась. — Я умею отрешаться от своего амулета. Может, именно потому, что он на самом деле мне не принадлежит. Как думаешь? Если я отдам его Кайросу весь без остатка, так, может, я стану восходящим светлым хранителем времени?

Барнабас перестал возить ногами по полу и повернулся ко мне, размышляя:

— Рон велел тебе не отрешаться от амулета.

Я вздрогнула и затаила дыхание от мелькнувшей в сознании обнадеживающей мысли.

— И Рон врал мне — нам. Нужно попробовать. Барнабас, не я восходящий темный хранитель времени! — Я, задумавшись, отвела взгляд от его решительного лица и пробормотала: — Мне нужно поговорить с Кайросом. Где он живет?

Барнабас оторопел.

— Нет, говорить с Кайросом ты не будешь! Да я и не знаю. — Падший ангел повернулся на стуле, чтобы оказаться ко мне лицом, и поставил ногу на сиденье. — Даже если ты восходящий светлый хранитель времени и можешь вернуть амулет, Кайрос все равно уничтожит твою душу, чтобы сдвинуть равновесие сил на свою сторону.

Нельзя так думать, нет-нет.

— Он смертный, значит, живет на земле, да? — спросила я, поднимаясь и глядя на

пустой столик приемной. — Если Кайросу нужен амулет, пусть возвращает мое тело. — Я щелкнула пальцем по внезапно потяжелевшему амулету. — Держу пари, Накита знает, где он живет. С ней все в порядке? Из нее вытащили черные крылья? Ты же слышишь песни между небом и землей. Какие там новости?

Барнабас не двинулся с места, недоверчиво глядя на меня из-под кудрей.

— Мэдисон...

— С ней все в порядке? — громко повторила я, упираясь кулаком в бедро. — Ты можешь кого-нибудь позвать? Ну давай же! Что толку быть жнецом, если сидишь сложа руки?

Барнабас раздраженно прищурился; потом его губы дрогнули в улыбке.

— Она в порядке, — сказал он, и узел у меня в животе ослаб. — Но мысль все равно плохая.

Я потянула жнеца за собой, и, к моему удивлению, он без сопротивления поднялся.

— Может, и плохая, но все-таки мысль. И если я восходящий хранитель времени, то рано или поздно стану твоим шефом. Давай же. Помоги мне найти Накиту.

Я шагнула вперед, но Барнабас заупрямился, и его рука выскользнула из моей.

— Не будешь ты ничьим шефом, потому что мертвая, — возразил он.

— Мне нужно извиниться. — Я снова схватила его за руку и потащила за собой. — И отдать ей амулет. Может, она тогда оставит Джоша в живых. Может, она потому его и не убила. Меня ждет.

Барнабас нахмурился.

— Хочешь отдать амулет темной жнице? Да ты вообще понимаешь, что говоришь?

— Это ее камень. Так в чем дело?

— Рон взбеленится. Заберет мой амулет, — пробормотал Барнабас, бросая тревожный взгляд на стоянку. — Не надо было тебе говорить.

Я подбоченилась, считая секунды: каждая — это еще одно мгновение, когда жизнь Джоша висит на волоске.

— Ты же знаешь, что поступил правильно. Я ведь не прошу меня оставить. А заберет Рон твой амулет — я сделаю тебе другой. Если это не очередное вранье и я никакой не восходящий хранитель времени, а просто-напросто несчастная грубиянка, которую вконец запугали.

Уф, как хорошо, что медсестра опять отошла. Но Барнабас все колебался.

— Да что ты слушаешь Рона? — воскликнула я с огорчением. — Он знал, кто я, и не сказал мне. Он приказал тебе учить меня тому, чего я никогда не сумею. Просто помоги мне, а? Я попробую спасти Джоша. И саму себя. Я могу снова стать собой!

Карие глаза Барнабаса поймали мой взгляд.

— Ты всегда была собой.

Я отстранилась, не понимая, что же он решил.

— Так ты мне поможешь?

Он встал передо мной, пошаркал ногами, и плащ опустился до самых щиколоток.

— Тебе кажется, у нас есть выбор?

Я кивнула:

— У нас есть возможность.

В том числе возможность выбраться отсюда до того, как приедут мой папа или родители Джоша.

Барнабас взглянул на стоянку, на заходящее солнце и поморщился.

— Что это я затеял? Поверить не могу.

— Так сможешь? — затаив дыхание, с надеждой спросила я.

— У меня будут таки-и-ие неприятности, — произнес Барнабас будто про себя, и мы вместе повернули к двойным дверям. — Я могу отнести тебя в безопасное место. Там Накита не сумеет тебе навредить. Хотя, по-моему, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Спасибо, — сказала я, когда мы устремились из дверей; внутри у меня все дрожало от волнения.

Я сумею убедить Накиту отдать мне за какой-то паршивый кусочек камня жизнь Джоша, а потом Кайроса — вернуть мне мою жизнь. Вот увидите.

Я напрягла все мышцы и зажмурилась, когда зеленые вершины приблизились. Не хотелось смотреть, как Барнабас складывает крылья и ныряет в маленький просвет в лесном куполе. В животе екнуло. Быстрый порыв ветра прошелестел листьями, и стало холоднее. Я открыла глаза как раз в тот миг, когда мы, пикируя, увернулись от дерева, и с размаху опустились на покрытое мхом бревно. Оно начало падать, я спрыгнула, и бревно с тихим шипящим звуком обрушилось.

Барнабас подался назад, замедляя падение, и спуганные волосы упали мне на лицо. Когда я обернулась, он уже стоял за бревном, крылья исчезли, плащ укрывал узкие плечи. Черты его лица, ясно различимые даже в сумраке, сковала тревога. Здесь росли большие деревья, почти без подлеска. Я обхватила себя руками, ощутив сырость. Тут и там без видимого порядка виднелись холмики. Похожие на... могилы.

— Где мы? — спросила я, неуклюже перешагивая через бревно, чтобы оказаться ближе к Барнабасу.

— Укромное место, — тихо ответил он. — Ступи серафим на землю — она бы содрогнулась, но есть места, где почва достаточно твердая, и в прошлом именно там бессмертные вели свои земные дела. На море такие области отмечаются огромными валунами, а здесь, где люди жили в согласии с природой, пока не оставили эти края, стоят такие холмики — там укрыты приношения ангелам с просьбой даровать мир людям. — Барнабас повернулся ко мне, и я вздрогнула, увидев его внезапно ставшее совсем чужим лицо. — Это мирное место. Если здесь прольется кровь, сюда спустится серафим. Накита этого не захочет.

Я вглядывалась в лесную чащу, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Странно здесь.

— Это точно.

Было слышно только, как шумит ветер в вершинах деревьев.

— А как я передам Наките, что хочу с ней поговорить?

Барнабас молча отошел от меня на добрых двадцать шагов, чтобы сигналы наших амулетов не смешивались. Глядя на темнеющие деревья, он сказал:

— Думаю, она ищет тебя. Ты уверена, что хочешь этого?

— Да, — твердо ответила я, но в глубине души мне было тревожно. Я на виду, моя душа поет для всех, кто способен ее слышать, заливаается колокольчиком, излучает свет, на который Накита может пойти. Я стиснула зубы, когда черное крыло беззвучно пролетело над поляной, но потом решила, что это и в самом деле ворона. Что-то невидимое привлекло мое внимание.

Барнабас, хрустнув веточкой, переступил с ноги на ногу и прошептал:

— Я тоже чувствую.

Я сглотнула.

— Что это?

Он посмотрел вверх, словно прислушиваясь.

— Не знаю. Похоже на жнеца, который боится. Как человек. — Барнабас вдруг что-то заметил позади меня и крикнул: — Мэдисон! Пригнись!

Я упала, шлепнувшись лицом прямо во влажную землю. По спине будто камень

прокатился, — что-то тяжелое придавило и потом отпустило. Я подняла голову, выплевывая попавшие в рот волосы и смахивая землю с губ.

Накита опускалась вниз на крыльях такой белизны, что они мерцали в сумраке. Едва ее ноги коснулись земли, крылья исчезли, как воспоминание.

— Ты в порядке! — воскликнула я. Одна из величайших глупостей, что я сморозила в жизни.

— Серафимы тоже мне лгут, — прорычала жница, и ее когда-то прекрасные черты исказились страхом и гневом. Я понятия не имела, что она имеет в виду, поэтому просто уставилась на нее.

— Подожди, Накита! — крикнул Барнабас, бросился между нами и тут же отскочил, когда сверкнул клинок. Накита вытянула руки, выгнула спину и напала снова. Я раскрыла рот, готовая выкрикнуть ненужное предупреждение, но меч Барнабаса, возникший из вечности и пустоты, уже скрестился с мечом жницы, и я вздрогнула — от звука этого удара, казалось, родилось эхо и деревья затрепетали. Наверное, Кайрос дал ей новый амулет. В рукояти меча теперь был черный камень, а у Барнабаса цвет амулета сместился еще дальше по спектру, он теперь сверкал ярко-желтым. Матово-черный камень Накиты казался мертвым.

— Мэдисон хочет извиниться, — сказал Барнабас, не давая Наките нанести удар. — Опустит меч в этом священном месте.

Накита улыбнулась, на лице отразилась пугающая решимость. Она была сама на себя не похожа в белой тунике, такой же, как одеяние Рона.

— Она мне нужна. — Голос жницы переливался так мелодично. — Ты сам принес ее сюда. Она моя.

Барнабас отступил на шаг, их мечи больше не соприкасались, и звон у меня в ушах утих.

— Она пришла сама. И хочет извиниться. Не выслушать будет для тебя позором.

Накита, как шальная, картинно взмахнула мечом, тоже отступила на шаг и жестом пригласила меня говорить. По-моему, для нее мои слова совершенно не имели значения, но это была моя единственная возможность.

Я испуганно повернулась к ней. Барнабас стоял рядом.

— Прости, Накита. — Мои слова таяли в пелене сумрака. — Я не знала, что черные крылья останутся у тебя внутри. Просто я не хотела, чтобы ты убивала Джоша. Вот твой амулет. — Я протянула дрожащую руку. — Это не подкуп, но, пожалуйста, позволь Джошу жить.

Накита нахмурилась, но когда я бросила ей амулет, поймала его и пристегнула к поясу.

— Амулеты мне дает Кайрос, а не ты, — заговорила она. — И твоя жалость нужна мне еще меньше, чем извинения. Серафимы говорят, что я в полном порядке. Я совершенна! — крикнула Накита в небо, тяжело дыша, и взгляд ее был дик. — Но они лгут!

Барнабас оттащил меня на шаг назад.

— Нужно уходить. Она не в себе. Этим ничего не поправишь.

— Я тоже не в себе. — Я подумала о своей прерванной жизни и вырвалась. — Накита, ты не передашь Кайросу весточку от меня? У него мое тело. Хочу его забрать. Я отдам ему амулет, если он пообещает оставить меня в покое. Просто хочу стать той, кем была раньше. Пожалуйста. Я так устала бояться.

Услышав слово «бояться», Накита вздрогнула, мерцающий сумрак позади нее расступился и показались изогнутые крылья, невероятно большие; кончики самых крупных

перьев подрагивали. Может, черные крылья из нее и вытащили, но внутри осталось нечто незнакомое ни одному жнецу. Страх. И он пришел от меня. Из моих воспоминаний.

— Я тебе не ангел на посылках, — горько сказала Накита. — Но мы с тобой отправимся к Кайросу. Ты воровка. Лгунья. Твоя душа и тело помогут ему вернуть меня прежнюю. Все будет как раньше. Он обещал!

Мое тело все еще у Кайроса. Спасибо тебе, Господи.

— Никуда ты ее не заберешь. — Барнабасу было невдомек, что теперь Накита в сто раз опаснее, чем прежде. Могущество ангела в ней соединилось с человеческой волей. Она познала страх и смерть и стала иной. Это я сделала ее такой.

— Она моя. — Накита ссутулилась, провела острием меча по земле, и во мху словно разверзлась рана.

Я покачала головой и попятилась.

— Накита, мне нужно только тело, живое и невредимое. Кайросу вовсе не обязательно уничтожить мою душу ради амулета. Я могу отрешиться от него.

Жница выпрямилась и злобно расхохоталась. Барнабас подобрался поближе ко мне для поддержки.

— Ты нужна Кайросу мертвой, тогда он исцелит меня. Уйди с дороги, Барнабас, или падешь первым.

— Ты не посмеешь, — Барнабас оттеснил меня, а Накита подняла меч с земли попутно вытерев с него грязь о ногу. — Сюда спустится серафим. Ты на это не отважишься.

— Почему же?! — воскликнула Накита и отступила, широко раскрыв глаза. — Мне нечего терять, Барнабас! — закричала она. — Знаешь ли ты, что такое страх? Да я рассмеюсь, если серафим захочет убить меня за то, что я осквернила заповедное место. По крайней мере все кончится, и мне больше не придется бояться!

Барнабас непонимающе сдвинул брови:

— Бояться?

Накита издала ужасный, рычащий звук. Он проник в мое сознание, и я оцепенела. А потом она двинулась с места.

Я едва не вскрикнула, когда она, развернув белые крылья, бросилась на Барнабаса. Тот припал на колени, отпрянув, расправил серые крылья и оторвался от земли. Я пригнулась в поисках укрытия. Мощный порыв ветра поднял листья с земли. Звон металла резал уши. Жнецы стояли, не давая друг другу двигаться, руки напряжены, Барнабас поднялся и бил крыльями, стараясь оттеснить Накиту назад.

— Я заполучу ее! — крикнула та, бешено хлопая крыльями, и попыталась силой одной своей воли пригнать Барнабаса к земле. — Я не останусь такой! Ни за что!

Барнабас бросился на Накиту и хотел сбить ее с ног. Белые и серые крылья хлестали по деревьям. Серебро сверкнуло в сумраке, Барнабас нырнул вперед, но было понятно, что он не в выигрыше. Он не хотел проливать кровь. А Наките было все равно, она в исступлении наносила удары, и жнецу все труднее становилось отражать их. Темная жница дралась с диким отчаянием, на которое способны лишь люди.

На шею неожиданно словно навалился тяжелый груз, и я ухватилась за амулет. Казалось, земля исчезла из-под ног. Кто-то... кто-то пытался воспользоваться моим камнем! Накита вскрикнула, и я поняла: это она хотела стать невидимой по моему рецепту. Она была слишком далеко от моего амулета, и он не привязывал ее к собственному телу. Зато Барнабас был близко.

С диким криком Накита ударила мечом по его клинку. Меч Барнабаса отлетел в сторону. Амулет у него на шее вспыхнул и погас. Жнец был беспомощен. Накита с воем прыгнула прямо на Барнабаса. Тот подобрался, готовясь к столкновению, но Накита оборвала связь со своим амулетом, стала невидимой и проскользнула сквозь жнеца, словно тот был из воды.

— Барнабас, берегись! — крикнула я, но поздно. Накита возникла позади него, повернулась — и вот ее меч уже у шеи Барнабаса, готов нанести удар.

— Нет, Накита! — Спотыкаясь, я подбежала к ним. Темная жница колебалась, ее губы растянулись в беспощадной победной улыбке. Так они и стояли, сцепившись друг с другом, два ангела смерти — один исступленный и безумный, второй потрясенный, побежденный.

— Г-где ты этому научилась? — заикаясь, проговорил Барнабас, оцепенев от прикосновения меча к горлу.

Накита, не сводя с меня глаз, наклонилась и прошептала Барнабасу на ухо:

— Удивительно, чего только не сделаешь, зная, что ничто не длится вечно, пока ты не вмешешься.

У меня пересохло во рту.

— Не убивай его, — взмолилась я. — Пожалуйста, Накита.

— Глупая девчонка. — Накита ехидно ухмыльнулась. — Какое тебе дело? Вот и никому нет дела. Он не сумел защитить тебя и принес ко мне. А теперь ты умрешь.

— Я пойду с тобой! Только не убивай его. Отведи меня к Кайросу, — вся дрожа, потребовала я. — Мне нужно поговорить с ним.

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказала Накита и отступила.

— Нет, Накита! — вскрикнула я, когда она ударила Барнабаса мечом плашмя по голове. Крылья светлого жнеца беззвучно опали, и он рухнул навзничь на мшистую почву. Крылья легли сверху, он словно уснул — отдыхающий в лесу ангел.

Мое сердце снова забилося, и я попятилась. Накита двинула крыльями и улыбнулась. Одно мягкое белоснежное перо выскользнуло из крыла и опустилось на зеленый-зеленый мох.

Я бросилась бежать.

Шум в воздухе — и Накита уже нагнала меня. Вот и все, так быстро.

— Отпусти! — крикнула я. Становиться невидимой нет смысла, раз она тоже это умеет. — Почему ты никак не оставишь меня в покое?!

— Я хочу быть прежней, — прорычала Накита, крепко прижимая меня к себе. — Не хочу больше бояться. Черные крылья... — Голос ее напряженно зазвенел, слова зазвучали отрывисто. — Я никогда не ведала страха. А потом узрела его и подумала, что тебе такого не вынести, но нет. Не хочу больше бояться. Хочу, чтобы все было, как раньше. Кайрос может все вернуть. Но для этого ему нужен амулет.

Мой амулет, с вызовом подумала я и тут же вскрикнула — мы поднялись в воздух, пригнулись, вылетая из-под кроны, и вырвались к свету. Накита крепко сжимала меня одной рукой, мои ноги болтались в воздухе, пока я не нащупала ее носки и не встала на них. Ну прямо словно друзья-товарищи!

— Мне жаль, Накита, — сказала я, пока мы набирали высоту. — Я не знала, что черные крылья причинят тебе вред. Но ты хотела меня убить!

— Это была моя задача и твоя судьба. — Она сжала меня еще крепче. — Я не могу жить так, как сейчас. И я стану прежней!

Воздух был холодный. Накита без предупреждения начала снижаться, ее крылья сомкнулись вокруг нас, окутывая уютным теплом. Я попыталась брыкаться, и по тому, как ухнуло и завертелось в животе, поняла, что мы падаем.

— Уймись, — рыкнула Накита, и весь мир вывернулся наизнанку.

Я вскрикнула, сознание было не в силах принять полное отсутствие мира. Ни звука, ни прикосновения — ничего. словно это я была черным крылом, которое никогда не существовало, однако извело ужас знания о чем-то большем, теперь утраченном. Я падала, но никакой опыт не мог мне подсказать, кончится ли это когда-нибудь.

Вдруг крылья Накиты снова окутали меня и согрели своим теплом. Я вдохнула ее аромат, судорожно и с облегчением глотая воздух, — присутствие жницы вернуло мне рассудок. Мы не двигались, а потом ее рука опустила меня, и я стукнулась коленями о твердый пол. Перебарывая дрожь во всем теле, я силилась подняться. Неуклюже попятилась, наконец встала, соображая, что же случилось. Я ударилась спиной о толстую колонну, поддерживающую белый свод, и замерла в удивлении.

Я стояла на веранде черного мрамора, пронизанного золотыми жилками. Между верандой и убегающей вниз дорожкой к узкому пляжу не было ограды. Солнце почти опустилось за горизонт, но холодный и влажный воздух совсем не походил на закатный. Оно не садилось за спокойный океан, а поднималось из-за него, и, глядя на редкие растеньица с маленькими листочками и жесткими стеблями, привыкшие выживать в засуху, я поняла, что оказалась где-то на другом конце Земли.

Раздались звуки чьих-то шагов, я обернулась и непроизвольно пригнулась. Это была Накита, но она не обращала на меня внимания, и я распрямилась. Крылья жницы исчезли, она тихо стояла подле Кайроса, который сидел за столиком со старинными книгами и подносом с завтраком. На темном хранителе времени были свободные одежды, как обычно у Рона, он казался молодым, удивительно утонченным и изящным, статным и высоким, на лице его застыло спокойное выражение удовлетворенного ожидания.

Я испуганно огляделась: широкие окна, открытые всем стихиям, сам дом притулился на склоне холма. Занавески то влетали внутрь, то выбивались наружу, увлекаемые ветром. Я могу умереть здесь, и папа никогда ничего не узнает.

— Это твой дом, да? — прошептала я, и ветер отнес мои слова к Кайросу.

Он, улыбаясь, поднялся и пошел мне навстречу.

А я была мертвая. Така-а-ая мертвая...

— Какая пронизательность. — Голос Кайроса, как и выражение лица, был холоден.

Мои желтые кроссовки скрипнули, когда я бросилась бежать, но бежать было некуда. Одно движение — и Накита оказалась возле меня, я увернулась от ее рук. Она поморщилась, толкнула меня, я упала. От удара локтем о черный гранит меня пробрало до самого позвоночника. Я попыталась подняться, но Накита подсунула под меня ногу, и вот я уже лежу на спине.

Я замерла, когда они оба встали надо мной. От пятна грязи у Накиты на ноге пахло землей. Черный камень у меня на спине был холоден, как ночная стужа, а небо наполнено нежным, прозрачным светом.

— Как быстро может закатиться звезда ангела, — сказал хранитель времени, и голос его звучал, как музыка. Когда-то я думала, что слышу в нем море, что сам Кайрос красивый, воплощенное изящество, утонченность, искушенность, — но теперь осталось лишь гнилое зловоние мертвой морской воды. Я заметила в его руке меч, и узнала тот самый, которым он убил меня на дне оврага.

— Опять?! Нет! — пробормотала я и отшатнулась. Бежать! Ощувив спиной колонну, я оперлась на нее и, вцепившись в выступающие края, подтянулась вверх. По привычке судорожно вздохнула, уворачиваясь от меча Накиты.

Раздался резкий щелчок — это Кайрос достал свой меч и с пугающей беззаботностью готовится нанести смертельный удар.

— Терпение, Накита, — сказал темный хранитель времени. — Можешь убить ее, но сначала я отыщу ее тело. Нужны все три составляющие, иначе ничего не выйдет. Одно мгновение — и я его найду.

Я ринулась прочь, стараясь отбежать как можно дальше. Накита бросила на меня быстрый взгляд.

— Ты же говорил, оно поблизости.

— Так и есть. Дай мне сосредоточиться, ладно? Как только найду, оно появится здесь, и ты сможешь ее убить.

Он казался озабоченным, и я стояла, перепуганная до смерти, и не знала, что делать. Я бы, конечно, сбежала, да только некуда. Это же остров. Знакомое ощущение — когда со всех сторон плещется вода.

— Кайрос, верни мне тело и отпусти, а я отдам тебе твой дурацкий амулет, — сказала я, изучая горизонт в поисках спасения. Меня трясло, и я прокляла свой дрожащий голос. — Если я и восходящий хранитель времени, мне плевать. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, ладно?

Кайрос запрокинул голову и раскатисто захохотал, а я заметила, что Накиту мои слова очень удивили. Она не знала. Кайрос ей не сказал. Для нее я была просто-напросто ошибкой.

— Кто тебе сказал? — спросил Кайрос, смахивая слезинку. — Уж не Рон ли? Или сама догадалась? Забавно, я как раз и собирался вернуть тебе тело, ведь пока ты не умрешь и не исчезнешь, отдавай — не отдавай мне амулет, воспользоваться им я не смогу.

— Я могу отрешиться от него. Вчера научилась. Он будет целиком принадлежать тебе. А мне Рон может сделать новый. Просто отдай мне тело и отпусти, хорошо?

Воздух задрожал, я обернулась и воскликнула:

— Рон!

Барнабас, мелькнула мысль. Как он? Потом глаза мои сузились. А с чего это я так рада видеть Рона?

Накита кинулась ко мне, схватила за руку, я вырывалась — пока не почувствовала острие меча у горла, безжизненный самоцвет с палец величиной тускло поблескивал в нескольких сантиметрах от моих глаз. Черт возьми! Как у нее получается так быстро двигаться? От заверения Кайроса, что мое тело где-то близко, я вся оцепенела. Если оно окажется здесь, Накита погубит меня навеки.

— Слишком поздно, Рон, — Кайрос посмеивался над моим изумлением. — Забавно, — весело обратился он к Наките, — властелин времени — и опоздал.

Мои ноги заскользили на гладком камне. Не подхвати меня Накита, я бы сама напоролась на ее меч. Мне было так страшно.

Рон склонил голову. В свете восходящего солнца в лице его, когда он вновь поднял на меня глаза, отразилась решимость. Решимость и... вина? Да уж, самое время.

— Отпусти ее, Накита, — начал убеждать Рон. — Кайрос тебе не поможет, даже если вернет свой амулет. Мэдисон — восходящий хранитель времени. И уже предрешено, чье место она займет.

Накита тихонько втянула воздух, ослабила хватку, понятно было, что она поражена. Кайрос выступил вперед и проговорил:

— Я не лгал. Пока не попробую, не скажу наверняка, получится или нет.

— Она восходящий хранитель времени? — переспросила Накита, и я вздрогнула, когда ее меч плавно двинулся и его острие вместо моей шеи указало на Кайроса. Увидев это, он с комической поспешностью застыл на месте. Жница быстро справилась с потрясением, вызванным словами Рона.

— Накита, — упрашивал Кайрос, — может, я и сумею тебе помочь. Убери меч.

— Ты сказал, что избавишь меня от страха. — Жница сжала меня крепче. — Сказал, серафимы пели о том, что ей суждено умереть, и я должна забрать ее. Так она восходящий хранитель времени?! Ты послал меня сжать душу хранителя времени, потому что боишься смерти? Так думает Хронос!

Голос Накиты гремел у меня в ушах — это был праведный гнев ангела, которого сбили с верной дороги. Кайрос стиснул зубы, полы его одежд заколыхались, когда он отступил на три шага. Мгновение и я гадала — она удерживает меня, чтобы убить... или чтобы защитить?

— Ну да, я солгал, — признался Кайрос, вернулся к столу, встал боком и дотронулся до маленького кувшина на подносе. Тень хранителя времени протянулась до самых моих ног. Новый, менее могущественный амулет сверкнул в луче, и я вздрогнула. — Я властвовал над временем и тобой больше тысячи лет, Накита. И не собираюсь тихонько уйти, раз серафимы предназначтали мне уступить, обучить другого и раствориться в смерти. И уж тем более не ради девчонки, которая едва ли доросла до того, чтобы считаться женщиной.

— Ей столько же, сколько было тебе, когда ты убил своего предшественника, — мрачно заметил Рон. — Забавно, как такое аукается.

Верхняя губа Кайроса задрожала, но он не сводил глаз с Накиты.

— Она не может быть хранителем времени, — уверенно заявил он. — Она мертвая. Я сам ее убил.

Рон шагнул вперед и тут же остановился — Накита перевела острие меча на него, потом

снова на Кайроса.

— Она украла твой амулет, — сказал Рон. — Думаю, раз ей это удалось, неважно, живая она или мертвая. Мэдисон уже отвоевала свое право на превосходство. Она подчинила себе ангела-хранителя, который должен был выполнять мои приказы, просто дав ему имя, а теперь она под защитой Накиты. Ты проиграл, Кайрос. Все кончено. Отпусти ее. Смирись.

А я по-прежнему была в руках темной жницы.

— Кайрос? — Голос Накиты звучал выше обычного: она не могла понять, что происходит.

Внезапно у меня закружилась голова, ноги стали ватными. Я в страхе замерла, когда от легкого дуновения ветра волосы упали мне на глаза, и мне уже не было видно Кайроса, лишь меч Накиты застыл между нами.

— Я не восходящий темный хранитель времени, — сказала я, когда Накита оттащила меня на шаг назад, — а светлый. Потому и хочу обменять амулет Кайроса на свое тело. Рон, мое тело у него. Я могу снова стать прежней! Скажи ему, что я могу оборвать связь с его амулетом! — Я взглянула на Кайроса — он явно мне не верил. — Могу! Я уже так делала! Рон, скажи ему! Скажи, что я восходящий светлый хранитель времени!

Но Рон уставился в землю, и я перепугалась.

С наигранным облегчением Кайрос плеснул янтарную жидкость в хрустальный бокал, отхлебнул и поставил бокал на столик.

— Так и не поняла? Тебе было предназначено стать моей ученицей, Мэдисон. Иначе зачем мне было срезать твою душу? Рон не возьмет тебя, даже если захотел бы. Он уже больше года учит нового светлого хранителя времени.

Что за... Я в бешенстве уставилась на Рона, и по тому, как он потупился, поняла, что Кайрос говорит правду.

— Вот сын дохлого щенка, — прошептала я. — Так ты знал?! У тебя другой ученик? И поэтому ты сплавил меня Барнабасу?

Рон поморщился. Сделал еще шаг вперед, а Накита оттащила меня назад на два. С отвращением я сбросила с себя ее руку и выпрямилась в сиянии нового дня — сама по себе. Темная жница повернулась лицом к солнцу, преклонила колена, положив меч на другое, и опустила голову. Она словно молилась: волосы скрыли лицо и тихие, неземные причитания полились из ее уст.

— Я поступил так ради человечества, — убеждал меня Рон. — Ты могла бы остановить череду несправедливых смертей, если бы стала равняться на меня. Подумай только! Темный хранитель времени, который верит в выбор! Больше не срезаются души, не обрываются раньше срока жизни! Кайрос утратит власть, и когда ты займешь его место, воцарится мир.

— А с чего ей равняться на тебя? — воскликнул Кайрос. — Ты спрятал ее от серафимов, отделался пустыми отговорками, рассказками о каких-то исследованиях, лгал тем, кто все мог исправить. И ты виноват, что теперь правда открылась, а наши ухищрения скрыть ее, чтобы грызться за Мэдисон, как собаки за объедки, пошли прахом. Ты нашептывал ей лживые истины, склоняя выбрать то, что угодно тебе. Ты доверил ее обучение жнецу, заранее зная, что ему не справиться, а сам готовил себе смену. Тебе было невыгодно, чтобы Мэдисон получила нужные знания: ведь если бы все открылось и она заняла мое место, ее неведение было бы тебе на руку. — Кайрос повернулся ко мне. — А ты позволила ему так поступить.

Я отрицательно покачала головой. Я не знала. Откуда бы?

И тут же подпрыгнула на месте: крылья Накиты нежно коснулись меня. Меч жницы исчез, и она была смущена. Что ж, я и сама все это испытала: предательство, смутение, страх.

— Во всяком случае, я не пытался ее убить, — пробормотал Рон.

— Нет, но держал ее в неведении.

— Я спас ее! — возмутился Рон.

— Ты меня не спас. — Губы мои двигались с трудом. — Я умерла. Помнишь?

Легкий ветер с пляжа подхватил мои волосы, и пурпурные кончики защекотали щеку. Я пыталась понять. Но это неразумно. Какой из меня восходящий темный хранитель времени, если я не верю в судьбу?

Рон двинулся вперед, и я вернулась к реальности.

— Стой! — крикнула я, протягивая одну руку, а второй схватила амулет. Рон остановился, будто загнанный в тупик.

— Серафимы предрешили, что Мэдисон займет твое место? — спросила Накита срывающимся голосом. — Ты послал меня убить ту, кто будет моей повелительницей? Ту, кто следующей будет охранять волю серафимов?

Кайрос, нахмурившись, взглянул на нее.

— Она бы не стала твоей новой повелительницей, позволь ты мне уничтожить ее душу. Если бы она исчезла, я бы жил вечно и занял место в высшем круге. — Кайрос принял величественную позу. — Я стану бессмертным. Бессмертным, Накита! — Он говорил с таким жаром, что, поведя рукой, чуть не опрокинул бокал. — Тогда мы смогли бы направлять потоки времени по нашему усмотрению — вечно! Вообрази!

— Ты обещал помочь мне, — прошептала Накита, голос ее прозвучал тише ветра.

Кайрос раздраженно взглянул на нее, но глаза его сузились, когда он осознал, какую угрозу она теперь представляет.

— Давай свой амулет. — Он протянул руку, Накита не повиновалась, и хранитель времени — гневный господин — шагнул к ней.

Я едва не вскрикнула и с трудом удержалась на ногах, когда Накита оттолкнула меня за себя. От резкого звона, казалось, задрожал свет утреннего солнца. Подняв глаза, я увидела, что амулет Накиты в руках у Кайроса, и тот быстро шагает к столику. Теперь она беспомощна. Черт! И что же дальше?

— Я по-прежнему твой господин, негодный ты ангел! — сказал Кайрос, и источник Накитиной силы звякнул по столу. От улыбки хранителя времени страх пробрал меня до костей. — Так вот, Мэдисон. О твоём теле.

О боже. Мое тело у него. Он может уничтожить мою душу. Рон стоял неподвижно, да я ничего и не ждала от него.

Накита опустилась на колени перед Кайросом, лицо ее побледнело, по щекам струились слезы.

— Ты обещал исцелить меня, — с отчаянием произнесла она. — Я не хочу больше бояться.

Несмотря на страх, во мне разгоралось сострадание. Она была падшим, дважды преданным ангелом. В ней воплотилась невинность существа, наделенного от природы могуществом и познавшего смерть.

— Ты обещал, Кайрос, — тихо-тихо сказала Накита, а слезы все текли у нее из глаз, она смахнула их и как будто сама изумилась тому, что плачет. — Черные крылья пожирали мою

память. Память — все, что у меня есть. Я верила тебе. Ты послал меня на убийство, потому что боишься смерти?

— Я стану бессмертным! — в порыве гнева выкрикнул Кайрос. — Разве тебе ведом страх смерти?! Ты существуешь от начала времен и будешь существовать до их скончания!

Накита поднялась, воздух мерцал там, где, расправь она их, были бы ее крылья.

— Я знаю, что такое страх смерти, но все еще живу по воле серафимов, — голос ее дрожал. — Я живу, а ты по их воле умрешь.

Кайрос с ухмылкой коснулся ее амулета на столе.

— Как, Накита? Ты принадлежишь мне.

Но она сдернула с пояса перевязанный черной лентой белый камень на простом черном шнурке. Он не был похож на тот, что я вернула ей в лесу, и Кайрос покачал головой, словно это ровным счетом ничего не значит. Накита провела по камню большим пальцем, и с него словно осыпалась соль, оставив гладкую черную поверхность, сверкающую бесконечностью. Это был тот самый камень. Как будто я хранительница Накиты. Я окрасила его своими слезами — и одарила ее символом своего горя, расплаты за то, что нарушила невинность ее существования.

Накита зажала камень в руке и сказала, обращаясь ко мне:

— Я принимаю тебя! — Хотя угрожающее выражение на ее лице предназначалось не мне, а Кайросу.

— Нет! — вскрикнула я и бросилась вперед, когда яркой черной вспышкой мелькнул ее меч.

Накита сделала выпад и вонзила клинок прямо в Кайроса.

Рон в смятении вскрикнул, но помешать не успел. Все уже свершилось.

Кайрос посмотрел на свой живот без единой отметины, поднял удивленный взгляд на фиолетовый амулет на столике и заглянул Наките в глаза.

— Ты все нам испортила, — шепнул он и рухнул.

Накита успела подхватить его и нежно, почти с любовью опустила на гладкий пол.

— Судьба, Кайрос, — прошептала она со слезами и закрыла ему глаза. — Серафимы предрешили, что она займет твоё место. Твой круг завершился. Это не поражение. Просто перемена.

— О господи! — в ужасе воскликнула я, не в силах пошевелиться. — Ты его убила! Как ты... Он умер!

Рон с сожалением вздохнул, и я испуганно повернулась к нему. Если Кайрос умер, значит...

— Он же не умер, — проямлила я. — Скажи, что он не умер.

— Он ушел, — ответил Рон, и я отскочила, когда передо мной внезапно оказалась Накита — она опустилась на колени и протянула мне свой меч.

— Нет, Накита! — в замешательстве вскрикнула я.

— Моя госпожа, — настаивала она, в страдание проступило в выражении ее лица, — я больна.

— Перестань. Перестань! — Я, как безумная, пыталась поднять ее. Она была так прекрасна. Она ангел. Не ей преклонять передо мной колени. — Н-не надо, — с запинкой проговорила я. — Я не темный хранитель времени. — И я оглянулась на Рона, который стоял, скрестив на груди руки.

— Ты хранительница небывалой справедливости, — улыбнулась мне Накита, — данная

нам по велению серафимов. Способная понимать время и направлять его по своей воле.

— Нет! — упиралась я, глядя на тело Кайроса. — Ты только что убила его!

До меня долетел тяжелый вздох Рона:

— Да.

Я посмотрела на него и застыла. Позади него возникла фигура, которую невозможно было рассмотреть в свете восходящего солнца. Перехватив мой взгляд, Рон обернулся. И, издав какой-то сдавленный звук, заковылял прочь, чтобы не стоять между нами. Это был серафим. Кто же еще?

— В доме хранителя времени пролилась кровь, — звуки его мелодичного голоса причиняли боль. В нем была мощь океанских валов и нежность прибрежных волн, и я едва не расплакалась. Невыносимо. Это уже слишком.

— Я принесла жертву, чтобы вы слышали мою мольбу. — Накита стала подле серафима, склонив голову.

Ее меч по-прежнему лежал у моих ног, и я его подняла.

Серафим кивнул. Может, надо реверанс сделать или на колени встать? О боже. Это же, елки, серафим! А я тут стою в желтых колготках и сережках с черепами.

— Она заняла свое место, — продолжала Накита. — Я представляю ее вам и прошу о милости. Я хочу стать прежней. Я больна. — Она подняла глаза, слезы текли по ее прекрасному лицу. — Я боюсь, серафим.

— Это не болезнь, Накита, — ласково сказал серафим. — Это дар. Возрадуйся своему страху.

Серафим повернулся ко мне, и у меня пересохло во рту.

— Я не темный хранитель времени, — пробормотала я и совала Наките в руки меч, пока она его не взяла. — Такого быть не может! Я же ничего не знаю!

— Узнаешь. В свое время. — Судя по голосу, серафима это, как ни странно, забавляло. — А до тех пор я постараюсь, чтобы все шло гладко. Не мешкай. Моего голоса уже не достает в хоре.

— Но я не верю в судьбу! — воскликнула я. Бросила взгляд на Рона — похоже, и насчет свободного выбора у меня тоже есть сомнения.

— Вера в судьбу не есть необходимое условие, — прозвучал мелодичный голос. Казалось, серафим занимает собой весь мир, хотя он был не намного выше меня. — Кайрос вот не верил. Судя по всему. — Серафим посмотрел на Рона, и я быстро перевела дух. — Впрочем, ты веришь. Хотя и говоришь иначе.

Рон не двигался, пока серафим не отвел взгляд, и лишь потом облегченно обмяк.

— Но мне не нужна работа! — Похоже, мои желания не имели никакого значения, и это вывело меня из себя. — Можно я просто заберу свое тело, и все станет, как было, пожалуйста?!

Серафим казался потрясенным — если это вообще применимо к божественным существам.

— Тебе это не нужно? — переспросил он, и Рон шагнул вперед, словно желая возразить.

— Нет! — Во мне вспыхнула надежда. — Я просто хочу быть собой. — Я поспешно сорвала с шеи амулет. И собрав всю свою храбрость, кинулась к серафиму и вложила камень в его руки. Сердце снова забилося и, смущаясь оттого, что не могу его обуздать, я отступила. Кольнула тревожная мысль: не нарушила ли закон, подойдя к серафиму так близко? В лицо ему смотреть я не могла. Слишком больно.

Серафим взглянул на амулет так, словно в его сверкающей руке лежало великое сокровище. Камень мерцал бесконечной чернотой, а серебряные прожилки загорелись жарким золотом.

— Ты и есть ты.

— Пожалуйста, — взмолилась я, бросив взгляд на Кайроса, мертвого и забытого на плитах пола. — Вы можете сделать меня прежней? Вернуть обратно в тело?

Я приободрилась — серафим улыбнулся так лучезарно, что мне пришлось сощуриться.

— Если таков твой выбор, — с неожиданным юмором произнес серафим. — Где оно?

Готовый вырваться восторженный крик потонул в смятении:

— Оно у Кайроса...

Мне стало худо, стоило взглянуть на Накиту, а потом на молча стоявшего поодаль Рона. От него помощи ждать не стоит. Я снова обернулась к серафиму.

— Наверное, оно в доме. — Без амулета на шее я чувствовала себя обнаженной.

— Оно бы уже к этому времени разложилось, — сказал Рон.

Волны тревоги и ужаса прокатились по мне одна за другой. Кайрос дал моему телу разложиться? Так значит, все было впустую?

— Он прав, — сказал серафим. — Твоя материальная оболочка не на Земле.

Пошатываясь, я добрела до столика и тяжело опустилась на стул, ноги отказывались меня держать. Поставила локти на покрытый плиткой стол и едва не опрокинула бокал Кайроса. Сама не зная зачем, поставила его на место. Никто ведь не будет допивать. Это бокал мертвеца.

— Он говорил, оно близко, — прошептала я, оглушенная. Где же мое тело, если не на Земле?

Что-то заслонило солнечный свет, я подняла взгляд: это серафим сел передо мной — ситуация удивительная и вместе с тем повергающая разум в оцепенение.

— Скорее всего, твое тело где-то между настоящим и будущим.

Мое сердце обратилось в пепел; я заморгала, стараясь различить черты серафима. В словах его звучала надежда.

— Между настоящим и будущим? Что это значит?

Я на другом краю света, сижу за столом с ангелом. Ну и чудеса!

— Это значит, что оно потеряно, но его можно найти, — сказал серафим. — В единственном месте, где Кайрос оставил бы твое тело — так, чтобы надежно спрятать и легко достать. Между настоящим и будущим.

Я облизнула губы и взглянула на тело Кайроса.

— Вы можете отвести меня туда?

Серафим опять улыбнулся, и я потупилась.

— Невозможно «отвести туда». Оно просто есть и все. Ты сможешь видеть то, что есть между настоящим и будущим, когда окажешься внутри времени. — Серафим совсем человечески прокашлялся и протянул мне амулет. — Что ты выберешь — принять его или кануть в вечность?

Как будто у меня и в самом деле есть выбор.

Ветер с океана трепал мою челку, я взглянула на Накиту, прекрасную и растерянную — она растирала между пальцами влагу своих слез, пытаюсь понять, что же это такое.

— А можно я приму это на время? Пока не найду свое тело.

Серафим рассмеялся, прекрасный звук сотряс воздух, столик перед нами треснул.

— И это ты не веришь в судьбу! — весело сказал серафим, чем-то напомнив мне Грейс.

— Я серьезно. — За резкостью ответа я попыталась спрятать потрясение от вида сломанного столика. — Могу я заниматься этим, пока не найду свое тело, а потом вернуть амулет? — Я просто хочу снова стать живой.

Преодолев смущение, Накита подошла к нам. При виде нее лицо серафима сделалось задумчивым, и он осторожно сказал:

— Если таков твой выбор.

— Выбор? — мрачно переспросила я. — Я думала, вы за предопределение.

— Выбор есть всегда.

Я взглянула на Кайроса и подавила дрожь.

— Кайрос говорил, есть лишь судьба.

— А Хронос — есть лишь свободная воля, — нараспев проговорил серафим.

Он на что-то решился. Странно было с ним разговаривать. В нем ощущалась детская искренность и невероятная мощь. Я облизнула губы и повернулась так, чтобы не видеть Кайроса.

— А что же верно? Выбор или судьба?

— И то и другое. — Тихое шуршание скользящей ткани было словно солнечный свет, серафим опустил передо мной на колени и с мольбой протянул мне амулет.

Я испуганно вскочила.

— Не надо, — прошептала я. Лишь бы никто не обращал на меня внимания. Меня сейчас стошнит. Стошнит прямо на этот красивый пол.

Серафим поднял глаза, и когда наши взгляды встретились, я едва не ослепла, голову пронзила боль.

— Я чту тебя. Тебе под силу недоступное мне, — тихо проговорил серафим. — Недоступное, невзирая на то, что я есть и то, чем я был. Ты человек. Вас любят за способность творить как хорошее, так и плохое. Я могу убивать, ты — создавать. Даже создать... завершение. — В голосе серафима послышалась тоска. — Такое мне никогда не будет подвластно. Прими это. Твори.

Я устала на свой амулет. Он был красивый, в середине черного камня мерцали крошечные серебряные огоньки, словно звездочки. Я не могла поднять на серафима глаз — это было так больно, — но чувствовала, что он мне улыбается.

— Мэдисон, по велению судьбы — не по выбору — Кайрос отправился убить тебя. Судьба придала тебе храбрости, чтобы ты завладела его амулетом. Судьба определила сотни мгновений, чтобы привести тебя сюда. И все же тебе нужно выбрать — занять свое место или вернуться к прежнему.

Я все-таки сомневалась, стоит ли отказываться.

— А что бы выбрал ты — будь такая возможность?

Серафим засмеялся.

— Ни то ни другое, это же я. Выбор? Судьба? Одно и то же. Не вижу разницы. Потому только человек может поворачивать время по своей воле. С моей высоты заглянуть за угол времени несложно, трудно отделить будущее от прошлого.

Это был выбор без выбора. Судьба, основанная на свободе выбора. Я не хочу умирать, значит, остается всего один вариант. И я, словно во сне, протянула руку к своему амулету, своей жизни. Кожа серафима была прохладной, и когда наши пальцы соприкоснулись, я почувствовала, как у меня в мыслях развернулись необозримые пространства. Камень был

теплый, мои пальцы сомкнулись, вновь обретая над ним власть.

Серафим поднялся.

— Свершилось. Она заняла свое место.

Вот и все, так быстро. Никаких тебе фанфар и труб. Амулет лежал у меня на ладони, и казалось, так было всегда. Я обескураженно оторвала от него взгляд. Так что? Я теперь темная хранительница времени?

Рон вздохнул, Накита стояла подле меня, и в ее широко раскрытых глазах трепетал страх — она боялась, что я прогоню ее.

— Что ты велишь мне сделать? — прошептала она.

Я смущенно взглянула на серафима, и он сказал:

— У тебя есть желание. Она его исполнит.

— Спаси Джоша. — Это так просто, изумилась я. После всего, что я сделала, нужно только попросить? — Помоги Барнабасу.

Брови Накиты поднялись, губы приоткрылись.

— Я никогда этого не делала, — сказала она, а Рон, похоже, поперхнулся.

— Пожалуйста, — добавила я и положила ладонь на ее руку, сжимавшую меч.

Накита кивнула и раскрыла возникшие из ниоткуда крылья. Завернулась в их сверкающую белизну, в воздухе раздался легкий вздох — и она исчезла.

— Хорошее начало, — сказал серафим, и я обернулась к нему. — У тебя хороший взгляд, Мэдисон. Твой друг Джош еще многое сделает для других. — Он, улыбаясь, наклонился ближе ко мне. Я не могла двинуться, когда прямо в меня заструился аромат чистой воды, умирняя тревоги, наполняя миром. — Тебе надо идти, пока папа не позвонил, — добавил серафим, поцеловал меня в лоб, и я потеряла сознание.

К обычному шуму первого школьного дня время от времени добавлялся стук — это хлопала дверца одного из шкафчиков. Учителя даже не потрудились поставить на него замок. В Трех Реках не так много народа, и преподам не приходилось стоять между уроками в коридорах, как в моей старой школе — там было столько учеников, что на переменах надо было следить за порядком. Еще одно преимущество жизни в маленьком городке.

Я сунула учебники в шкафчик и вытащила расписание. Поверху шла надпись «Выпускной класс», и я не сдержала улыбки. Выпускной. Приятно. А еще того лучше — я больше не новенькая. Не-а. Меня вытеснили с этой звездной позиции.

— А что такое домоводство? — задумчиво спросила Накита, прищурившись на тоненькую желтую бумажку в руках. Сегодня с утра я помогала ей подобрать одежду, и жница здорово смотрелась в стильных джинсах и сандалиях, откуда выглядывали крашенные черным лаком ногти. Это не я их красила. Видимо, просто у темных жнецов черные ногти на ногах.

По другую руку от меня Барнабас поправил на плече сумку — он был в джинсах и футболке, не отличить от остальных ребят.

— Тебе понравится, Накита, — усмехнулась он. — Научат тебя все смешивать. Только постарайся не срезать душу своей напарницы, если у вас подгорит печенье.

Я проглотила смешок, представив, как изящная и красивая, но временами ничегошеньки не понимающая темная жница разбирается с чековой книжкой или микроволновкой. Снова взглянула на расписание. Физика. Самостоятельные занятия. Продвинутый английский с Джошем. Фотография. Хороший намечается год.

Озадаченная Накита отступила от шкафчиков, да так, что ее чуть не смело людским потоком.

— А какое отношение печенье имеет к экономике? — спросила она, грациозно откидывая волосы назад — большинство моделей тратят годы, чтобы такого добиться. Она была великолепна — волосы, глаза, — мне так и казалось, что все глазают на нас, не понимая, что она делает рядом со мной. По легенде, они с Барнабасом приехали учиться по обмену, — если честно, тут не обошлось без ангельского вмешательства. Для всех они жили у меня. На самом деле было куда... интереснее.

Голос Эми перекрыл школьный шум, я так и застыла — вернее, просто спряталась за открытой дверцей шкафчика. Эми я не боюсь, но ее замашки королевы бала выводят меня из себя.

— Привет! — раздался ее бодрый голосок, и я съежилась — это она, оказывается, Наките. За Эми толпилось стадо преданных олухов, я притворилась, будто что-то ищу. — Я Эми. — Прожурчала она. — Ты, наверное, и есть новенькая. А это твой брат? Красавчик!

Барнабас с копной кудряшек и широко распахнутыми глазами был сама очаровательная невинность. Я улыбнулась. Он и правда не знал, как хорош.

— Эта лепешка коровья? — неприязнь Накиты почти видимыми грязными кляксами шлепалась на модные туфельки Эми. — Вроде того. Но это не значит, что он мне нравится.

— Понимаю, — Эми изобразила прочувствованный вздох. — У меня тоже есть брат. — Она протиснулась мимо меня к Барнабасу, и девчонки позади нее захихикали. — Я Эми. — Она улыбнулась и протянула руку.

— Барнабас, — жнец ринулся мимо меня и на ходу приобнял Накиту, лишь бы не жать Эми руку. — Это Накита. Моя любимая сестренка. Мы из Норвегии.

Из Норвегии? Подружки Эми зашушукались, я усмехнулась.

— А у вас совсем нет акцента. — Эми мало беспокоило это пренебрежение. — Может, сядете сегодня за мой столик?

Приятно позавтракать в дурацкой компании. Я не вытерпела и хлопнула дверцей шкафчика.

— Мэдисон, дорогуша! Я тебя не заметила, — проворковала Эми. — Кофточка — умереть не встать. Очень в твоём духе. Моя сестренка точь-в-точь такую в прошлом году отдала в приют.

Накита учила меня, как с помощью амулета черпать энергию из потока времени и создавать из нее меч, и мне дорогого стоило удержаться и не попробовать прямо сейчас.

— Привет, Эми. Как твой нос? Собираешься сбрить шишку к тому дню, когда нас фотографировать будут?

Хотя это, по-моему, не хуже меча.

Эми вспыхнула, но я была избавлена от возмездия — ее свита с хихиканьем расступилась, и к нам прошествовал Лен.

Накита быстрым движением сгребла его за шею и шандарахнула о шкафчик. Я обомлела. Вокруг раздались визги и свист.

— Тронешь меня там еще раз — умрешь, свинья, — чеканя каждое слово, сказала Накита.

Лен вытаращил глаза, а физиономия его от удара по ребристому металлическому шкафчику, была вся красная. Барнабас смеялся, но провести первый школьный день в кабинете директора мне не улыбалось.

— Э-э, Накита, — окликнула я.

Жница судорожно вздохнула, окинула взглядом обращенные к ней лица и отпустила Лена. Он пошатнулся, едва сохранив равновесие, но сохранить гордый вид ему не удалось. Накита была куда меньше его и в своем полном замешательстве казалась растяпой. Теперь, конечно, смущенной растяпой.

— Да ты чокнутая! — крикнул Лен, поправляя рубашку. — Эй, слышишь? Вы оба друзья Мэдисон, да? Такие же чокнутые, как она!

Я сделала невинное лицо, стараясь не рассмеяться. Барнабас хихикал — как и все ребята, наблюдавшие за происходившим.

Эми схватила Лена за руку, словно не давая ему броситься на нас, и утащила. И тут из-за угла появился учитель. Но смотреть было не на что, разве что на смеющихся ребят. Они вскоре разошлись, громко комментируя происшествие, стайка барышень потащила за ними. Я выдохнула, даже не заметив, когда успела вдохнуть.

— Накита, — начала я, снова открывая шкафчик. — Нам нужно поработать над твоими навыками общения с людьми.

— Он коснулся меня, — нахмурилась она. — Ему повезло, что остался в живых.

Я подняла брови. Может, серафимы все-таки они ошиблись, решив, что Накита будет учить меня обращаться с амулетом, а я ее — жить с даром страха.

— Да, коснулся, но если ты не хочешь вылететь из школы, нужно быть мягче.

— Мягче, — задумалась жница, а потом с облегчением сказала: — Это ножом под ребра, что ли?

Барнабас наклонился к ней:

— Замени нож на палец — наверняка сработает.

Сверху раздался звенящий голос почти на пределе моего сознания:

— *Жила-была девочка с грацией...*

Я подняла глаза и улыбнулась светящемуся шару.

— Грейс! — воскликнула я, надеясь, что никто не подумает, будто я разговариваю с потолком. В первый раз, когда со мной пытался связаться серафим, я потеряла сознание от боли. Теперь все дела велись через посыльного ангела, но впервые им была Грейс.

Она опустила на дверцу моего шкафчика.

— Привет, Мэдисон. У меня послание для Накиты, — Грейс засверкала ярче и добавила: — А что здесь делает Барнабас? Ты темный хранитель времени, а он...

— Не с Роном, — сказал Барнабас с каменным лицом и скрестил руки на груди.

Свет загорелся еще ярче, и я уж подумала, что теперь Грейс видно всем.

— Ты стал мрачным жнецом! — воскликнула она, да так, что я поморщилась от боли.

Накита хихикнула, а Барнабас провел рукой по кудряшкам и сказал:

— Я не знаю, кто я, но оставаться на старом месте не смог. Я не доверяю Рону, но по-прежнему не верю в судьбу.

Накита откинула волосы назад, подбоченилась и едва ли не прорычала:

— Ты осмелишься противостоять воле серафимов?

— Я буду смотреть своими глазами и думать собственной головой, — огрызнулся Барнабас.

Грейс нетерпеливо зазвенела. Я остановила спорщиков:

— Ну ладно. Отлично! Я тоже не верю в судьбу, но уважаю Накиту. — И тот большущий меч, который она может сотворить, как показывала на прошлой неделе. — Пока я в школе, мне не угрожает ничего из того, о чем вы, ребята, беспокоитесь. Может, подождете снаружи?

Они тут же умолкли.

— Мне нужно быть здесь. — Опустила глаза Накита. — Ради самой себя. Мне нужно понять. Серафимы не знают, повлияет ли то, что ты мертвая, на способность читать время, и как. А я больше не чувствую себя своей среди ангелов. Они думают, я испорчена, — закончила она, и я поморщилась, различив в ее голосе стыд.

Барнабас обвел безучастным взглядом взволнованных ребят, сновавших вокруг нас.

— Мне нужно что-то делать. Я... тоже один. А к тебе я привык.

Очень мило. Ко мне он привык. Будто к паре старых носков.

— Так вы оба охраняете Мэдисон? — спросила Грейс. — Надо же кому-то, в самом деле. Мне она не позволит.

При одной мысли об этом мне стало дурно, но Грейс опустила ко мне на плечо и шепнула:

— Спасибо, что дала мне имя, Мэдисон. Я думала, у меня его заберут, но они наконец решили оставить, если я буду твоим постоянным посланником.

— Здорово, Грейс! — Я и правда была рада. И видеть ее была рада, только вот когда Наките в последний раз пришло сообщение, она извинилась, исчезла, а вернулась довольная и со свежей зазубриной на мече.

Крошечный ангел поднялся выше, а я спиной почувствовала знакомое присутствие. Накита, стиснув зубы, отвернулась, Барнабас улыбнулся, и я не удивилась, когда Джош

нырнул из коридорного потока в наш маленький водоворотик.

— Привет, Мэдисон, — сказал Джош, стукнувшись кулаками с Барнабасом.

— Привет, Джош. — От волнения я смутилась еще сильнее, особенно когда Грейс радостно загудела.

Джош здорово выглядел, он совсем поправился после столкновения со смертью. Но все же недолго любил Накиту, и взаимно, судя по тому, что она угрюмо уставилась в пол.

— За Мэдисон отвечаю я, — пробормотала Накита, продолжая прежний разговор. — Ты не справился. Дважды. Мне кажется, ты шпион. — Бросила она Барнабасу, не обращая внимания на Джоша.

Светлый жнец оскорбился и громко возразил:

— Я не шпион! Взгляни на мой амулет. Хоть немножко похож на красный?

И точно. К немалому огорчению Барнабаса, цвет его камня переместился еще дальше по спектру, амулет теперь сверкал чистым, нейтральным золотом, как у совсем неопытного жнеца. Барнабас не был больше связан с Роном. Он был связан со мной и становился темнее.

— А если ты не шпион, — Накита ткнула в него пальцем, — зачем ты здесь, Барни?

— Затем что не доверяю тебе. И не называй меня так.

Накита что-то прошипела в ответ, Грейс вызвалась их разнимать, а я со вздохом отвернулась.

— Как маленькие, — пожаловалась я и улыбнулась. — Когда у тебя завтрак?

— Во вторую очередь, — Джош выудил расписание.

— И у меня! — обрадовалась я. — Встретимся у главного фонтана. Если только...

Джош улыбнулся, и у меня перехватило дыхание.

— Если только ничего. Буду ждать.

Позади нас раздался крик Накиты:

— Да я отрежу твой язык и скормлю своим адским псам!

Джош поморщился, толпа отшатнулась от нас.

— А ты не можешь от них отделаться?

Я лучезарно улыбнулась и покачала головой:

— Не-а. Пробовала.

Он переложил учебник в другую руку.

— Я, кажется, слышу Грейс. Она здесь? Я по ней... скучаю, что ли.

Я прислонилась к шкафчику и кивнула по-прежнему спорившим Наките и Барнабасу. На них уже поглядывали, и я подумала: а не организовалась ли моими усилиями новая тусовка? Компания скандальных чудаков?

— Грейс принесла послание Ките всемогущей.

Джош засмеялся. Так славно. А я сразу подумала, не отвезет ли он меня домой после школы, чтобы не тащиться в автобусе. Эми будет сражена наповал.

Джош взглянул на Барнабаса и Накиту, которые наконец уgomонились, чтобы выслушать Грейс.

— Какие-нибудь дела после школы?

Хватит уже дел, подумала я и пожала плечами:

— Не знаю. Может, у Накиты какие-то планы.

— Закрой поющую дырку, — бросила Накита Барнабасу напоследок и привычным движением откинула назад волосы, собираясь с духом. Повернулась ко мне и сказала: — Такое дело. Барни посмотрит за тобой... пару часов.

Так я и думала. Очередное срезание души.

— Накита, мне это не нравится, — начала я, а между тем Барнабас просто кипел от злости. — Срезать души людей, которые делают неправильный выбор, — плохо. Легко, но плохо.

Жница удивилась.

— Их не поэтому выбирают, а ты насмотришься на людскую жестокость — не так заговоришь. К тому времени как научишься пользоваться амулетом — поймешь. А до тех пор твои желания ничего не меняют.

Прозвучало это в высшей мере покровительственно, но ведь Накита и была старше всех здесь, кроме Барнабаса.

— А домашняя работа? — спросила я, зная, как ей хочется приспособиться к нашей жизни, раз свои больше ее не принимают.

Накита стиснула зубы и протянула свое расписание Джошу:

— Он сделает за меня.

Джош даже растерялся.

— Ну, Накита, в школе так не бывает.

Барнабас выхватил бумажку из рук Джоша и сунул обратно Наките:

— Если ты пойдешь, я с тобой. Не позволю тебе забрать еще одну душу, так что можешь никуда не собираться.

— И посмотрим, как ты попробуешь меня остановить! — Накита начала все по новой.

Грейс ринулась между ними — легкий золотой проблеск в воздухе:

— В этом здании столько любви! У меня прямо голова кругом. Я уйду. Накита, ты берешься или нет?

— Да, — ответила та, Грейс вспыхнула и исчезла, оставив лишь запах роз.

Накита притянула меня к себе, наши головы чуть не соприкоснулись.

— Тебе стоит пойти со мной, — сказала она, искоса поглядывая на окружающих. — Может, научишься смотреть в будущем и видеть жестокость, которую влечет за собой человеческий выбор. Уверена, тогда ты согласишься со мной.

— Но первый школьный день! — возразила я, пока Джош выяснял у Барнабаса, что происходит. — Не могу же я прогулять.

Голубые глаза Накиты сузились, щеки загорелись румянцем.

— Ты — воплощенная воля серафимов, Мэдисон.

— Ну, воля серафимов не хочет сидеть под замком. — Никогда бы не поверила, что эти слова в сочетании могут иметь смысл. — Я не согласна с судьбой, — добавила я.

Урок вот-вот должен был начаться, коридор пустел.

— Так несправедливо, Накита, — вмешался Барнабас, причем довольно громко, я даже заволновалась, как бы кто не услышал. — Этот человек ничего не сделал.

— Но сделает, — уверенно ответила Накита. — И если с твоей высоты нельзя заглянуть за повороты времени, это не значит, что такое не под силу серафимам.

Ну просто великолепно! Первый школьный день, а Накита хочет утащить меня на вечеринку душесрезания. Зазвенел звонок — я вздрогнула. Вздохнула, собрала учебники и пошла по коридору. Джош нагнал меня, Барнабас и Накита задержались.

— Так мы куда, на урок или на охоту?

Я уставилась на него с недоверием.

— Ты тоже хочешь?

Накита протиснулась между нами и оттерла Джоша в сторону:

— Убить этого будет для тебя одно удовольствие, Мэдисон. Грейс говорит, что это демонское отродье создаст компьютерный вирус, который погубит операционную систему больницы. Сотни твоих драгоценных людей, Барнабас, умрут до срока по человеческому выбору, сделанному из-за гордыни и жажды признания. Если мы не переместим его душу на более высокий уровень, пока она не запятнана, этот человек в конце концов станет кибертеррористом.

О-ох, раз удар.

Барнабас с мрачным видом подошел ко мне с другой стороны.

— Но он же еще ничего не сделал. Выбор есть всегда, и он может выбрать правильно.

Коридор был пуст. Направо — дорога к кабинету физики, налево ярко сверкает прямоугольник главной школьной двери.

— Накита, — сказала я, замедлив шаги, — я была неправа, когда спасла Сьюзан, ту девушку в лодке?

— Да, — тут же ответила она.

— Нет, — возразил Барнабас.

Накита прижала к груди учебник по домоводству, взбивалка и чашка с яйцами странно смотрелись рядом с ее суровым, почти кровожадным лицом.

— Она писала бы статьи о правде без сострадания. Она посвятила бы свою жизнь уничтожению чести и веры людей друг в друга. Она лишь разрушала бы, не давая ничего взамен.

Два удар.

— Ее судьба по-прежнему такова? — спросила я, зацепившись за Накитино «бы».

На лице жницы появилось озадаченное выражение.

— Нет, — сказала она. Мы остановились. — Серафимы поют, что ее будущее затуманено, и они не знают почему.

Я улыбнулась.

— Я знаю, почему. — И, довольная, пошла к выходу. Я знала, что делать — как примириться с ролью начальника системы, которую не признаю, и исполнять ее, пока не найду свое тело и не вернусь к обычной жизни. — Ты поняла, что такое страх, и это изменило тебя, а Сьюзан встретилась со смертью — и научилась ценить жизнь. Трудно сделать выбор, когда видишь всего один путь.

Барнабас слева от меня нахмурился и угрюмо сказал:

— Это ты про меня.

— Нет. — Я оглядела холл, надеясь, что никто на нас не смотрит. — Не думаю. Кто знает? — Я пожалала плечами. — Я пойду с тобой, Накита, и прежде чем ты вытащишь меч и совершишь свою работу, хочу поговорить с этим парнем.

— Зачем? — выражение лица темной жницы стало точь-в-точь таким же озадаченным, как у Барнабаса.

— Посмотрим, может, сумею изменить его судьбу.

Уф.

Ну ладно, я мертвая, мое тело застряло где-то между настоящим и будущим, и двое жнецов-спорщиков защищают меня от хранителя времени, которому я когда-то доверяла. Все не так уж плохо. Папа понятия не имеет, что я мертвая, Джош живой, и пока я не верну свое тело и не спрыгну с этих американских горок, не просто могу безнаказанно прогуливать

— таков мой моральный долг.

Мы дошли до двери, я распахнула ее, а Джош поймал и придержал, солнечный свет пролился внутрь и согрел меня.

— Собираешься прогуливать? — спросил Джош.

Я ухмыльнулась:

— Ага. Накита и Барнабас меня прикроют. Ради нас. Я хорошая девочка, но, конечно, иногда делаю плохие вещи.

Джош засмеялся и пропустил меня вперед.

— Нарушать правила не так плохо, если делаешь это ради чего-то поважнее, чем само правило.

Я приостановилась на пороге и прищурилась на солнце:

— Думаешь, есть разница?

Джош кивнул, и от его улыбки в самой глубине моего существа все задрожало.

— Думаю, да.

— Я тоже, — сказала я, и мы вместе отправились спасти душу еще одного хорошего парня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Хочу поблагодарить своего редактора, Тару Вейкум — она даже не представляет, как помогла мне, — и своего агента, Ричарда Кертиса, который не перестает меня удивлять, замечая многое гораздо раньше меня.